ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ГОЛОВАНЕВА Татьяна Александровна

**ЖАНРОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРЯКСКОГО И
АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
канд. филол. наук Мальцева А. А.

Новосибирск – 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ	17
1. Референциальный потенциал лексических актуализаторов	18
1.1. Референциальные возможности имен собственных.....	18
1.2. Референциальные возможности номинаций.....	24
1.2.1. Дескрипции как средство референции.....	24
1.2.2. Степень определенности референциальных дескрипций.....	27
1.2.3. Нереферентные дескрипции и псевдодескрипции.....	32
1.2.4. Одиночные номинации как средство референции.....	34
1.3. Референциальные возможности местоимений.....	37
1.3.1. Анафорические местоимения.....	38
1.3.2. Дейктические местоимения.....	38
2. Изучение референциальных механизмов как динамических текстообразующих процессов	41
2.1. Факторы, предопределяющие выбор способов референции.....	44
2.1.1. Дискурсивные факторы.....	47
2.1.2. Глобальные факторы.....	48
2.1.2.1. Исходный модус текста.....	49
2.1.2.2. Монологический / диалогический характер речи.....	50
2.1.2.3. Специфика реальности изображаемого в тексте мира.....	54
2.1.2.4. Жанровые особенности текста.....	59
2.2. Условия возникновения и способы разрешения референциального конфликта.....	64
Выводы	67
ГЛАВА II. КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ВЫБОРОМ ИНТРОДУКТИВНЫХ СРЕДСТВ РЕФЕРЕНЦИИ И ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКОЙ ТЕКСТА	69
1. Особенности интродуктивной референции в мифологических и автобиографических текстах на корякском и алыторском языках	70
1.1. Имя собственное.....	75
1.1.1. Этимологически мотивированные имена собственные.....	76
1.1.2. Имена собственные как индексальные знаки.....	82
1.2. Термины родства.....	85
1.3. Гендерные термины.....	88
1.4. Локальные идентификаторы.....	89
1.5. Статусные идентификаторы.....	90
1.6. Этнические идентификаторы.....	91
1.7. Таксономическая номинация ‘человек’.....	92
2. Лексические способы актуализации единичного референта в исторических преданиях	93
2.1. Одиночные номинации.....	96
2.2. Составные дескрипции.....	103
2.2.1. Составные дескрипции с доминирующим компонентом ‘имя собственное’.....	104
2.2.2. Составные дескрипции с доминирующими компонентами.....	

‘имя собственное’ и ‘термин родства’.....	106
2.2.3. Составные дескрипции с доминирующим компонентом ‘этнический идентификатор’.....	107
3. Лексические способы актуализации референтных групп в корякских и алюторских текстах разных жанров.....	108
3.1. Типичные способы лексической актуализации референтных групп в текстах разных жанров.....	108
3.2. Сопоставление лексических способов актуализации единичного референта и референтных групп в текстах разных жанров.....	111
4. Особенности интродуктивной референции в литературном тексте.....	118
4.1. Актуализация единичного референта.....	119
4.1.1. Одиночные номинации.....	119
4.1.1.1. Имена собственные.....	119
4.1.1.2. Однокомпонентные дескрипции.....	121
4.1.1.3. Однокомпонентные дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс.....	125
4.1.2. Двухкомпонентные дескрипции.....	127
4.1.3. Многокомпонентные дескрипции.....	132
4.2. Интродуктивная актуализация референтных групп.....	134
4.2.1. Одиночные номинации.....	134
4.2.2. Однокомпонентные дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс.....	141
4.2.3. Двухкомпонентные дескрипции.....	144
4.2.4. Многокомпонентные дескрипции.....	148
5. Особенности интродуктивных дескрипций в публицистике.....	153
5.1. Актуализация единичного референта.....	154
5.2. Актуализация референтной группы.....	158
Выводы.....	161
ГЛАВА III. СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ И РАЗРЕШЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ТЕКСТАХ НА КОРЯКСКОМ И АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	165
1. Факторы, способствующие разрешению референциального конфликта....	165
1.1. Внутривопозиционные факторы.....	165
1.1.1. Семантика предикатов.....	165
1.1.2. Семантика актантов.....	170
1.1.3. Семантика локализаторов.....	175
1.2. Синтаксические факторы.....	177
1.2.1. Сохранение позиции подлежащего.....	177
1.2.2. Обращение как средство компенсации диалогического референциального конфликта.....	190
1.3. Текстуальные факторы.....	191
1.3.1. Вставной эпизод.....	192
1.3.2. Степень протагонизма.....	195
1.4. Факторы, обусловленные жанровыми особенностями текста.....	203
1.4.1. Приоритетная роль рассказчика в автобиографических повествованиях.....	204
1.4.2. Факторы, способствующие переключению референции в фольклоре.....	217
1.4.2.1. Реплика персонажа как средство сохранения этого референта в фокусе внимания.....	217
1.4.2.2. Устойчивость системы персонажей традиционного фольклора.....	221

1.4.2.3. Функции традиционных фольклорных персонажей.....	226
1.4.2.4. Дифференциация речевых особенностей персонажей.....	229
1.4.2.5. Модель диалога: Вопрос ^{Референт1} – Ответ ^{Референт2}	230
1.4.2.6. Модель диалога: «Да» ^{Референт1} – «Нет» ^{Референт2}	235
1.5. Экстралингвистические факторы.....	236
1.5.1. Религиозные представления о перерождении души.....	237
1.5.2. Дифференциация женских и мужских социальных ролей.....	238
Выводы.....	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	242
Список литературы.....	
Условные обозначения.....	

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена изучению влияния жанровой специфики текста на выбор средств выражения референции протагонистов. Термину *протагонист* тождественны понятия *главный участник ситуации*, *герой повествования*, *персонаж*.

В отечественной лингвистике теория референции начала разрабатываться на материале русского языка. Первые работы в этой области принадлежат Е. В. Падучевой [1965], Н. Д. Арутюновой [1977], А. А. Уфимцевой [1977]. Целостную концепцию и методы анализа лексических референциальных актуализаторов представила Е. В. Падучева [1985]. Этот подход связан, прежде всего, с уточнением семантики лексических референциальных маркеров. В этом направлении продолжили исследование М. Г. Селезнев [1985], О. Ю. Богуславская и И. А. Муравьева [1987], М. А. Кронгауз [1989], А. Д. Шмелев [1995]. Постепенно формировалась методологическая база для изучения механизмов референции как обусловленных структурой дискурса. В работе А. А. Кибрика [2003] представлена система четких критериев, позволяющих не только регистрировать, но и прогнозировать выбор референциальной стратегии на протяжении длительного нарратива с учетом типа языка. В настоящее время в этом направлении работают Л. Б. Лебедева (на материале русского языка) [1991], Е. В. Ковган (на материале хантыйского языка) [2002], Т. А. Кузьмина (на материале немецкого языка) [2004], З. В. Ефимова (на материале японского языка) [2005], Э. Ю. Забалухина (на материале английского и русского языков) [2010].

Грамматические референциальные актуализаторы в чукотско-камчатских языках были предметом специального анализа в процессе изучения морфологии глагола. Результаты этой работы на материале чукотского языка представлены в работах П. Я. Скорика [1948, 1961, 1977], на материале корякского языка – в грамматике А. Н. Жуковой [1972], на материале алюторского языка – в монографиях А. А. Мальцевой [1998], А. Е. Кибрика,

С. В. Кодзасова, И. А. Муравьевой [2000], Ю. Нагаяма [2003]. К изучению сферы личного дейксиса в аляutorском языке и анализу грамматических способов актуализации референта обращался А. Е. Кибрик [2001]. На материале чукотского языка И. А. Муравьева исследовала референциальные возможности инкорпорации [1994, 2004].

Применительно к корякскому и аляutorскому языкам до сих пор оставались не изученными лексические способы актуализации референтов, а также факторы, влияющие на выбор референциальных актуализаторов в текстах разных жанров.

Актуальность исследования обусловлена рядом причин. Во-первых, анализ референциальных механизмов на материале аляutorского и корякского языков важен для уточнения положений теории референции, которая в настоящее время продолжает разрабатываться. Во-вторых, анализ референциальных механизмов с учетом жанровой специфики текста расширяет спектр подходов к изучению феномена референции и позволяет уточнить положения теории жанров.

Новизна исследования обусловлена тем, что в нем впервые на материале корякского и аляutorского языков выполнено последовательное описание способов интродуктивной референции как начальной точки отсчета, задающей перспективы выстраивания референциального плана повествования, и представлен анализ способов переключения референции и разрешения референциального конфликта с учетом жанровых особенностей текста.

Цель исследования – выявить степень влияния жанровых особенностей текста на выбор интродуктивных средств референции и способы разрешения референциального конфликта.

В ходе работы были поставлены и решены следующие конкретные **задачи**:

1) последовательно изучить и сопоставить способы интродуктивной актуализации референта и референтных групп (протагонистов) в устных автобиографических рассказах и фольклорных текстах;

2) выявить и сопоставить способы интродуктивной актуализации референта в письменных текстах разной жанровой принадлежности: а) в литературных оригинальных произведениях на корякском и алюторском языках, б) в публицистике;

3) исследовать закономерности моделирования референциального плана автобиографического повествования;

4) выявить факторы, способствующие разрешению референциального конфликта в корякских и алюторских мифологических сказках.

Методы исследования: метод наблюдения, описания, статистического анализа, сравнительно-сопоставительный.

Теоретико-методологическая база. Исследование было проведено в соответствии с двумя направлениями теории референции. В процессе изучения интродуктивных лексических способов референции были использованы методики анализа референциального потенциала местоимений и именных дескрипций, разработанные Н. Д. Арутюновой [1977, 1982], Е. В. Падучевой [1985], М. Г. Селезевым [1985], А. Д. Шмелевым [1984, 1995, 2002]. В ходе изучения факторов, способствующих разрешению референциального конфликта, была использована методика и терминология, разработанная А. А. Кибриком [1987, 1988, 2003], анализ повествовательной стратегии в автобиографических рассказах проведен с опорой на работы Б. А. Успенского [2007, 2011].

Ориентируясь на работы отечественных лингвистов, мы употребляем термины: *референт* – объект действительности (в т. ч. и вымышленной), актуализированный в тексте; *референция* – способ актуализации объектов действительности в процессе порождения текста; *интродуктивная референция* – первичное представление референта в тексте, *идентифицирующая референция* – вторичное (и последующее) представление референта, *анафорическая референция* – частное проявление идентифицирующей референции, базируется на принципах анафорической связи между антецедентом и анафором.

Для анализа *референциальных механизмов* (т. е. способов выражения референции в тексте) используем термины 1) *лексические референциальные актуализаторы*: имена собственные, дескрипции, одиночные имена нарицательные (=одиночные номинации), дейктические местоимения; 2) *редуцированные лексические актуализаторы*: анафорические местоимения; 3) *грамматические актуализаторы*: связанные личные показатели глаголов и именных частей речи, 4) *реплики*: диалогические реплики актуализированных в тексте референтов (=цитаты). *Референциальный конфликт* – языковая ситуация референциальной неоднозначности, предполагающая наличие как минимум двух претендующих на актуализацию референтов.

Структура референциальной номинации – характеристика номинации в зависимости от количества компонентов (1-, 2-, 3-х компонентная и т. д. структура). *Модель референциальной номинации* – это комбинация актуализаторов определенных семантических классов, составляющих одну дескрипцию, например, [имя собственное + термин родства].

В диссертационной работе проанализированы способы актуализации референтов – *протагонистов*. Понятию *протагонист* тождественны понятия *главный участник ситуации* [Крылов 2005: 283], *центральный герой повествования* [Ефимова 2005: 181], *персонаж*.

Материал исследования:

1) Целостные корякские и алюторские тексты трех жанров: автобиографические рассказы (36 текстов), мифологические сказки (45 текстов), исторические предания (16 текстов); из них 70 текстов опубликованы в [Стебницкий 1936; Жукова 1980; Жукова 1988; Кибрик, Кодзасов. Муравьева 2000;], 27 текстов – материалы из личного архива (экспедиции 2006, 2010 гг.).

2) литературные повести корякского писателя Кецай Кеккетына «*Евнѳотвалһән*» ‘Эвныто-батрак’ [1936а], «*Vatqəlһән кәһewçit*» ‘Последняя битва’ [1936б] и алюторского писателя Кирилла Килпалина «Аня» [1993];

3) статьи на корякском языке (10 текстов), опубликованные в газете «Народовластие» в 1994–1996 гг.

Предмет исследования: система средств актуализации единичных референтов и референтных групп (протагонистов) в письменных и устных целостных корякских и алюторских текстах разных жанров.

Положения, выносимые на защиту

1. Выбор интродуктивных средств актуализации референта в тексте предопределен повествовательной традицией этноса.

2. Сходство способов интродуктивной референции в корякском и алюторском языках обусловлено близостью фольклорной традиции данных этносов: наличием единого мифологического цикла, единством жанровой системы.

3. Тексты разных жанров отличаются по степени регламентированности интродуктивных номинаций.

4. Предельная референциальная конкретность в алюторской и корякской повествовательной традиции характерна для автобиографических рассказов и мифологических сказок Вороньего цикла¹. Доминирующими средствами интродуктивной номинации в них являются имена собственные и термины родства. Воспроизведение стереотипных моделей референциальных номинаций обеспечивает устойчивость архаичных сюжетов мифологического цикла и является одним из механизмов самосохранения культуры.

5. В исторических преданиях этнические и статусные идентификаторы выступают в качестве устойчивых компонентов разнообразных моделей интродуктивных дескрипций, среди которых не выявляются доминирующие, что является свидетельством неустойчивости этнической повествовательной традиции применительно к этому жанру

6. В литературных текстах усложнение референциальных номинаций происходит преимущественно за счет включения в состав дескрипций разного

¹ Вороний цикл – цикл традиционных корякских, алюторских и ительменских мифологических сказок, главным героем которых является мифический первопредок, demiург Куткынйяку и члены его семьи.

рода определений, использование которых не характерно для интродуктивных номинаций бытовых и фольклорных аляutorских и корякских текстов.

7. Референциальные номинации, востребованные в газетных статьях, построены по моделям аналогичных русских дескрипций. Круг моделей предельно ограничен, что обусловлено прагматическими задачами газетной статьи.

8. Жанр исторических преданий требует наиболее четкого выстраивания референциального плана. Преимущественное использование лексических маркеров в текстах исторических преданий предотвращает появление референциальных конфликтов.

9. Автобиографическим рассказам присуща стандартная стратегия выстраивания референциального плана повествования, где константной точкой является субъект-нарратор. Референциальные конфликты, возникающие в текстах данного жанра, разрешаются в пользу субъекта-нарратора.

10. В текстах мифологических сказок Вороньего цикла референциальные конфликты – явление типичное, что связано с устойчивостью образной системы в пределах всего цикла. Дискурсивные факторы (внутрипропозиционные, синтаксические, текстуальные), реализуясь на локальном уровне, как правило, согласуются с референциальной стратегией, сформировавшейся под влиянием глобальных факторов, в частности жанровых приоритетов. Для мифологических сказок Вороньего цикла такими жанровыми приоритетами являются степень протагонизма в пределах повествовательной этнической традиции и существование устойчивой связи между набором референтов и определенным кругом сюжетов.

Теоретическая значимость. Результаты данного исследования будут востребованы в процессе изучения типологии референции, типологии дискурса. Теория референции в применении к фольклорным произведениям разных жанров позволит выявить языковые (референциальные) критерии жанровой дифференциации фольклорных текстов, что особенно важно для развития теории жанров и междисциплинарных исследований.

Практическая значимость. Результаты этой работы могут быть использованы при анализе разножанрового текстового материала различных языков, поскольку корреляции между способами интродуктивной номинации, факторами разрешения референциального конфликта и жанровой спецификой текста, вероятнее всего, носят универсальный характер.

Результаты этой работы очень важны для адекватного перевода текстов в процессе расшифровки аудиозаписей корякских и алыторских мифологических сказок и других записей устной речи. Данная проблема с каждым годом приобретает всё большую остроту, поскольку уникальные повествовательные традиции коренных народов Сибири и Дальнего Востока катастрофически быстро исчезают. В связи с этим выявление факторов, помогающих верной записи текстов и способствующих их адекватному переводу, является необходимым условием дальнейшей профессиональной работы с этим материалом.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав (I – теоретическая, II, III – практические), заключения и приложений. В теоретической главе изложены основные положения теории референции. Во второй главе представлен анализ способов интродуктивной референции в корякских и алыторских текстах разных жанров. Третья глава посвящена изучению корреляции между способами разрешения референциального конфликта и жанром текста.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2009, 2010 гг.); Международной научно-методической конференции «Проблемы славянской культуры и цивилизации» (г. Уссурийск, Уссурийский государственный педагогический институт, 2011 г.); региональной конференции «Языки Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2009 г.).

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ

В языкознании обращение к проблемам референции приходится на 60-е – 70-е гг. XX в. Лингвисты задаются вопросами, в каком случае можно говорить о референции, какие языковые средства помогают ее осуществлению. Это была острая полемика, о которой можно судить и сейчас, сопоставляя статьи сборника «Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII» [Новое 1982]. Многие положения, сформулированные в то время, не только не утратили своей актуальности, а, напротив, приобрели статус законов теории референции.

Можно сказать, что в 70-е гг. XX в. зарубежные и советские лингвисты работали параллельно над одними и теми же проблемами. Но в зарубежной лингвистике изучение референциальных механизмов сразу было провозглашено особой областью лингвистики, а в советском языкознании практические аспекты актуализации референта в тексте рассматривались в сфере лексики и семантики.

Первоначально предполагалось, что основанием для установления тождества между объектом действительности и его выражением в тексте являются только лексические номинации. Референция понималась как «отношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [Арутюнова 1982: 6]. При этом круг *референциальных актуализаторов* (языковых средств, предназначенных для осуществления референции) составляют *имена собственные, индексальные* (т. е. указательные, дейктические) *слова, дескрипции, общие имена* [Падучева 1985].

Несмотря на то, что все внимание при этом подходе сосредоточено на выявлении семантических и коммуникативных составляющих определенных дескрипций, исследователи отмечали необходимость изучения референци-

альных механизмов и посредством анализа предикации: «Референция не образует автономного речевого акта. Она осуществляется определенными дескрипциями как составной частью предложения (суждения) и является этапом, подготавливающим предикацию. Поэтому рассмотрение референции в полном отрыве от предикации и общего смысла предложения не может быть ни достаточным, ни адекватным» [Арутюнова 1982: 25]. Таким образом, Н. Д. Арутюнова определяет два основных подхода к исследованию феномена референции: 1) изучение референциальных возможностей именных групп и местоимений; 2) анализ референции как процесса, обусловленного особенностями текстообразования.

1. Референциальный потенциал лексических актуализаторов

Референциальный потенциал – потенциальные возможности языкового средства максимально конкретно представить объект действительности в вербальном тексте. Традиционно к лексическим средствам выражения референции относятся: имена собственные, дескрипции, одиночные имена нарицательные, местоимения. По классификации, предложенной А. А. Кибриком [2003], все референциальные средства разделяются на два типа: первичные и вспомогательные. При этом первичные делятся на лексически полные именные группы и редуцированные. К лексически полным относятся: имена собственные, имена нарицательные, простые и распространенные именные группы (т. е. дескрипции), дейктические местоимения. Общим свойством всех первичных средств референции является их способность представить референт при первом его упоминании в тексте [Кибрик 2003: 62, 63].

1.1. Референциальные возможности имен собственных

Имена собственные неоднократно являлись предметом специального анализа в рамках теории референции. На первых этапах становления теории референции изучение имен собственных становится одним из актуальных, приоритетных направлений: «Некоторым видам слов преимущественно, если не исключительно, присуща референтная функция. Это со всей очевидностью относится к местоимениям и обычным собственным именам» [Стросон 1982а: 78]. И далее: «Обычное личное имя можно огрублено представить как референтно употребляемое слово, использование которого *не* обуславливается каким-либо возможным для него дескриптивным значением ...» [Там же: 81]. П. Ф. Стросон категорически против того, чтобы видеть в именах собственных скрытые дескрипции. Он говорит о том, что в наше время выбор имени произволен.

В отечественном языкознании начало фундаментального изучения имени собственного как лингвистического феномена связано с работами А. В. Суперанской [1969, 1973] и В. И. Болотова [2001] (впервые работа была опубликована в 1970 г.). В. И. Болотов, сопоставляя особенности употребления имен собственных и имен нарицательных, исследует референциальные особенности употребления имен собственных в речи, среди которых основными являются: 1) способность идентифицировать один объект из множественного ряда; 2) отсутствие понятийной соотнесенности вне контекста. О понятийной соотнесенности имени собственного можно судить только в контексте или в речевой ситуации [Болотов 2001: 50]. Анализируя факты употребления имен собственных в составе дескрипций, В. И. Болотов делает вывод: «Избыточность форм приводит к избыточности содержания, но денотат не меняется, следовательно, появляются дополнительные коннотации экспрессивно-эмоционального характера» [Там же: 57].

В 1970-е годы вопросы специфики употребления в речи имен собственных и нарицательных изучает А. А. Уфимцева [2004]. Она включает име-

на собственные в класс индивидуализированных знаков, которые могут выражать и эмоционально-оценочное отношение к референту [Уфимцева 2004: 160].

В 1977 году выходит исследование Н. Д. Арутюновой «Номинация, референция, значение». В этой работе особое место уделено референциальной специфике имен собственных. То, что имя собственное не должно характеризовать референта, отмечалось и ранее, но Н. Д. Арутюнова делает из этого интересный вывод: «Имя собственное не имплицитно подразумевает наличия какого-либо качества референта. Более того, до тех пор, пока такая импликация существует, номинация относится не к разряду имен собственных, а к разряду прозвищ, кличек, живучесть которых, в отличие от имен собственных, зависит от их меткости, от того, насколько верно схвачено в них какое-либо свойство референта» [Арутюнова 1977: 192]. Анализируя специфику употребления имен собственных в фольклорных текстах, мы увидели, что в них имена собственные нередко выполняют характеризующую функцию и таким образом скорее приближаются к прозвищам и кличкам, нежели к именам собственным. Логично предположить, что имена собственные вообще как языковое явление возникли позже прозвищ и кличек, возможно, на их базе. Этот процесс на материале башкирского языка анализирует З. М. Раемгузина [2006].

В архаических текстах корякских и алюторских сказок обнаруживается путь происхождения имен собственных из прозвищ. В отличие от бытовых текстов, где имена собственные функционируют только как индексальные знаки, в мифологических корякских и алюторских текстах имя собственное, представляющее собой именной инкорпорированный комплекс, не только обозначает, но и характеризует референта.

С другой стороны, сама связь между референтом и его именем уже может служить основанием для формирования дескриптивности имени (сначала не имя характеризует референта, а референт имя, потом уже – наоборот). Имена собственные способны «наполняться дескриптивным содержанием в процессе их функционирования» [Шатуновский 1993: 8].

Развитие референциальной теории позволило лингвистам дифференцировать «стандартное» и «нестандартное» употребление имени собственного в речи. Об условиях дифференциации пишет А. Д. Шмелев: «При стандартном употреблении ИС (имен собственных – *Т. Г.*) референт предполагается известным адресату речи. Случаи, когда требования известности нет, являются “нестандартными”; к ним относятся квазиавтономные употребления, когда нет требования известности денотата адресату речи, и переносные употребления, когда есть требования известности денотата мотивирующего ИС, но референт не совпадает с указанным денотатом» [Шмелев 2002: 50, 51]. Употребление имени собственного при первом представлении референта в художественном тексте А. Д. Шмелев рассматривает как мнимое отклонение от прагматического принципа употребления имени собственного. Использование имени собственного в качестве интродуктивного средства актуализации литературного персонажа используется как художественный прием: текст как бы пишется для посвященных.

Специфику функционирования имени собственного в художественном тексте некоторые исследователи видят в том, что по мере хода повествования имя собственное главного героя референциально преобразуется [Лукин 2005]. При интродуктивной актуализации референта имя собственное содержит катафорическую отсылку ко всему последующему тексту. Далее, по мере развертывания сюжетного действия, имя собственное анафорически отсылает к уже прочитанному. Более того, по мере развития сюжета имя собственное, первоначально воспринимаемое только как индексальный знак, может быть переосмыслено читателем уже как дескрипция. В. А. Лукин приводит в пример мотивированность имен героев комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: “Молчалин”, “Скалозуб”. Эта художественная дескриптивность имени собственного осознается читателем только по мере развития сюжета [Там же: 44–51].

В настоящее время имя собственное как лингвистический феномен продолжает привлекать внимание исследователей [Кронгауз 1987; Матвеев

2006]. При этом появление новых работ только расширяет горизонты изучения. Так, Т. В. Шенкнехт исследует дополнительные прагматические возможности имен собственных (перлокутивную, модально-оценочную, эмоциональную, тактическую), которые востребованы в процессе коммуникативного акта [Шенкнехт 2007]. Эта же идея является основополагающей для исследования С. Ю. Потаповой [Потапова 2003]. Таким образом, имя собственное рассматривается как обусловленное прагматикой дискурса.

Т. М. Николаева в обзорной статье, посвященной проблемам современной ономастики, выделяет не только традиционные направления: топонимика и антропонимика, но и новое направление ономастики – изучение «имени-в-тексте» [Николаева 2009: 3]. Это направление связано не столько с референциальным потенциалом имени, сколько с изучением специфики функционирования имени собственного в художественном тексте. На референциальный и дескриптивный потенциал имени собственного влияет жанр и тип текста. Имя собственное в бытовой речи функционирует не так, как в художественном тексте. Это подтверждается и нашим исследованием.

Имена собственные – универсальное средство актуализации референта (семантического субъекта, протагониста) и одно из главных средств осуществления референции. Именам собственным изначально присуща референтная функция, поэтому они составляют особый класс референциально значимых слов. «С каждым собственным именем связана презумпция существования и единственности соответствующего объекта (при этом речь может идти о существовании в универсуме речи, например, в некотором вымышленном мире, который, однако, на протяжении данного акта речи рассматривается как реальный)» [Падучева 1985: 69].

В традиционных корякских сказках, условно относимых к Вороньему циклу, интродуктивная референция постоянных персонажей преимущественно осуществляется при помощи имен собственных. Круг персонажей этого цикла постоянен, за собственными именами стоят референты, «осязаемые» для носителей традиции, поэтому персонажи не нуждаются в дополнитель-

ном пояснении. Об этом типичном способе осуществления интродуктивной референции пишет О. И. Москальская: «Текстовый референт может быть идентифицирован и в первом, вводящем его в поле зрения слушателя / читателя предложении. Это имеет место при назывании его именем собственным или же, если знание о нем входит в так называемый “общий культурный фонд знаний» [Москальская 1981: 108].

Имя может быть в разной степени «собственным». По мнению В. Н. Топорова, «степень “собственности” определяется мерой простоты-сложности языковых и культурных мотиваций и экстенсивности-интенсивности данного конкретного имени» [Топоров 2004: 374] (впервые работа была опубликована в 1979 г.).

В текстовом пространстве коряжской культуры очевидна эта дифференциация степени собственности имени собственного. Чем более традиционен персонаж (например, ворон Куткыннюку, его жена Мити), тем больше вероятность, что этот референт будет введен в текст с минимальной преамбулой. И наоборот, использование имени собственного, менее востребованного в фольклорной традиции, побуждает рассказчика представить референта с помощью определенной дескрипции, одного имени собственного уже может быть недостаточно.

1.2. Референциальные возможности номинаций

Номинации, используемые в качестве лексических референциальных актуализаторов, в зависимости от сложности структуры можно разделить на собственно номинации (состоят из одного компонента) и дескрипции (состоят из двух и более компонентов). Вопрос о включении одиночных имен нарицательных в состав лексических референциальных средств долгое время являлся проблемным. Одиночные имена нарицательные не обладают той степенью определенности, которая позволяет индивидуализировать объект. На этом основании британский лингвист Дж. Р. Серл, в отличие от

П. Ф. Стросона, не включает одиночные имена нарицательные в ряд референциальных выражений. Этот ряд, по теории Дж. Р. Серла, составляют четыре типа выражений: 1) имена собственные; 2) сложные именные выражения в единственном числе; 3) местоимения; 4) титулы. Те выражения, которые Дж. Р. Серл относит к титулам (*papa римский, премьер-министр*), можно классифицировать как **статусные идентификаторы**, т. е. такие номинации, которые представляют референта через актуализацию его общественного статуса [Серл 1982: 184] (работа впервые была опубликована в 1964 г.).

Несмотря на тот факт, что одиночные имена нарицательные в меньшей степени способны конкретизировать референта, нежели дескрипции, их нельзя исключать из ряда лексических актуализаторов.

Анализируя подходы к изучению лексических референциальных актуализаторов, в первую очередь обратимся к дескрипциям, так как именно они в большей степени отвечают задачам референции.

1.2.1. Дескрипции как средство референции

Дескрипция – это именная группа, позволяющая вербально представить объект действительности. Начало изучения дескрипций в референциальном аспекте вызвано работами Бертрانا Рассела (первые публикации – 1920 г.). Перевод программной статьи Б. Рассела «Дескрипции» представлен в сборнике 1982 года «Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII». Б. Рассел впервые использует понятие «дескрипция» в качестве лингвистического термина, хотя его четкого определения не дает. Однако он определяет свойства дескрипции, разграничивая как их разновидности определенные и неопределенные дескрипции. Главным отличительным свойством определенной дескрипции является «импликация единичности» [Рассел 1982: 50]. Все свое внимание Б. Рассел сосредоточивает на анализе определенных дескрипций, поэтому свойства неопределенных не анализирует. Определенные дескрипции Б. Рассел противопоставляет именам собственным. Согласно его

теории, имя собственное и определенная дескрипция – это символы. Внешнее различие заключается в том, что имя представляет собой простой нечленимый символ, а определенная дескрипция состоит из нескольких простых символов, таким образом, дескрипция представляет собой «*комплексный*» символ, значение которого выводится из значений составляющих его символов» [Там же: 53].

К пониманию дескрипции как одного из главных средств осуществления референции подходит и П. Ф. Стросон. Хотя он не употребляет термин «дескрипция», однако по существу рассматривает именно дескрипции: «есть слова, которые могут – самостоятельно или совместно с другими словами – образовывать выражения, имеющие преимущественно референтное употребление, либо – тоже самостоятельно или в составе других выражений – употребляться по преимуществу в характеризующей или классифицирующей роли. Примерами таких выражений, очевидно, являются нарицательные существительные или нарицательные существительные с прилагательными или причастиями в препозиции; менее очевидно это для самостоятельного употребления прилагательных и причастий» [Стросон 1982а: 78] (работа впервые была опубликована в 1950 г.). Казалось бы, Б. Рассел и П. Ф. Стросон с разных позиций подходят к одному и тому же явлению. Оба лингвиста противопоставляют именам собственным те выражения, при помощи которых референция осуществляется с опорой на описание свойств референта. Однако если П. Ф. Стросон к этому разряду относит не только выражения, но и одиночные имена нарицательные, то Б. Рассел рассматривает только составные выражения: дескрипции, состоящие из нескольких простых символов.

Количество элементов в составе идентифицирующей номинации не имеет ограничений, элементов должно быть столько, сколько требуется для успешной индивидуализации объекта. Наибольшей выделительной силой обладают частные признаки. Для их выражения используются разные языковые средства, в том числе языковая номинация может принимать форму «субстантивированного прилагательного, предложного оборота и относительного

придаточного» [Арутюнова 1977: 195]. Используя термин *идентифицирующая номинация*, Н. Д. Арутюнова имеет в виду референциальную дескрипцию с высокой степенью определенности. **Референциальная дескрипция** – именная группа, предназначенная для актуализации объекта действительности в вербальном тексте – может быть разной степени определенности, что зависит от желания говорящего конкретизировать представляемый (реферируемый) в тексте объект.

Е. В. Падучева предложила идею градации идентифицирующих номинаций по степени определенности / неопределенности. Согласно этой концепции, сильная определенность представляет собой «определенность объекта одновременно для говорящего и для слушающего». Слабая определенность – «определенность объекта для говорящего, но не для слушающего». Неопределенная референция наблюдается тогда, когда обозначаемый объект является неопределенным для самого говорящего и, уже как следствие, является неопределенным и для слушающего. Таким образом, Е. В. Падучева выделяет три референтных статуса: определенный, неопределенный и слабоопределенный [Падучева 1985: 87].

Среди неопределенных выделяются *неопределенная дескрипция с таксономическим значением*. В отечественной лингвистике этот термин впервые применяет Н. Д. Арутюнова, но применяет его к кругу тех ситуаций, когда объект совершенно неизвестен адресату: «Такой предмет должен быть не идентифицирован, а введен в фонд знаний слушающего. Говорящий не может в этом случае прибегнуть ни к определенной дескрипции, ни к имени собственному. Он должен начать с неопределенной дескрипции таксономического значения, то есть сообщить, к какому классу принадлежит предмет. Таксономическое значение само по себе не является идентифицирующим. Оно выполняет (в рамках неопределенной дескрипции) предикатную функцию. Смысл дескрипции входит в значение высказывания» [Арутюнова 1982: 23]. Но есть другой подход, согласно которому номинация, независимо от ее референциального потенциала, выступающая в роли антецедента, в ходе ус-

тановления анафорической связи уже считается референтной. В этом случае в круг референтных номинаций попадают любые наименования, если они служат объектом представления референта в тексте (даже при низкой степени определенности).

1.2.2. Степень определенности референциальных дескрипций

Один из важных вопросов изучения механизмов референции – выявление *референциальных конкретизаторов*, т. е. таких средств языка, которые усиливают определенность номинации в процессе представления объекта действительности в речи.

Референциальные дескрипции могут обладать разной *степенью определенности*. *Степень определенности* – это уровень референциальной конкретности в процессе представления объекта действительности в тексте. Если Б. Рассел говорит о бинарной оппозиции, посредством которой может выражаться эта определенность, то П. Ф. Стросон распределяет весь круг возможных дескрипций в соответствии со шкалой определенности. На одном конце шкалы «находятся собственные имена, широко распространенные в обыденной речи... У чистого имени нет дескриптивного значения (кроме тех случаев, когда оно приобретает *в результате* одного какого-либо его употребления в качестве имени)... Субстантивные сочетания типа *круглый стол* обладают дескриптивным значением в максимальной степени» [Стросон 1982а: 79].

Рассуждая о референциальном потенциале нарицательных имен существительных, П. Ф. Стросон вводит понятие *дескриптивная сила* [Там же: 80]. Наричательным существительным может быть присуща дескриптивная сила разной степени, от нее и зависит степень определенности референциальной дескрипции. Хотя термин *дескриптивная сила* не получил широкого применения, сама идея, что степень определенности дескрипции зависит от

референциального потенциала составляющих ее элементов, оказалась продуктивной.

Американский лингвист З. Вендлер, анализируя референциальный потенциал дескрипций, вводит понятие *терм*. *Общий терм* характеризуется наименьшей степенью конкретности, ему противопоставлен *сингулярный терм*. З. Вендлер исследует, при помощи каких языковых средств общий терм становится сингулярным (единичным), обладающим высокой степенью определенности. В своей теории З. Вендлер употребляет термин *сингулярный терм*, подразумевая под этим такое выражение, которое предназначено для единичной референции. Конкретизация объекта референции происходит за счет использования указательного местоимения, притяжательного местоимения, определенного артикля: *this table* 'этот стол', *your house* 'твой дом', *the dog* 'эта собака'. Для конкретизации референта могут использоваться придаточные определительные: «Способ порождения сингулярного термина из имени нарицательного таков: присоединить к существительному, стоящему в единственном числе, ограничительное придаточное и поставить в препозиции к имени определенный артикль» [Вендлер 1982: 219] (работа впервые опубликована в 1966 г.).

Высказанная П. Ф. Стросоном идея о наличии шкалы определенности получила дальнейшее развитие. В частности, С. Куно разделяет именные группы (ИГ) в зависимости от их референциального потенциала: «среди типов ИГ можно выделить, в частности, такие, как качественные, неконкретно-референтные, конкретно-референтные и родовые ИГ ... Родовая ИГ (именная группа – *T. G.*) – это такая ИГ, которая отсылает к целому классу, а не к отдельным его представителям. Конкретная ИГ – это такая референтная ИГ, которая предполагает существование своего референта в речевом универсуме говорящего. Неконкретная ИГ – это нереперентная ИГ, не предполагающая существования своего референта в речевом универсуме говорящего» [Куно 1982: 317] (статья впервые была опубликована в 1970 г.). Если не рассматривать качественные именные группы (они выступают в функции предиката),

то именные группы, выступающие в позиции аргумента, квалифицируются либо как родовые, либо как конкретно-референтные, либо как нереферентные. При этом сам факт нереферентности подчеркивает отсутствие подходящего референта в универсуме говорящего. Для иллюстрации неконкретных именных групп С. Куно приводит пример: «Я ищу *девушку, на которой мог бы жениться*». Референция не может быть установлена, так как этой девушки еще нет в универсуме говорящего. Здесь невозможность референции связана с маркерами желательности. Это мир желаемого.

Именные группы, используемые в качестве *референциальных актуализаторов* (языковых средств, при помощи которых говорящий представляет референта в тексте), могут обладать разной степенью определенности. Проблема состоит в том, как измерить уровень референциальной конкретности. Лингвисты предлагают разные способы решения этого вопроса. Анализируя уровень определенности именных групп Дж. Милсарк (работа была опубликована в 1974 г.) предложил делить их в зависимости от определителя-детерминатора (*determiner*) на два типа: слабые (*weak*) и сильные (*strong*): «Сильные именные группы – это именные группы с определенным артиклем, с притяжательными и указательными местоименными прилагательными и с кванторами общности. Это такие именные группы, которые не могут употребляться в конструкциях с экзистенциальным глаголом *быть*. ... Слабые именные группы, в отличие от сильных, могут употребляться в конструкциях с экзистенциальным глаголом *быть*. Они включают в себя именные группы с неопределенным артиклем, вещественные существительные, именные группы с числительными и с детерминаторами типа *несколько, много*» (цит. по [Изворска 2002: 213]). Идея распределения именных выражений в зависимости от их референциальной определенности остается актуальной. Список факторов, влияющих на усиление референциальной конкретности именного выражения в пределах конкретной языковой системы, продолжает уточняться.

Измерение уровня определенности дескрипции непосредственно связано с понятием референциальной конкретности. В русских переводах зарубежных лингвистических статей по теории референции иногда используется термин *специфичный* (specific), в русской терминологии ему соответствует термин *конкретно-референтный* [Там же: 205]. Определение уровня референциальной конкретности предполагает обращение к субъективному миру говорящего: «для того, чтобы именная группа была проинтерпретирована как специфичная, говорящий должен иметь в виду определенный объект» [Там же: 217]. Однако анализу может быть подвергнуто только языковое выражение ментальных представлений говорящего. В связи с этим американский лингвист М. Энч (работа 1991 г.) «предлагает определять специфические именные группы как такие именные группы, которые связаны с уже упомянутыми объектами дискурса. ... Иными словами, основным различием между специфичными и неспецифичными именными группами является связь с предыдущим контекстом. Определенные выражения и специфичные неопределенные выражения должны совпадать с этими предыдущими объектами, а для специфичных неопределенных выражений достаточно, чтобы была установлена связь между ними и подмножеством предыдущих объектов» [Там же: 217, 222]. Таким образом, определение уровня референциальной конкретности дескрипции предполагает не только анализ референциального потенциала каждого из элементов дескрипции, не только обращение к субъективному миру говорящего, но и анализ предшествующего контекста, а также установление соответствий между элементами дискурса.

Е. В. Падучева выделяет *актуализаторы*, которые *повышают референциальную определенность* именной группы. Анализируя структуру и денотативный статус именных групп, исследователь дифференцирует определенные, слабоопределенные, неопределенные для говорящего именные группы, последовательно рассматривая механизмы усиления референциальной определенности [Падучева 1985: 87–93]. Согласно этой теории, не каждая именная группа обладает референциальным значением. К неререферентным

относятся экзистенциальные, универсальные, атрибутивные, родовые именные группы [Там же: 94–102]. Исследуя референциальные механизмы, Е. В. Падучева последовательно обращается к анализу коммуникативной парадигмы референциальных дескрипций, анализу семантики лексики, входящей в состав именных групп [Там же: 103–132].

В рамках этого подхода работает А. Д. Шмелев. В кандидатской диссертации «Определенность – неопределенность в названии лиц в русском языке» [1984] А. Д. Шмелев использует понятие *релевантное денотативное пространство*, т. е. определенный фрагмент внеязыковой действительности. Отдельно рассматриваются случаи, когда таким пространством является мир субъекта мнения [Шмелев 1984: 7]. А. Д. Шмелев разделяет два аспекта определенности: прагматический и логический. Прагматическая определенность обусловлена коммуникативными факторами, логическая определенность зависит от семантического типа имени [Там же: 6].

В рамках прагматического подхода А. Д. Шмелев выделяет три типа определенности. Помимо анафорической и дейктической, рассмотрена *перцепционная известность*, которая имеет место в том случае, «когда сведения об объекте принадлежат общему фонду знаний говорящего и слушающего» [Шмелев 1995: 12]. А. Д. Шмелев анализирует разного типа именные группы и выявляет критерии определенности: «именная группа является определенной, если ее референт обладает нетривиальными индивидуализирующими признаками; в противном случае именная группа является неопределенной» [Там же: 14]. Однако степень определенности дескрипции не является константной величиной. Необходимо учитывать, что денотативное пространство переменное, т. е. в процессе повествования денотативные пространства постоянно меняются. В зависимости от их смены именная группа может относиться к разным референтам. По теории А. Д. Шмелева, в таких случаях имеет место *дистрибутивная определенность*: именная группа обладает двойственной референциальной характеристикой. С одной стороны, такая именная

группа может быть применима к конкретному референту, а с другой, эта же именная группа может пониматься обобщенно.

1.2.3. Нереперентные дескрипции и псевдодескрипции

Если Б. Рассел и П. Ф. Стросон рассматривают дескрипции только в референтной функции, то К. С. Доннелан обнаружил тот факт, что дескрипциям может быть свойственно не только референтное, но и атрибутивное употребление. В том случае, когда при помощи дескрипции утверждается нечто относительно объекта, имеет место атрибутивное употребление. В том случае, если дескрипция употребляется, чтобы выделить определенный объект, о котором идет речь, имеет место референтное употребление. Дескрипция, обладающая референтной функцией, отсылает к пресуппозиции. Пресуппозиция связана с коммуникативными намерениями говорящего: «когда определенная дескрипция употребляется референтно, то имеется презумпция, что говорящий считает, что объект его референции удовлетворяет его дескрипции» [Доннелан 1982: 157] (впервые работа была опубликована в 1966 г.). Говорящий может использовать любую дескрипцию, которая соответствует его целям. Независимо от того, верна или неверна дескрипция, если она достигает своей цели, выделяет определенный объект, о котором идет речь, имеет место ее референтное употребление.

Кроме дескрипций, используемых в функции предиката, для целей референции не предназначены *квазидескрипции*. Согласно наблюдениям А. Вежбицкой, «выражения типа “настоящий художник”, “весьма миловидная девушка”, “блестящий оратор”, как правило, не могут употребляться в позиции субъекта » [Вежбицка 1982: 244] (работа впервые опубликована в 1970 г.). А. Вежбицка формулирует правило, объясняющее, почему выражения с явно выраженной субъективной оценкой не используются в качестве референциальных дескрипций: «существенная часть содержания этих предикатов затрагивает не обозначаемое лицо, а отношение между лицом и гово-

рящим, а точнее говоря отношение говорящего к тому лицу, о котором идет речь» [Там же].

А. Вежбицка рассматривает идентифицирующие свойства референциальных дескрипций. Идентификация предполагает высокую степень определенности. Не всякое именное выражение, употребленное в качестве референциального, может восприниматься как идентифицирующее: «Дескрипции типа “молодая девушка”, “старик”, “пожилая леди” весьма употребительны и не содержат ничего необычного, в отличие от псевдодескрипций типа “леди средних лет”, которые оказываются необычными ... Здесь зафиксирован тот факт, что возраст дамы не больше и не меньше, чем возраст большинства других людей, – и такая дефиниция, очевидно, недостаточно позитивна для того, чтобы идентифицировать данное лицо» [Там же: 251]. А. Вежбицка квалифицирует такие выражения как *псевдодескрипции*. Подобные псевдодескрипции имеют место в художественных текстах, где их использование отвечает не прагматическим, а художественным задачам. Интересно, что, рассуждая о дескрипциях, А. Вежбицка приводит, помимо составных именных выражений, и одиночное существительное *старик* и квалифицирует это нарицательное имя как дескрипцию, хотя согласно традиционному подходу, дескрипция должна состоять как минимум из двух компонентов.

Обращаясь к анализу референциального потенциала именных групп, Е. В. Падучева определяет круг нереферентных именных групп. В соответствии с денотативным статусом Е. В. Падучева выделяет следующие разновидности нереферентных групп: экзистенциальные, универсальные, атрибутивные, родовые [Падучева 1985: 94–98]. Если именная группа не обозначает индивидуализированный объект, она не является референтной.

1.2.4. Одиночные номинации как средство референции

Первоначально в круг лексических средств референции включались имена собственные и дескрипции, но по мере изучения феномена референ-

ции к средствам референции стали причислять и одиночные имена нарицательные.

Появляется необходимость квалифицировать весь тот объем возможных номинаций, которые могут быть употреблены в качестве референтных. Этой проблемой занималась Г. В. Смирнова на материале французского языка [1986]. Она дифференцирует способы актуализации референта (человека) в зависимости от его социальной роли [Смирнова 1986: 8].

А. Д. Шмелев предлагает совершенно иную классификацию референциально ориентированных имен. Анализируя специфику связи между семантикой существительного и его референциальным потенциалом, А. Д. Шмелев выделяет следующие группы: результативные имена (*создатель, убийца*), актуальные имена (*всадник, пассажир*), качественные имена существительные (*крикун, болтун, мечтатель, дурак*), функциональные имена (*сварщик, токарь, директор*), реляционные имена (*друг, брат, отец, сосед*), прономинальные существительные (*штучка, предмет, особа, тип*) [Шмелев 1984: 12–18].

Обратим внимание, что по отношению к терминам родства А. Д. Шмелев использует термин ‘реляционные имена’, особенность их заключается в том, что: «Реляционные имена обозначают то или иное отношение и первый член отношения. Второму члену отношения соответствует сильная семантическая валентность реляционного имени» [Шмелев 2002: 227]. Отношение всегда предполагает наличие двух составляющих элементов.

Способность одновременной актуализации двух референтов в пределах одной дескрипции была замечена еще Дж. Р. Серлом. Он анализирует референциальный потенциал дескрипций типа *брат Джона, жена этого пьяного* и отмечает тот факт, что выражения подобного типа отсылают не к одному, а сразу к двум референтам: «Референт всего выражения в таких случаях я буду называть *первичным*, а референт его части – *вторичным*» [Серл 1982: 184].

Наблюдение Дж. Р. Серла о *первичном* и *вторичном* референте подтверждается целым рядом текстов. Дескрипции, в которых актуализация одного референта предполагает отсылку к другому, востребованы в автобиографических рассказах, так как отсылка, по большей части, происходит при помощи терминов родства. Этот способ номинации занимает особое место среди лексических референциальных актуализаторов. Возникает проблема, как квалифицировать термины родства, учитывая их референциальную специфику. В. И. Болотов сближает термины родства с именами собственными: «К эквивалентам имен собственных относим также слова типа *отец, мать, жена, муж, няня* и т.д. В конкретном социальном поле семьи эти слова являются эквивалентами имен собственных» [Болотов 2001: 61]. Однако возможен и другой подход.

Анализируя особенности употребления терминов родства, Г. Р. Доброва близка к тому, чтобы квалифицировать их как дейктические знаки: «совмещение номинации и дейксиса у лексической единицы (в нашем случае – терминов родства) не может служить основанием для отказа ей в отнесении к элементам дейксиса ... От таких представлений о дейктичности терминов родства до признания необходимости рассматривать их в рамках изучения дейксиса – всего один шаг» [Доброва 2003: 22]. В качестве элементов персонального дейксиса Г. Р. Доброва рассматривает личные местоимения и термины родства. Специфика терминов родства заключается в том, что их предметная отнесенность «неизменна для одного и того же члена семьи – по отношению к одному и тому же субъекту, постоянна в том смысле, что два субъекта, если связаны отношениями родства, то связаны ими навсегда; между тем эта предметная отнесенность терминов родства непостоянна в том смысле, что она зависима от точки отсчета: один и тот же термин родства имеет различную предметную отнесенность – по отношению к разным членам семьи» [Там же: 29]. Термины родства по определению эгоцентричны: «Актуализаторами выступают посессивы “моя”, “твоя”, “его” и т. д. Между тем, если такого “актуализатора” нет, то точкой отсчета – “по факту умолча-

ния” – считается “я”» [Там же: 31]. Значение принадлежности включается в сферу семантических коннотаций терминов родства. Характер посессивной связи, отражаемой в терминах родства, по теории А. В. Головачевой, определяется, с одной стороны, «центробежными» свойствами посессора, с другой стороны, «центростремительными» свойствами объектов обладания, их способностью занимать определенное место в структуре посессивных отношений [Головачева 2000: 9]. Таким образом, термины родства отражают узел взаимодействия (центробежного и центростремительного) как минимум двух референтов.

Об этой же референциальной специфике терминов родства пишет Б. А. Успенский. Использование термина родства в речи всегда предполагает ссылку «на то лицо, по отношению к которому данный субъект может быть назван соответствующим образом, т. е. по отношению к которому он является ‘отцом’ или ‘матерью’» [Успенский 2011: 7].

Термины родства играют важную роль в организации референциального плана автобиографических рассказов. Особый референциальный статус терминов родства позволяют значительно упрощать способы интродуктивного представления референтов в тексте. Сходная система референтов (базирующаяся на актуализации родственной связи между протагонистами) наблюдается в корякских и алуторских мифологических сказках Вороньего цикла. Интересно, что и на материале албанских волшебных сказок Т. В. Цивьян выделила термины родства в качестве отдельной составляющей персонажного семантического поля [Цивьян 1979: 334].

Референциальные механизмы исследуются на грамматическом и синтаксическом уровнях, однако лексический уровень также остается актуальным для изучения. Семантический анализ тех лексем, которые могут входить в состав референциальных дескрипций, позволяет проследить, какие смысловые и стилистические составляющие являются актуальными для конкретизации референта в зависимости от жанровой и этнической специфики текста.

1.3. Референциальные возможности местоимений

Одним из первых к проблеме изучения референциального потенциала местоимений обратился П. Ф. Стросон. Он выделил местоимения в отдельную группу на основании того, что главная функциональная роль местоимений – осуществление референции: «У такого слова, как *он*, дескриптивное значение минимально, но оно имеется» [Стросон 1982а: 79].

П. Ф. Стросон впервые дифференцирует местоимения по характеру их референциальной определенности: «В некоторых случаях контекстные требования для референтного употребления местоимений можно установить с очень большой точностью (например, для *я*, *ты*), а в других – они очень неопределенны (*оно* и *это*) [Там же: 81].

Л. Линский указывает на тот факт, что референциальная функция присуща местоимениям только в определенном контексте. Вне контекста местоимение *он* лишено референции [Линский 1982: 169]. На начальном этапе становления теории референции все местоимения объединялись в одну группу, и это не позволяло выявить специфические референциальные механизмы.

Важным открытием для развития теории референции было выделение анафорических местоимений в отдельную группу, обладающую специфическими в референциальном аспекте свойствами.

В настоящее время в лингвистике дифференцированно рассматриваются *дейктические* местоимения, отсылающие к акту речи, и *анафорические* местоимения, отсылающие к высказыванию или тексту. Традиционно дейктическим местоимениям 1-го и 2-го лица противопоставляются местоимения 3-го лица, которые, как правило, используются в анафорической функции. Эта позиция, в частности, отражена в работе И. С. Шариной [Шарина 2001: 19]. Но местоимения 3-го лица могут выступать и в качестве дейктических. Это происходит в том случае, когда с их помощью происходит указание на непосредственных участников речевой ситуации [Филимонова 1999: 2]. Эти две функции местоимения 3-го лица М. И. Лекомцева определяет в других

терминах. «Экстралингвистическая» функция указывает на роль референта в акте коммуникации, «интралингвистическая» функция служит для отождествления референтов («исполнителей ролей») в пределах одного текста [Леконцева 1979: 219]. Таким образом, в качестве анафорических личные местоимения 3-го лица функционируют в том случае, если отсылают к элементам предшествующего дискурса.

1.3.1. Анафорические местоимения

Актуализируя референта в тексте, анафорические местоимения, употребленные изолированно, без дополнительных уточняющих слов, являются стилистически нейтральными: «Благодаря стилистической нейтральности, экономности средств выражения цепные связи с личными местоимениями (имеются в виду местоимения 3-го лица – *Т. Г.*) распространены во всех стилях речи» [Солганик 2006: 59] (1-е издание монографии – 1973 г.).

Анафорические местоимения функционируют в составе двух различных типов связи. Первый тип – связь местоимения с предикатом – первичная грамматическая связь. Второй тип – вторичная связь, которая возникает между анафорическим местоимением и существительным-антецедентом: *девочка – она, ее, ей*. Эта связь грамматическая, она имеет характер согласования. Для обозначения связи между антецедентом и анафорическим местоимением М. И. Черемисина предлагает использовать термин *анафорические пары* [Черемисина 2004: 115] (1-я публикация статьи – 1975 г.).

В отечественном языкознании одной из первых фундаментальных работ, в которой исследуются местоимения в аспекте теории референции, является монография Е. В. Падучевой «Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)» [1985]. Е. В. Падучева анализирует *способы первичной номинации референта* в тексте и *анафорические* механизмы референции. Главным средством осуществления анафорической референции являются местоимения.

Е.В. Падучева указывает, что «все местоимения служат в языке для целей референции» [Падучева 1985: 133–135].

Е. В. Падучева разделяет анафорические местоимения на референциально-семантические разряды: местоимения 3-го лица, взаимные, относительные, возвратные. Изучению референциального потенциала возвратных местоимений посвящена работа Е. А. Лютиковой [Лютикова 2002]. В этом исследовании анализ функций возвратного местоимения осуществляется с учетом динамического перемещения в сферы воздействия разных референтов в пределах одного дискурса.

В современной лингвистике анафорические местоимения не только выделяются в отдельную группу, но и распределяются внутри группы в зависимости от типа связи между антецедентом и анафорическим местоимением. Различают три вида связи между местоимением и его антецедентом: 1) местоимение референциально зависимо от антецедента, который является конкретным выражением: ‘Если мой отец позвонит, скажи *ему*, что я вернусь в девять’; 2) местоимение является переменной, связанной с антецедентом-оператором, который является квантифицированной именной группой ‘Каждый отец думает, что *его* ребенок самый умный’; 3) местоимение варьируется вместе с варьированием антецедента ‘Если у фермера_i есть ослик_j, *он_i* *его_j* бьет’ [Изворска 2002: 208, 209].

Первоначально местоимения рассматривались в качестве главного средства установления анафорических связей. Но исследования показали, что в установлении анафорических отношений задействован комплекс языковых средств, выявление и изучение которых становится актуальной задачей теории референции.

По классификации А. А. Кибрика анафорические местоимения 3-го лица относятся к редуцированным средствам референции, в этот же ряд входят связанные местоимения, т. е. аффиксы или клитики, не являющиеся самостоятельными словами и входящие в состав вершинного слова (как правило, глагола) и нулевые именные группы. Все эти средства референции могут ис-

пользоваться только для установления анафорической связи [Кибрик 2003: 62–63].

1.3.2. Дейктические местоимения

Местоимения *я, мы, ты, вы* являются дейктическими, т. е. указывают на участников коммуникации, по классификации А. А. Кибрика они относятся к лексически полным, первичным средствам референции [Кибрик 2003: 62–63].

Анализируя особенности употребления дейктических местоимений, О. Н. Селиверстова отмечает следующий факт: использование местоимений определенного типа задает способ характеристики референта, соответствующий данной речевой ситуации. Этим, например, обусловлено желание избегать авторского «я». Кроме того, использование местоимений *я, ты* создает эффект непосредственного, возможно, даже неформального, общения. В этом случае проявляется не только собственно референциальный, но и стилистический потенциал этих местоимений [Селиверстова 2004: 417–418] (впервые работа была опубликована в 1988 г.).

Актуализация референта «я» происходит при помощи дейктического местоимения и / или при помощи грамматических личных показателей [Степанов 2007: 55]. Но этим возможности актуализации в тексте референта «я» не исчерпываются. Как отмечает Н. Ю. Шведова, «Я как “лицо говорящее” незримо присутствует в любом сообщении» [Шведова 1998: 65]. Об этом же, но несколько с других позиций, пишет Ю. Д. Апресян: «Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка» [Апресян 1997: 274].

Говорящий субъект речи может выступать в разных семантических ролях. Е. В. Падучева использует термин *эгоцентрические валентности говорящего* [Падучева 2011]. Говорящий может проявлять себя в тексте в качестве наблюдателя, субъекта сознания, субъекта речи, субъекта дейксиса. Выде-

ляются группы глаголов, которые имплицитно указывают на позицию, занимаемую говорящим.

Первичный дейксис представляет собой диалог, в процессе которого говорящий и слушающий меняются позициями, он органично встроен в контекст ситуации. Если речевой акт не соответствует контексту речевой ситуации, обособлен от нее, то имеет место вторичный дейксис [Апресян 1997: 276]. В рамках первичного дейксиса постоянно происходит смена дейктических ролей: *я* переходит в *ты*, *ты* в *я*, *он* может заявить о себе как *я*, или предстать в качестве *ты*. Первичный дейксис предполагает ориентацию на говорящего, но роль говорящего является переменной [Успенский 2011: 5]. Б. А. Успенский говорит о ролях *актуального* и *потенциального* говорящего. Приоритетную позицию занимает говорящий. Б. А. Успенский использует для обозначения актуальной позиции референта термин *дейктический центр*. Идентификация высказывания всегда происходит с учетом ориентации на дейктический центр высказывания.

Художественные произведения являются примером текстов вторичного дейксиса. В таких текстах, в противоположность текстам первичного дейксиса, нет смены коммуникативных ролей, поэтому максимально востребованными являются указания на третье лицо, которое обозначает героя повествования [Там же: 19]. В диалогах первичного дейксиса анафорическая отсылка не требуется, поэтому местоимения *я*, *мы*, *ты*, *вы* функционируют как дейктические. Таким образом, в процессе моделирования диалогов дейктические местоимения (*я*, *мы*, *ты*, *вы*) могут функционировать как анафорические. Так как слушатель, слыша *я*, соотносит это *я* не с рассказчиком, а с тем героем повествования, который был представлен в тексте ранее. Фактически совершается анафорическая отсылка к представленному ранее персонажу.

2. Изучение референциальных механизмов как динамических текстообразующих процессов

В процессе становления теории референции все внимание исследователей было приковано к фактам референции в миниконтекстах, состоящих из одного-двух предложений. Вопрос о механизмах референции рассматривался на искусственных примерах. Естественный текст стал объектом изучения теории референции только после того, как на статических примерах были выявлены основные *референциальные механизмы* (языковые средства, предназначенные для осуществления референции).

З. Вендлер одним из первых отметил необходимость проследить способы актуализации референта в динамике (т. е. на материале целостного текста): «в начале большинства текстов, содержащих определенные (definite) имена, должно быть “основное”, или “базовое”, определенное имя – личное местоимение, имя собственное или именная группа, начинающаяся с указательного или притяжательного местоимения. Этими терминами весь текст, так сказать, прикрепляется к миру индивидных предметов» [Вендлер 1982: 230]. Свое предположение З. Вендлер не подкрепляет реальным анализом механизмов референции в тексте, так как методика этого анализа еще не была разработана. Однако важен сам факт того, что в поле зрения лингвистов референция и текст начинают объединяться в одну исследовательскую сферу.

В отечественном языкознании в 70-е гг. XX в. И. И. Ревзин [1977; 1978] анализирует изменение уровня референциальной определенности на протяжении текста. В отличие от небольших контекстов объемному тексту присущ эффект кумуляции. Этот эффект состоит в том, что «признаки, однажды упомянутые, подчинены соответствующим объектам на протяжении текста» [Ревзин 1978: 190].

Различение механизмов первичной и вторичной референции в тексте становится предметом специального анализа в работе М. Г. Селезнева, который дифференцированно рассматривает *механизмы интродуктивной* и *от-*

сылочной референции. Основанием для их раграничения являются процессы индивидуализации и отождествления. М. Г. Селезнев представляет эти два процесса как две разные формы одного явления – локализации референта в памяти адресата [Селезнев 1985: 6].

Отсылочная референция базируется на принципах отождествления, интродуктивная – на принципах индивидуализации. Типы отсылки дифференцируются. В частности, выделяются отсылки типа ЭТОТ (предполагается полное референциальное тождество Антецедентного выражения и Анафорического), ТАКОЙ (Антецедентное выражение и Анафорическое имеют разную референциальную привязку), ДРУГОЙ (Антецедентное и Анафорическое имеют разную референциальную привязку) [Богуславская, Муравьева 1987: 93].

М. Г. Селезнев анализирует влияние вида контекста на изменение уровня определенности. С одной стороны, на степень выделенности референта в тексте влияет структура и семантика предшествующего контекста [Селезнев 1985: 15, 16]. С другой стороны, влияют синтаксический, семантический и прагматический фильтры, которые заставляют однозначно выбирать определенного референта из ряда возможных [Там же: 16–18]. Изучение влияния фильтров на установление однозначности референции будет продолжено в работах отечественных лингвистов.

В 80-е гг. XX в. проходит несколько семинаров «Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности». По результатам этих семинаров выпускаются сборники научных статей [Семиотические 1985; Семиотические 1988]. Ряд статей посвящен изучению референциальных механизмов на материале цепи высказываний: А. С. Нариньяни «Упрощенная модель анафоры в рамках системы понимания текста» [1983], А. А. Кибрик «Об анафоре, дейксисе и их соотношении» [1983], М. Г. Селезнев «Принципы разрешения референции определенно-референтных нарицательно-именных групп» [Селезнев 1983]. Так как референциальный аспект играет существенную роль в процессе распознавания смысла высказывания, вопросы исследо-

вания системы референциальных актуализаторов привлекают пристальное внимание исследователей.

2.1. Факторы, определяющие выбор способов референции

Изучение факторов, влияющих на выбор средств референции, предполагает разрешение ряда вопросов: можно ли прогнозировать выбор референциального средства, насколько говорящий свободен в этом выборе, чем руководствуется, когда выбирает тот или иной способ актуализации референта в ходе дискурса. При этом *контекст* можно понимать как одно из частных проявлений дискурса.

Контекст играет важную роль среди факторов, обуславливающих выбор референциальных средств. В сферу теории референции понятие *контекст* вводит П. Ф. Стросон: «“контекст” в моем понимании, по меньшей мере, включает время, место, ситуацию, личность говорящего и предмет, который находится в центре внимания, а также личный опыт как говорящего, так и тех, к кому обращена речь» [Стросон 1982а: 76]. Предположение П. Ф. Стросона подтверждается реальными текстами. Действительно, иногда контекст является единственным способом установления референции. При этом важную роль играет не только составляющие элементы конкретной ситуации, но и общие фоновые знания целого.

Референциальный потенциал контекста связан с двумя принципами построения текста, сформулированными П. Ф. Стросоном как 1) принцип презумпции неосведомленности и 2) принцип презумпции осведомленности [Стросон 1982б: 110]. Эти принципы действуют параллельно. С одной стороны, слушающий или читающий, которому адресован текст, не знает того, о чем ему должны сообщить. С другой стороны, он обладает фоновым (идентифицирующим) знанием, на базе которого и происходит восприятие новой информации. Эти принципы являются основанием для понимания идентифицирующей референции. Согласно этой теории, главное отличительное свой-

ство идентифицирующей референции – опора на идентифицирующее знание. Языковое выражение является референтным «если и когда оно употребляется в предложении для идентификации объекта» [Там же: 125].

П. Ф. Стросон вводит понятие «контекстное требование», под которым подразумевает соответствие между лексической актуализацией референта и самим референтом: «так, например, в наиболее четко определенном случае со словом “я” контекстным требованием является совпадение объекта референции с говорящим» [Стросон 1982а: 77].

При изучении референциальных механизмов мы исходим из того, что контекстные требования соблюдены. Но это не всегда так. У. О. Куайн рассматривает варианты референтно непрозрачных контекстов. Это контексты «не знает, что...», «считает, что...», «удивлен тем, что...» и т. п. Все эти типы контекстов У. О. Куайн рассматривает как цитирование. К референтно непрозрачным он также относит модальные контексты типа «необходимо» и «возможно» [Куайн 1982: 91]. При этом «референтная непрозрачность определяется, по крайней мере, частично, принятой онтологией, то есть тем, что считается возможными объектами референции» [Там же: 98].

О значимости контекста для определения референциального плана текста пишет Е. В. Ковган [Ковган 2002: 12–13]. Она говорит не только об узком понимании контекста (как знания предшествующего текста), но и об этническом культурном контексте. Это принципиально важно для фольклорных текстов, где знание культурного контекста служит основанием для понимания референциального плана повествования.

Помимо контекста, выбор лексических средств актуализации референта обусловлен целым рядом факторов: стилем повествования, количеством содержащейся в значении имени информации, логико-синтаксической структурой предложения, коммуникативной функцией, фондом общих знаний собеседников, местом данного сообщения в тексте, ситуацией общения, этическими нормами [Арутюнова 1977: 188].

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на выбор лексических средств референции, является учет того однородного ряда, из которого необходимо выделить объект для его идентификации. Н. Д. Арутюнова формулирует правила, предопределяющие выбор референциальной дескрипции. «Первый и основной принцип выбора идентифицирующей номинации состоит в том, что в ее значение должно входить указание на индивидуализирующий признак объекта. Если одного признака оказывается недостаточно для того, чтобы придать номинативной стрелке нужную направленность, то номинация может быть дополнена другими признаками, обладающими выделительной силой» [Там же: 194]. Второе правило выбора идентифицирующей дескрипции – максимальная объективность.

Все факторы, влияющие на выбор средств референции, разделяются на глобальные и дискурсивные [Кибрик 2003].

2.1.1. Дискурсивные факторы, влияющие на выбор способов выражения референции

Анализ дискурсивных факторов, влияющих на выбор средств выражения референции, представлен в работе [Кибрик 2003]. Дискурсивные факторы делятся на две группы:

- 1) связанные с предшествующим дискурсом (расстояние до антецедента, семантико-синтаксический статус антецедента, границы эпизодов);
- 2) обусловленные внутренними свойствами референтов (одушевленность, центральность для данного дискурса) [Кибрик 2003: 51].

Синтаксические анафорические местоимения должны иметь антецедент в линейно предшествующем контексте. А. А. Кибрик доказывает, что в реальных текстах употребление анафорических местоимений обусловлено не синтаксической последовательностью, а фокусом внимания говорящего. В языке существуют факторы фокусирования внимания на определенном референте, что и предопределяет «принципиальную прономинализуемость» рефе-

рента в тексте. А. А. Кибрик изучает перемещение фокуса внимания как процесс. В ходе повествования дифференцируются локальный фокус и главный фокус – «референт, являющийся главным протагонистом всего (фрагмента) текста и легко возвращающийся в локальный фокус» [Кибрик 1988: 7]. Сдвиг фокуса внимания говорящего непосредственно влияет на выбор средств актуализации референта в том или ином конкретном фрагменте текста.

А. А. Кибрик разрабатывает систему критериев, позволяющих не только регистрировать, но и прогнозировать влияние дискурсивных факторов на выбор референциальной стратегии. Под референциальной стратегией понимается система лексико-грамматических и синтаксических способов актуализации референта на протяжении длительного фрагмента дискурса. Анализ референциальной стратегии предполагает: выявление лексико-грамматических и синтаксических способов анафорической референции, выявление редуцированных средств референции, изучение способов снятия референциального конфликта; подсчет числовых показателей факторов активации референтов; учет параметров, коррелирующих с выбором референциальных механизмов; установление уровня частотности смены референтов на протяжении всего текста. Методика А. А. Кибрика, позволяющая изучать влияние дискурсивных факторов на выбор средств референции, в настоящее время применяется другими исследователями, в частности, по этой методике работает З. В. Ефимова на материале японского языка [2005].

2.1.2. Глобальные факторы, влияющие на выбор способов выражения референции

Глобальные факторы влияют на выбор референциальных актуализаторов (=средств референции) с позиции макроусловий порождения текста, к ним относятся: модус текста, первичность / вторичность дейксиса, диалогичность / монологичность, жанр текста.

2.1.2.1. Исходный модус текста

При анализе факторов, влияющих на выбор референциальных механизмов, должен учитываться исходный модус текста.

В культурологии текст понимается очень широко: как сфера культурной жизни человека, при этом текст не обязательно должен быть вербальным [Лотман, Пятигорский 2004; Лотман 2004] (первые публикации – 1970 г.); Топоров 2004] (статья впервые опубликована в 1979 г.). Но если говорить о тексте в узком смысле, только как о лингвистическом феномене, то здесь важно противопоставление текстов по исходному модусу.

Традиционно считается, что исходным модусом является устный. Письменный модус текста является вторичным. В современной науке начинается изучение жестового модуса [Кибрик 2009: 5]. Как феномен психолингвистической деятельности выделяется мысленный модус, который тесно связан с устным. В последние годы, в связи с технологическими изменениями, повлиявшими и на сферу общения, появился *электронный* модус (тексты электронных сообщений) [Там же: 9].

По объективным причинам в центре внимания лингвистов находятся письменный и устный типы дискурсов.

Для понимания механизмов референции в устной речи и письменном тексте важен факт наличия или отсутствия контакта между говорящим и адресатом. В устном дискурсе имеет место вовлеченность говорящего и адресата в ситуацию, в письменном – отстраненность [Там же: 7].

Существуют принципиальные отличия письменной формы языка от устной. К ним относятся: ориентация письменного текста на зрительное восприятие, наличие графических единиц, выделяемых на письме, своя система норм. А. А. Бурыкин противопоставляет письменную и печатную формы языка. Письменная форма языка ближе к устной, печатная форма противопоставлена им обоим как максимально кодифицированная. Для печатной формы языка практически исключена спонтанность, так как переход пись-

менного текста в печатный предполагает сознательную редакторскую правку [Бурыкин 2004: 13–18].

Традиционно считается, что письменная речь монологична. Дейктическим центром является «я – пишущий», даже если это явно не выражено в тексте при помощи личного местоимения 1-го лица. Такая ориентация на авторское «я» имплицитно присуща письменному тексту. Н. К. Рябцева в статье «Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы)» рассматривает графические способы активации авторского «я», «авторскую интонацию на бумаге»: «шрифтовое выделение, р а з р я д к а, означающие метатекстовое (и “ментальное”) – “Я <говорящий> подчеркиваю / выделяю”, двоеточие – “Я перечисляю”, нумерация – “Я упорядочиваю”, высказывание в скобках или сноске – “Я добавляю”» [Рябцева 2004: 456]. Н. К. Рябцева подчеркивает, что все эти знаки авторской позиции направлены на адресата. Согласно этой теории даже в монологическом письменном тексте проявляются элементы диалогичности. Однако, все это элементы сконструированной, искусственной диалогичности. Устная речь в противоположность письменному тексту диалогична естественным образом. В противоположность устному «любой письменный текст есть некая стабилизированная структура, реально существующая к моменту, когда начинается его восприятие» [Чистов 2005а: 70] (статья впервые была опубликована в 1988 г.).

Исследование письменного текста как лингвистического феномена идет параллельно с изучением устной речи, которая также рассматривается как явление специфическое, со своими особенностями.

Начало изучения особенностей спонтанной разговорной русской речи связано с исследовательской деятельностью Е. А. Земской [Земская 1979]. Специфика устной речи изучается не только на уровне лексики и словообразования, но и на уровне синтаксиса [Лаптева 2003] (1-е издание – 1976 г.). Естественно, все эти уровни, так или иначе, предполагают изучение и референциальных механизмов, характерных для устной речи.

Устная речь менее структурирована, более спонтанна. Устный текст в потенциальном виде существует только в сознании говорящего. Текст бытового разговора – это, как правило, импровизация. Точное прогнозирование референциальной стратегии в устном тексте, даже с учетом стереотипных языковых стратегий, затруднено. С другой стороны, письменный текст, особенно литературный, предполагает авторскую рефлексивность, поиски выразительности, в этой связи выбор референциальной стратегии в письменном тексте тоже не является строго предопределенным.

2.1.2.2. Монологический / диалогический характер речи

Осуществление референции в пределах актуальной и косвенной речи до сих пор является одним из сложных вопросов теории референции. Не случайно З. П. Ефимова в своей статье, посвященной механизмам референции в японском языке, не рассматривает те фрагменты текста, в состав которых включена актуальная речь [Ефимова 2005].

Французский лингвист О. Дюкро в статье 1970 года пишет о том, что при переходе от актуальной речи к косвенной происходит смена референциальных шифтеров: «*Pierre m'a dit: je te rencontrerai demain* 'Пьер мне сказал: «Я встречу с тобой завтра»' изменяется в *Pierre m'a dit qu'il me rencontrerait le lendemain* 'Пьер сказал, что он встретится со мной на следующий день'. Это изменение, очевидно, связано с тем фактом, что при переводе предложения в косвенную речь субъект высказывания заменяется другим» [Дюкро 1982: 284]. Анализируя систему референциальных шифтеров, О. Дюкро говорит о необходимости учитывать позицию «субъекта высказывания». Для говорящего референция может быть определенной, но если эта определенность не выражена в языке при помощи специальных шифтеров, то для слушающего эта референция будет неопределенной.

Вопрос об особенностях референции в ситуации диалога рассматривает М. И. Черемисина в статье 1975 г. «О лексико-грамматическом статусе ме-

стоимений» [Черемисина 2004: 111–132]. М. И. Черемисина анализирует диалог в контексте художественного произведения. В этом случае читателю отводится роль интерпретатора всех авторских *я, ты, вы*. В целях однозначности интерпретации диалоговых реплик используются авторские ремарки, отсутствие которых значительно усложняет процесс распределения дейктических ролей в рамках искусственно смоделированного диалога [Там же: 127, 128]. М. И. Черемисина отмечает, что исследование способов актуализации референта в реальных диалогах должно быть предметом специального анализа. Например, в реальной речевой ситуации местоимение *я*, произнесенное говорящим, которого мы видим, о котором уже что-то знаем «уже наполнено для нас этим, пусть небогатым, но четким «референциальным содержанием»» [Там же: 128].

А. Д. Шмелев обращается к изучению референциальных механизмов при передаче чужой модели мира, при этом исследователь традиционно выделяет две стратегии: *репортаж* (*de dicto*) и *интерпретация* (*de re*). В том случае, если повествователь, сознательно или нет, передает свое видение чужого речевого акта, имеет место интерпретация, если же рассказчик стремится максимально точно передать чужой речевой акт, не внося в него поправок и изменений, то имеет место репортаж [Шмелев 2002].

О специфике референции в пределах прямой речи пишет в своей статье З. П. Ефимова: «При переходе к диалогу происходит так называемое переключение миров. В начале диалогов часто референциальная цепочка начинается заново. При этом выбор референциальных средств устроен несколько иначе, чем в повествовании. Например, референциальные выражения, отсылающие к участникам диалога, выбираются по особым правилам» [Ефимова 2005: 192]. З. П. Ефимова, обозначив специфику референции в пределах актуальной речи, обращается к изучению повествовательных фрагментов текста. Вопрос о том, как анализировать механизмы референции, действующие в пределах прямой речи, так и остается открытым.

А. А. Кибрик отмечает значимость диалогической реплики в процессе актуализации референта: если реплика произносится от лица референта, за этим референтом сохраняется фокусная выделенность [Кибрик 1988: 7].

Форма диалога требует особой референциальной стратегии. Обращения, обычно используемые в ходе диалога, не являются средством актуализации референта. Но благодаря обращению лексические маркеры данного референта могут быть опущены, что обусловлено принципами языковой экономики [Кручинкина 1998: 68].

Диалог может относиться либо к сфере первичного, либо к сфере вторичного дейксиса. В зависимости от того, первичный или вторичный дейксис имеет место в конкретном случае, меняется и стратегия актуализации референтов.

Феномен моделируемого диалога непосредственно связан с проблемой передачи «чужой речи» в процессе монологического повествования. К этой проблеме обратились в своем исследовании «Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления» А. А. Кибрик, В. И. Подлеская, Н. А. Коротаев [Кибрик, Подлеская, Коротаев 2009: 288–??]. В этой работе используется традиционный термин *цитирование*. Для подобных случаев (передача чужой речи с сохранением стилистических и других особенностей) мы используем термин *реплика*, основываясь на том, что в сценическом диалоге реплика – это текст, заключающий в себе слова одного из действующих лиц: «Реплика – 1) краткое замечание, возражение, ответ; 2) возражение стороны на судебном процессе; 3) в литературе, театре, кино – фраза, высказывание персонажа, как правило, произносимое в ответ на слова другого; 4) повторение муз. фразы другим голосом или в другой тональности» [Словарь 1998: 411].

Моделируемый рассказчиком диалог (особенно в фольклорных текстах) сущностно близок сценическому диалогу, в то время как цитата предполагает существование оригинала и копии, т. е. цитирования.

В фольклорных корякских и аляutorских текстах косвенное цитирование встречается исключительно редко. В то же время прямое цитирование (реплики персонажей) является обязательной составляющей практически каждого фольклорного текста. Интересно, что этот факт сопоставим с исследованиями возрастных языковых особенностей: «косвенное цитирование является сложным, более поздно осваиваемым ... способом передачи речи и мысли» [Кибрик, Подлеская, Коротаев 2009: 298]. Как указывают авторы исследования, конструкции с косвенным цитированием появляются у детей старше 12 лет.

подавляющая часть текстов, с которыми мы работали в ходе диссертационного исследования, – это тексты вторичного дейксиса. В этом случае происходит вербальное моделирование ситуации: «В ситуации вторичного дейксиса имеет место ориентация на *речевую позицию* или *речевую роль (маску)* говорящего, которая отличается от реальной позиции адресата (говорящего или пишущего) как производителя речи» [Успенский 2011: 11–12].

Художественные произведения и традиционные фольклорные повествования являются примером текстов вторичного дейксиса. В таких текстах, в противоположность текстам первичного дейксиса, нет смены коммуникативных ролей, поэтому максимально востребованными являются указания на третье лицо, которое обозначает героя повествования [Там же: 19].

В процессе анализа материала, мы убедились, что речевые маски характерны не только для литературных и фольклорных текстов, но и для автобиографических рассказов, когда говорящий сам моделирует диалог (или даже полилог) нескольких участников речевой ситуации. В этом случае реальный говорящий помещает в дейктический центр не самого себя, а другого участника диалога, т. н. *представителя говорящего*. В сфере вторичного дейксиса нет противопоставления говорящего и адресата, так как и та, и другая роль – речевые маски. «Говорящий» персонаж «в какой-то мере принимает на себя функции субъекта речи, т. е. повествование на том или ином отрезке

текста строится от его имени. Именно на данного персонажа и ориентированы в этом случае указания в тексте» [Там же: 15].

В диалогах первичного дейксиса эта отсылка не требуется, поэтому местоимения *я, ты, вы, мы* функционируют как дейктические. Таким образом, в процессе моделирования диалогов дейктические местоимения могут функционировать как анафорические. Так как слушатель, слыша *я*, соотносит это *я* не с рассказчиком, а с тем героем повествования, который был представлен в тексте ранее. Фактически совершается анафорическая отсылка к представленному ранее референту, от лица которого произносится реплика в ходе моделируемого диалога.

2.1.2.3. Специфика реальности изображаемого в тексте мира

Далеко не всегда объективная реальность является основой речевого высказывания. Ментальный человеческий мир может проявляться в разных пластах реальности. Одним из важных аспектов теории референции является проблема актуализации референтов, относящихся к сфере вымышленного мира.

Важными являются выводы, сделанные Л. Линским относительно сущности референции в применении к объектам вымышленного мира. Эта референция не является произвольной, ибо вымышленный мир, например мир литературного произведения или мир мифологических образов, имеет свои константы. Референция к объектам вымышленного мира должна осуществляться с ориентацией на предписываемый ему порядок. Л. Линский рассуждает следующим образом: «Нам остаются литературные персонажи, такие, например, как мистер Пиквик, образы мифологии, такие, как Пегас, легендарные личности, такие, как Поль Беньян, “якобы” реальные существа, такие, как Санта Клаус, и сказочные персонажи, такие, как Белоснежка. ... А мистер Пиквик – это действительно литературный персонаж. В греческой мифологии есть существо по имени *Пегас*... То, что я скажу об этих персонажах,

может быть истинным и может таковым не быть. ... Говоря об этих объектах, нужно помнить связь фактов и верно воспроизводить их» [Линский 1982: 170]. Таким образом, вымышленный мир определенного литературного произведения или, например, мир этнической мифологии, несмотря на то, что не является объективно реалистичным, тем не менее, субъективно реален. Есть определенные закономерности, которые свойственны каждому из этих миров. Акты референции к объектам этого мира не противоречат логике в том случае, если говорящий и слушающий опираются на общий контекст, например, этнической мифологии или литературного текста.

Л. Линский категорично выступает против утверждения Б. Рассела о том, что «предложение *Санта Клаус живет на Северном полюсе* ложно, так как, раз он нигде не существует, он нигде не живет», поскольку существуют разные типы реальности и референция в каждом из воображаемых миров имеет свою специфику: «Когда мы говорим о кино, пьесах, романах, снах, суевериях, вымышленных ситуациях и т. п., наши слова как бы попадают в зону действия особых “операторов”» [Там же: 172–173].

Вопрос о специфическом характере референции в зависимости от степени объективности изображаемого мира волнует американского философа З. Вендлера. Он, так же, как и Л. Линский, полагает, что референция к объектам вымышленного мира должна отличаться от референции к объектам мира объективной реальности: «Если кто-либо считает, что корабль существует в мире сновидений или что дом, который я только что представил себе, существует в мире образов, или, наконец, что король с семьей дочерью существует в мире сказок, мне ничего другого не остается, как согласиться с этим человеком. Я лишь добавлю, что желательно было бы уметь различать типы текстов, предполагающие разные виды “существования”» [Вендлер 1982: 235]. Таким образом, З. Вендлер утверждает, что референция возможна и к объектам вымышленного мира. Вымышленный мир противопоставлен объективной пространственно-временной реальности. Сигналами перехода яв-

ляются глаголы *dream* 'видеть во сне, мечтать', *imagine* 'представить себе' [Там же: 235]. Однако эти сигналы используются не всегда.

Возможность акта референции к героям вымышленного мира доказывает в своей теории Дж. Р. Серл: «Отсылки к литературным (а также легендарным, мифологическим и т. п.) героям не составляют контрпримеров. О них можно говорить как о *литературных образах*, так как они *существуют в литературе*. Чтобы избежать неясности, нам необходимо различать речь о реальном мире и такие вторичные (parasitic) формы дискурса, как литература, драма и т. д.» [Серл 1982: 181]. Дж. Р. Серл считает, что на объекты мира объективной реальности и на объекты мира реальности вымышленной распространяются одни и те же законы референции: «Аксиома существования сохраняется по разные стороны границы: в речи о реальном мире можно осуществлять референцию к тому, что существует; в речи о мире литературного произведения референция может производиться только к тому, что в *нем* существует (плюс те реалии мира, которые включены в литературные тексты)» [Там же].

Вопрос о референции по отношению к объектам вымышленных миров является философским. Философы, как и лингвисты, признают существование связи между вымышленным миром и законами объективной действительности. Эти законы могут нарушаться, изменяться, соблюдаться. Законы реального мира играют роль камертона для настройки иного мира: «Возможные миры, таким образом, признаются имеющими основания в фактическом мире, а суждения о них представляют онтологические обязательства. Связь термина со своим референтом здесь никак не деконструируется и не демистифицируется; с этой точки зрения сама референциальность термина действительно есть необходимое условие обозначения» [Лебедев, Черняк 2001: 158]. Таким образом, не только признается возможность референции к объектам вымышленных миров, но она декларируется как онтологически обязательная.

Ирреальность вымышленного мира меняет характер референции. Рассматривая особенности актуализации референтов в пределах вымышленных миров, Е. Е. Бразговская отмечает, что в этих случаях имеет место «усложненная форма референции», которая заключается в необходимости обоснования связи между объектом и его наименованием [Бразговская 2006: 95]. В таких случаях имеет место опосредованная, непрямая референция к действительности. Возможные миры являются онтологически реальными, критерии такой реальности – наблюдаемость и воспринимаемость [Там же: 97]. Философы доказывают, что референтами следует считать не только объекты реально существующего мира, но и мира вымышленного. П. А. Каюрков объясняет это следующим образом: «Референция, в конечном счете, относится и к области формирования смысла, который может являться независимым от эмпирических факторов, в таком случае – вымышленный референт таким же образом существует в качестве формирующего понимание и составляющего коммуникацию объекта» [Каюрков 2005: 15].

Этой же позиции придерживается А. Д. Шмелев, он обосновывает реальность вымышленного мира через объективно существующую связь с актом коммуникации: «Вымышленный мир, к которому производится референция в ходе художественной коммуникации, не имеет существования, независимого от этой коммуникации. Он порождается самим художественным текстом, который тем самым сближается с ритуальными речевыми действиями. Ритуальные речевые действия, подобно перформативам, оказываются тривиальным образом истинными в силу самого факта своего произнесения, однако в отличие от перформативов они не являются автореферентными, их пропозициональное содержание соответствует чему-то вне речевого акта» [Шмелев 2002: 241]. А. Д. Шмелев определяет роль читателя не как роль адресата, а как роль говорящего, и в связи с этим позиция читателя активна в восприятии мира художественной реальности. Именно на этом основании возможны различные трактовки одного и того же художественного текста:

художественный мир создается не только самим текстом, но и восприятием читателя.

В. Я. Дымарский отмечает интересную референциальную особенность, присущую художественному тексту: в нем есть специализированные темы – хронотопические и субъектные (персонажные). Референциальные позиции этих специализированных тем постоянно открыты. На протяжении текста значение субъектных, объектных и хронотопических компонентов сохраняется [Дымарский 2000: 269]. Это наблюдение важно для понимания механизмов анафорической связи и в фольклорном тексте. Открытость субъектных позиций обеспечивает анафорическую активацию ведущих референтов повествования на протяжении всего текста.

2.1.2.4. Жанровые особенности текста

Доказано, что жанр текста предопределяется темой, специфическим *углом зрения на реальность*, образной системой, устойчивым набором сюжетов и мотивов, специфическими стилистическими приемами [Аникин 1996: 105].

Вопрос о корреляции между системой актуализации референтов и жанровой спецификой текста заинтересовал учёных уже на первых этапах формирования теории референции. А. Вежбицка, анализируя дескрипции субъективной оценки, отмечает, что выражения этого типа практически не используются в бытовой речи с референциальной целью, а функционируют, как правило, в качестве предикатов, либо в качестве обращений. А. Вежбицка указывает, что это правило не распространяется на лирические тексты: «Заметим, кстати, что частое употребление экспрессивных уменьшительных в роли аргументов – характерная черта народной поэзии. Возможно, что этот факт связан с такими типичными для фольклора явлениями, как отождествление точек зрения героя и рассказчика, сплетение в повествовании эпического третьего лица и лирического второго лица и т. д.» [Вежбицка 1982: 245]. Между выбором лексического средства актуализации референта и жанровой

спецификой текста наблюдаются корреляции. Выбор референциальных средств специфичен для бытовой, поэтической, художественной речи. Факторы, влияющие на выбор референциальных средств в художественном или фольклорном тексте, не совпадают с такими факторами в бытовой речи. Например, дескрипции, в составе которых есть экспрессивные элементы, могут использоваться в художественных текстах в качестве референциальных для создания комического эффекта. В бытовой речи подобные дескрипции выполняют функцию предиката. А. Вежбицка указывает также на то, что в разговорной речи в качестве референциальных средств предпочтительно используются имена собственные и дейктические знаки. Совсем другие приоритеты наблюдаются в художественном тексте: «В повествовательной прозе, в исторических сочинениях самый типичный способ идентификации, по видимому, представлен дескрипциями, содержащими собственные имена индивидов, через отношение к которым идентифицируются другие персонажи» [Там же: 261].

Образная система и система лексических референциальных актуализаторов взаимообусловлены. Лексические средства интродуктивной референции протагонистов – это вербальное выражение образной системы персонажей.

Интродуктивная референция в большей степени, нежели анафорическая, обусловлена жанровыми приоритетами текста. Эту особенность интродуктивной референции выявила Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1977: 308–311]. Правда, в этой работе не используется термин *жанр*, но по существу идет речь именно о корреляции между жанром текста и выбором интродуктивной номинации. Н. Д. Арутюнова, отмечая семантическую бедность интродуктивной номинации, указывает на тот факт, что характер первичной номинации непосредственно зависит от специфики того фрагмента мира, который «принимается в повествовании за данность, исходный пункт сообщения» [Там же: 309].

Проблема зависимости между системой средств актуализации референта и жанром текста отражена в исследовании А. Д. Шмелева [1995]. Помимо бытовых текстов, А. Д. Шмелев рассматривает как отдельный референциальный феномен художественный текст и выявляет специфику осуществления референции в нем. Если в бытовых текстах выбор средств референции обусловлен прагматическими принципами, то в художественных текстах наблюдаются мнимые отклонения от этого принципа.

Отдельное место в сфере устных текстов занимают тексты фольклорные, которым присуща традиционность, языковая устойчивость. Устные фольклорные тексты выделены из потока обыденной речи. О сигналах начала и конца устного фольклорного текста пишет К. В. Чистов в статье «Устная речь и проблемы фольклора» [2005] (1-я публикация – 1988 г.). Изучая языковые особенности устного традиционного фольклорного текста, В. К. Чистов выявляет некоторые специфические референциальные механизмы, характерные для традиционных текстов. В частности, он отмечает, что нередко персонаж представлен в тексте обобщенно «один крестьянин», «один помещик», «один сильный мужик», этот тип номинации В. К. Чистов определяет как «эмпирическую неопределенность, свойственную не реальной, а художественной действительности» [Чистов 2005б: 63]. Такая эмпирическая неопределенность объясняется тем, что действующие лица сказки не индивидуализированы [Там же: 65]. Необходимо учитывать специфику референции в устном традиционном тексте. Эта референция устанавливает связь не с объектами внеязыковой действительности, но с образными объектами культурной сферы.

В процессе анализа референциальных механизмов мы обращаемся к фольклорным текстам, в которых имеет место особый тип референции. В этом направлении работает С. Б. Адоньева [2003]. Она выявляет порядок интродуктивного представления референта в календарном и заговорном фольклоре. Этот порядок реализуется в жестко установленной системе следования компонентов: за местоимением я / мы обязательно следует статусный иден-

тификатор «я, раба Божья», «мы, девки». По наблюдению С. Б. Адоньевой, «это статусное “имя” служит пропуском в сакральное пространство ритуала» [Адоньева 2003: 250].

Исследованию этого вопроса посвящена монография О. Е. Фроловой [2007], в которой представлен анализ лексических средств референции, встречающихся в русских пословицах, анекдотах, русских волшебных сказках, в художественном тексте. Автор исследования приходит к выводу, что жанр определяет характер представления действительности в тексте, что влечет за собой выбор соответствующих актуализаторов. В частности, волшебная сказка является закрытым жанром, не предполагающим связи с неязыковой действительностью, это уже предопределяет выбор средств референции [Фролова 2007: 141]. Разделяя многие утверждения О. Е. Фроловой, мы обратились к другому жанровому составу текстов. Мы сопоставляли референциальный план сказки (мифологической) не с пословицами и анекдотами (еще более абстрактными в референциальном плане жанрами), а с текстами, жанр которых предполагает обращение к реальной объективной действительности (с автобиографическими рассказами и историческими преданиями). Этот сопоставительный анализ позволяет по-новому оценить референциальный план сказок.

Помимо модуса и жанра, каждый текст обладает своим функциональным стилем, а также степенью формальности / неформальности [Кибрик 2009]. Все эти факторы влияют на языковые особенности дискурса.

В нашей работе при анализе референциальных механизмов мы учитывали только модус и жанр текста, поскольку понятие *функциональный стиль* [Одинцов 2006: 54–55] не применяется к фольклорным произведениям. Кроме того, тексты, с которыми мы работали, нельзя противопоставить по факту формальности / неформальности общения. Общение собирателя с исполнителем текста, необходимость аудио- и видеозаписи выводят ситуацию из ряда неформальных. Это, конечно, влияет на построение дискурса. Таким образом, все тексты, с которыми мы работаем, в той или иной степени формализованы.

зованы. С другой стороны, они отличаются по степени формализованности (например, газетная политическая статья и устный автобиографический рассказ). Мы ощущаем это субъективно, выявление же объективных критериев формализованности текста не входило в наши задачи.

Применяя теорию референции к фольклорному тексту, по определению типизированному, мы сталкиваемся с проблемой индивидуализации референта. В фольклорном тексте воссоздается мир не объективной, а условной реальности, в котором действуют не индивидуализированные, а, напротив, типизированные герои.

Фольклорный текст представляет собой лингвистический феномен. Это не утверждение, но гипотеза, опираясь на которую, мы попытаемся взглянуть на специфику референциального плана традиционных повествований. Фольклорное произведение появляется и существует как результат вербального моделирования. Это еще не собственно художественный текст, который предполагает авторскую рефлексию, но уже и не бытовой разговор. Во всяком случае, в фольклорном тексте, как и в литературном, мы имеем дело с особой, вымышленной, реальностью. Многократное устное исполнение выработало такие речевые приемы, которые позволяют, во-первых, удерживать внимание слушателей на протяжении всего повествования, во-вторых, обеспечивают трансляцию этого текста.

Любой фольклорный текст можно рассматривать в трех ипостасях: во-первых, прослеживая этнографические параллели, соответствующие данному тексту, во-вторых, отмечая весь комплекс составляющих элементов композиционной структуры и образной системы, в-третьих, изучая лингвистические закономерности вербального моделирования. В связи с этим обнаруживаются языковые факты, свидетельствующие об установке говорящего: насколько говорящий был ориентирован на создание словесной картины, объективно отражающей реальный ход событий. Необходимую помощь оказывает теория референции, которая позволяет проанализировать референциальные меха-

низмы в фольклорных текстах разных жанров и выявить специфику отражения реальности в фольклорном тексте.

Исследователи признают, что для понимания характерных особенностей каждого жанра необходимо уяснить специфичность отражения реальности. Важный элемент жанровой идентификации – характер восприятия реальности. Проблема состоит в том, как измерить степень условности изображаемого, какие языковые факты способны регистрировать уровень условности восприятия изображаемой реальности.

2.2. Условия возникновения и способы разрешения референциального конфликта

Референциальный конфликт – это потенциальная возможность смешения референтов, возникающая в условиях неоднозначной трактовки анафорического местоимения или дескрипции. Такая неоднозначность возникает в тех случаях, когда несколько референтов (два и более) в равной степени претендуют на актуализацию в данном фрагменте текста, а выбор средств актуализации не является дифференцирующим. Это в первую очередь касается тех случаев, когда грамматические референциальные показатели без поддержки лексических средств референции актуализируют одного из двух референтов, находящихся в фокусе внимания.

Референциальный конфликт может иметь место и в том случае, когда использованные лексические актуализаторы (анафорические местоимения, неопределенные дескрипции) не предполагают однозначной референциальной трактовки.

А. А. Кибрик приводит пример, в котором референциальный конфликт создается посредством использования дескрипции, в равной мере относящейся к нескольким референтам, находящимся в актуальной памяти Адресата: «Гарри вошел в таверну. Таверна была почти пуста, только за угловым столиком сидело двое кубинцев. Один из них_i, рослый и широколицый, громко и

хрипло пел по-испански. Другой, молодой и худощавый, все время подливал себе в бокал из плетеной бутылки красного вина и залпом выпивал. Гарри заказал стакан виски с содовой, уселся за стол возле стойки и принялся смотреть в окно... Кубинец за столиком крикнул ему ...» [Кибрик 1987: 128]. Такие случаи являются редкими. «Гораздо чаще РК (референциальный конфликт – Г. Т.) возникает при употреблении анафорических местоимений (АМ), которые не обладают ни экстенсионалом, ни интенсионалом и имеют практически неограниченную область референции» [Там же: 129].

В референциальный конфликт могут вступать те референты, которые в данный момент могут быть прономинализуемы. В русском языке ограничением для использования анафорического местоимения 3-го лица ед. ч. в качестве референциального актуализатора является признак рода. Категория рода в русском языке является вспомогательным референциальным средством [Кибрик 2003: 62].

В процессе повествования в определенном фрагменте текста может быть прономинализовано больше одного референта, такая ситуация порождает *референциальный конфликт* [Кибрик 1988: 7]. Референциальный конфликт – это угроза неоднозначного установления референции. А. А. Кибрик рассматривает *условия снятия* или *компенсации референциального конфликта*. В процессе разрешения референциального конфликта важную роль играют внутривопозиционные *факторы прономинализации*, то есть «характеристики той предикации, которая содержит проектируемую номинацию референта», а также *факторы референта*, среди которых наиболее значимы одушевленность и конкретность. Для снятия референциального конфликта язык располагает стандартными лексико-грамматическими средствами, которые позволяют классифицировать референтов, вступающих в референциальный конфликт. А. А. Кибрик рассматривает два типа классификаций: стабильные (абсолютные и относительные) и текущие (текстовые). Стабильные классификации опираются на постоянные свойства референтов, а текущие –

на текстовые (близость к фокусу внимания, семантическая роль, синтаксический статус в данном тексте / предложении).

А. А. Кибрик в своей работе представил типологию средств поддержания анафорической референции. Он выделил три формальных типа анафоры: *анафорические местоимения – лексемы, анафорические местоимения – морфемы, нулевая анафора*. Анализируя референциальные механизмы конкретного языка, А. А. Кибрик рассматривает их как систему средств, определяющих референциальную направленность текста. При этом важная роль отводится исследованию *маркеров переключения референции*.

В корякском и алюторском языках нет грамматических показателей рода. Кроме того, местоимение 3-го лица не дифференцируется по полу и может актуализировать как референта мужского пола, так и референта женского пола.

Если в фокусе внимания находятся два референта и в качестве анафора используется анафорическое местоимение или личные показатели глагола, равно соответствующие по грамматическим признакам и одному, и другому референту, возникает референциальный конфликт.

Если говорящий хочет быть понятым (эта установка естественна), то он стремится разрешить или компенсировать возникший референциальный конфликт.

А. А. Кибрик пишет о том, что «контекст релевантен только в тех случаях, когда в фокусе находится более одного референта, причем они прономинализуемы с помощью местоимений с тождественными признаками рода и числа» [Кибрик 1987: 87]. Снять референциальный конфликт позволяют внутрипропозиционные факторы [Там же: 131]. Однако в корякском и алюторском языках наравне с внутрипропозиционными важную роль в снятии референциального конфликта играют контекстуальные факторы, так как для разрешения конфликта часто требуется контекст больший, чем одна пропозиция. Для таких случаев А. А. Кибрик вводит термин *окказиональные факторы* разрешения конфликта [Кибрик 2003: 67], но окказиональность пред-

полагает случайность, некоторую исключительность. Мы не используем термин *окказиональный*, так как этот способ разрешения конфликта не является случайным или редким. Совместимость между референтом и контекстом не является случайностью, поэтому закономерно способствует разрешению референциального конфликта.

Выводы

Сложность референции как лингвистического феномена обуславливает разнообразие исследовательских подходов. Однако при этом разнообразии обнаруживается устойчивая тенденция: круг языковых средств, содействующих осуществлению референции, постоянно уточняется и расширяется. На первых этапах становления теории референции все внимание ученых было сосредоточено на изучении референциального потенциала имен собственных и дескрипций, местоимений и одиночных номинаций. Дальнейшие исследования в этом направлении доказали, что в процессе референции участвует не только система лексических, но и система грамматических актуализаторов. Не только дискурсивные, но и глобальные факторы определяют выбор средств референции. Однако эти факторы могут вступать в сложные комбинации, конкурировать между собой, по этой причине со стопроцентной точностью прогнозировать выбор референциальной стратегии, выбранной рассказчиком, невозможно. Располагая уже состоявшимся текстом, ретроспективно, лингвисты могут выявить те причины, которые повлияли на выбор средств референции в определенном фрагменте дискурса, но проспективно выбор средств референции пока можно прогнозировать только с некоторой долей вероятности. Исследования в этом направлении продолжаются, они приближают нас к пониманию законов человеческого мышления и открытию глубинных механизмов порождения текста.

Глава II

КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ВЫБОРОМ ИНТРОДУКТИВНЫХ СРЕДСТВ РЕФЕРЕНЦИИ И ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКОЙ ТЕКСТА

Анализируя способы интродуктивной референции в корякском и алюторском языках, мы обратились к текстам разных жанров. Цель этого исследования – проанализировать, как меняется уровень референциальной конкретности в зависимости от жанра текста. В этой главе основой дифференциации является не языковая система, а система жанров. Связано это с тем, что выбор средств интродуктивной референции обусловлен жанровыми приоритетами. Устойчивость образной системы и референциальное своеобразие мифологических сказок, исторических преданий, автобиографических рассказов, политических статей являются доминирующими факторами в выборе средств лексической номинации протагонистов. Образная система и спектр сюжетообразующих мотивов корякского и алюторского фольклора имеют единую основу. В связи с этим противопоставление способов интродуктивной референции в корякском и алюторском языках не является продуктивным. Целесообразнее дифференцировать механизмы интродуктивной референции в зависимости от жанровых характеристик текста. Влияние жанра на выбор лексических референциальных актуализаторов имеет универсальный характер. Связано это с тем, что само деление на жанры уже предполагает учет специфики образной системы. В свою очередь, образная система определяет выбор лексических актуализаторов. В этой главе мы обратимся к исследованию лексических способов интродуктивной референции в фольклорных текстах (мифологических сказках и исторических преданиях), в автобиографических рассказах (=условно-бытовых текстах), в литературных повестях и в политических газетных статьях.

Система лексических средств актуализации референта естественным образом коррелирует с образной системой, которая, в свою очередь, обусловлена жанровой спецификой текста.

1. Особенности интродуктивной референции в мифологических и автобиографических текстах на корякском и аляutorском языках

Фольклорный текст является отражением всего культурного пространства, пронизанного множеством связей и ассоциаций, поэтому в фольклорном произведении введение референта нередко происходит за счет апелляции к общему фонду знаний этноса, отсылает ко всем тем историям, которые слушатели уже не раз слышали об этом герое. В связи с этим механизмы интродуктивной референции в фольклорном тексте, по существу, анафоричны. Кроме того, специфика интродуктивной номинации фольклорных персонажей обусловлена высокой степенью их типизированности, что обуславливает ограниченность круга референциальных средств. При этом выбор средств референции коррелирует с жанровой природой фольклорного текста.

Стилистика фольклорных текстов достаточно жестко регламентирована. В противоположность фольклорным текстам, автобиографические рассказы предоставляют широкие возможности для воплощения своей повествовательной манеры любому рассказчику. Однако, как оказалось, для подавляющего числа автобиографических рассказов характерна заданность темы, высокая степень референциальной конкретности, устойчивый фонд стилистических приемов. Существует традиционная повествовательная стратегия, которой рассказчик, вольно или невольно, придерживается. Каждый раз рассказчик стоит перед выбором, как представить героя повествования в тексте. Как показывает анализ текстов, стереотип отчасти предопределяет этот выбор. В процессе создания автобиографических рассказов человек не так свободен, как можно было бы ожидать. Есть стереотипные номинации, которые улавливаются людьми и воспринимаются как данность. Это, конечно, не та стереотипность, о которой мы говорим, когда имеем дело с фольклорными текстами, но это также устойчивость, заданность.

Вопрос о включении автобиографических рассказов в сферу фольклорных текстов решается неоднозначно. На наш взгляд, автобиографические

рассказы не являются фольклорными текстами, так как не передаются из поколения в поколение и являются достоянием конкретного человека. С другой стороны, автобиографический рассказ не является бытовым текстом. Бытовые тексты спонтанны. Им присуща стилистическая незавершенность. Автобиографическим рассказам присуща устойчивая композиция. Эти тексты значимы и устойчивы в пределах повествовательной традиции отдельного человека или его семьи. Таким образом, автобиографические рассказы занимают отдельное место в системе повествовательных жанров.

По сходству моделей типичных интродуктивных номинаций автобиографические рассказы стоят ближе всего к мифологическим сказкам Вороньего цикла. В автобиографических рассказах в центре образной системы *Я-рассказчика* находятся его родители, дети, другие родственники и знакомые. Образная система мифологических сказок Вороньего цикла аналогична образной системе автобиографических рассказов. С одной стороны, это согласуется с тем, что первоначально Куткыннюку² представлялся в качестве первопретка. С другой стороны, система лексических актуализаторов автобиографического рассказа наиболее прозрачна, так как круг референтов ограничен и доступен. Эта система лексических референциальных актуализаторов послужила основой для формирования образной системы мифологических сказок Вороньего цикла, где так же, как и в автобиографических рассказах, персонажи связаны между собой родственными связями, и эта связь служит главным объективным фактом обоснования «существования» персонажа. Сопоставить интродуктивные дескрипции, востребованные в мифологических сказках Вороньего цикла и в автобиографических рассказах, можно по приведенным ниже таблицам (таблицы 1, 2).

В работе приняты следующие обозначения, отражающие **структуру дескрипции (модель интродуктивной номинации)**: Index – индексальный знак, имя собственное; I – простая однокомпонентная дескрипция; II – двух-

² Куткыннюку – главный персонаж мифологических сказок Вороньего цикла, первопреток, демиург. Иногда проявляется зооморфная сущность Куткыннюку: он может превращаться в Ворона, отсюда пошло название «Вороний цикл». Постоянные герои Вороньего цикла – Куткыннюку, его жена Мити и их дети.

компонентная дескрипция, I^{Inc} – однокомпонентная дескрипция, представляющая собой инкорпоративный комплекс, II^{Inc} – двухкомпонентная дескрипция, один из компонентов которой – инкорпоративный комплекс, III – трехкомпонентная дескрипция, IV – четырехкомпонентная дескрипция; EP – единичный референт; PГ – референтная группа.

Таблица 1

**Интродуктивные номинации единичных референтов
в мифологических сказках Вороньего цикла
(10 текстов случайной выборки))**

Структура	Модель дескрипции	Пример	Количество употреблений
Index	Имя собственное	<i>Куйкэннеку</i>	10
		<i>Мити</i>	6
		<i>Йиниг'ауавыт</i>	2
		<i>Эмэмкут</i>	1
I	Термин родства	<i>эччай</i> 'тетя'	7
	Имя нарицательное	<i>йайол</i> 'лиса'	1
I^{Inc}	Притяжательное местоимение + термин родства	<i>энэктата</i> 'его=отец'	1
II	Термин родства + имя собственное	<i>нав'эсьбэт Мити</i> 'жена Мити'	9
	Притяжательное местоимение + термин родства	<i>гэмнин кэмицэн</i> 'мой сын'	1
	Определительное местоимение + термин родства	<i>васьбэн эччай</i> 'другая тетя'	2
	Качественное прилагательное + гендерный термин	<i>митг'айин эльг'а</i> 'красивая девушка'	1
III	Имя собственное + термин родства + притяжательное местоимение	<i>Эмэмкут кмицэн эчгин</i> 'Эмэмкут сын их'	1

Сопоставим эти данные с теми лексическими способами интродуктивной актуализации единичных референтов, которые наиболее часто употребляются в автобиографических рассказах.

Таблица 2

**Наиболее частотные интродуктивные номинации единичных
референтов в автобиографических рассказах
(10 текстов случайной выборки)**

Структура	Модель описания	Пример	Количество употреблений	
			По типу модели	По сложности структуры
Index	Имя собственное	<i>Ботав</i> 'Котав'	25	38
I	Термин родства	<i>эньпич</i> 'отец'	9	
	Этнический идентификатор	<i>йэпон</i> 'японец'	3	
	Гендерный термин	<i>г'оячек</i> 'парень'	1	
II	Термин родства + имя собственное	<i>эньпич Яйлылжэв'</i> 'отец Яйлылжэв'	4	8
	Притяжательное местоимение + термин родства	<i>гэмнин Яэлла</i> 'моя мама'	4	
III	Притяжательное местоимение + термин родства + имя собственное	<i>гэмнин аня Г'экэк</i> 'моя бабушка Экэк'	7	7

В мифологических сказках, не входящих в состав Вороньего цикла, происходит усложнение моделей интродуктивных описаний по сравнению с текстами сказок вороньего цикла и автобиографическими рассказами, что служит свидетельством развития повествовательной традиции (таблица 3).

Таблица 3

**Описания для единичных референтов (людей)
в мифологических сказках, не относящихся к Вороньему циклу
(10 текстов случайной выборки)**

Структура	Модель номинации	Пример	Колич. употреблений	
			По типу модели	По сложности структуры
I	Термин родства	<i>жавакык</i> 'дочь'	3	8
	Статусный идентификатор	<i>этэвэлг'эн</i> 'хозяин'	3	
	Социальный идентификатор	<i>тумгэту</i> 'товарищ'	1	
	Гендерный термин	<i>ляуэнажо</i> 'девушка'	1	
II	Притяжательное местоимение + термин родства	<i>гэмнин кмиуэн</i> 'мой сын'	3	9
	Числительное + гендерный термин	<i>энен ляуэ</i> 'одна девушка'	1	
	Качественное прил. + гендерный термин (инкорпоративный комплекс)	<i>митг'а=ляуэ</i> 'красивая девушка' [кор.; ДЕИ: т. 2, п. 44]	2	
	Качественное прил. + термин родства	<i>энанмэтг'ачг'эн тауав'уэйон</i> 'самая=красивая невеста' [кор.; Жукова 1988: т. 12, п. 222]	1	

	Числительное + статусный идентификатор	<i>әннэн әннәнэттоуэчг'эн</i> 'один самый=богач' [кор.; ДЕИ: т. 2, п. 31]	1	
	Статусный идентификатор + имя собственное	<i>виннетэлг'эн Нюйа</i> 'помощник Нюнья' [кор.; Жукова 1988: т. 12, п. 42]	1	
I ^{nc}	Объект действия (имя нар.) + атрибутив + таксон	<i>г'эляг'аг'алапг'ойамтав'элг'эн</i> 'диких=олений=догоняющий=человек' [кор.; Жукова 1988: т. 12, п. 104]	1	1
II ^{nc}	Притяжательное местоимение + инкорп. комплекс (атрибутив)	<i>мучгин йиннинэҕивэлг'эн</i> 'наш борец-силач' [кор.; Жукова 1988: т. 12, п. 67]	1	1
III	Локальный актуализатор + статусный идентификатор + имя собственное	<i>уанкакэн этәнвэлг'эн Кагэнкан</i> 'тамошний хозяин Кагынкан' [кор.; Жукова 1988: т. 12, п. 42]	1	3
	Определительное местоимение + термин родства + имя собственное	<i>буллу әнән?эччауэ Ое</i> 'другой самый=старший=брат Ое' [кор.; Жукова 1988: т. 12, п. 71]	1	
	Притяжательное местоимение + термин родства + имя собственное	<i>әнэну әнинэлг'эн Аҕа</i> 'их младший=брат Ака' [кор.; Жукова 1988: т. 16, п. 1]	1	
IV	Гендерный термин + атрибутив предмета + имя собственное + качественное прилагательное	<i>г'оячек нәннэлг'эн Йэчейвэн тэттэлы нэтинмэҕин</i> 'парень, названный Йычейвын, очень хитрый' [кор.; АКН: т. 1, п. 1]	1	1

Анализ интродуктивных дескрипций позволяет задуматься об этапах происхождения жанров корякского и аляutorского фольклора. Сказки, не входящие в состав Вороньего цикла, по-видимому, вторичны по отношению к мифологическим текстам Вороньего цикла.

В мифологических сказках полноправными участниками событий являются не только люди, но и зооморфные персонажи, способы актуализации референта в этих текстах зависят от типа героя (таблица 4).

Круг интродуктивных моделей, употребляемых при актуализации зооморфных персонажей, ограничен. Приоритетными являются простые номинации. Трехкомпонентные дескрипции используются крайне редко.

Таблица 4

Дескрипции для единичных референтов (зооморфных персонажей) в мифологических сказках, не относящихся к Вороньему циклу

Структура	Модель дескрипции	Пример	Колич. употреблений	
			По типу модели	По сложности структуры

I	Имя нарицательное	<i>милиот</i> 'заяц'	22	22
I ^{inc}	[Термин родства ^{inc} + имя нар.]	<i>тильмэуавэн</i> 'орел=жена' [кор.; САА: т.7, п. 1]	1	1
II	Притяжательное местоимение + термин родства	<i>гэмнин байтумгэн</i> 'мой родственник'	4	9
	Определительное местоимение + имя нар.	<i>куллу мэжамэж</i> 'другой сиг (рыба)'	3	
	Атрибутив действия + имя нар.	<i>вигэлг'эпилъ пипицэльежэн</i> 'умерший мышонок' [кор.; ДЕИ: т.1, п. 65]	1	
	Качественное прил. + имя нар.	<i>тэттэль нэмэйэуэжин илг'ау</i> 'очень большой бычок (рыба)' [кор.; Жукова 1988: т. 15, п. 1]	1	
III	Возвратное местоимение + притяжательное местоимение + гендерный термин	<i>чинин мучгин эльг'а</i> 'своя наша девушка' (о девушке – птице) [кор.; САА: т. 7, п. 62]	1	2
	Числительное + атрибутив действия + статусный идентификатор.	<i>эннэн нэлэтэлг'эн таньуэчетэлг'эн</i> 'один оставшийся вояка' (об орле) [кор.; Жукова 1988: т. 7, п.33]	1	

Обратимся к последовательному рассмотрению лексических способов актуализации референтов.

1.1. Имя собственное

Имена собственные наравне с терминами родства являются доминирующим средством актуализации референта в фольклорных текстах и в автобиографических рассказах, но функционируют они по-разному.

Считается, что имя собственное в большинстве случаев лишено дескриптивного значения. Однако имена персонажей в той или иной степени могут быть подвергнуты этимологическому анализу. В фольклорных текстах в качестве актуализаторов встречаются имена-описания. Такие имена не только обозначают референт, но и описывают некоторые его свойства, значимые для развития сюжета. Мотивированные имена собственные имеют ограниченный круг распространения, однако мы начинаем анализ именно с них и только после этого обращаемся к именам – индексальным знакам. Такой порядок анализа обусловлен тем фактом, что индексальные имена собственные, в отличие от мотивированных имен собственных, активно используются в

составе многокомпонентных дескрипций и фольклорных текстов, и автобиографических рассказов. Для того чтобы не нарушать в дальнейшем последовательность анализа компонентов референциальных дескрипций и показать связь между этими компонентами, мы не стали прерывать эту последовательность анализом структуры мотивированных имен собственных.

1.1.1. Этимологически мотивированные имена собственные как средство номинации персонажей (людей)

Имя собственное, обладающее внутренней формой, по своей структуре близко определенной дескрипции.

В корякских и алюторских фольклорных текстах есть примеры, когда мотивированное имя собственное содержит семантические признаки, описывающие индивидуальные свойства референта.

Модель: [мотивированное имя собственное]^{EP}

(1) кор., чавч.; мифол. сказка

Нэм нэйэчгэйи тагэйницэлг'эт гайог'элэнат йайолачга. Нэйэй нэнэлг'эт В'улвэ?эйимтилг'эт. [Жукова 1988: т. 22, п. 34–35]

nem	нэе=чүеji	ta=yəjni=η=əlh=ə=t	
вог	два=ADV.collect	VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=E=ATR=E=ABS.du	
yə=joh=ə=ləna=t		jajola=čy=a	нэеj
PP=достигнуть=E=3nsgP=DU		лиса=PEJOR=INSTR	те
nənnə=lh=ə=t	wulv=ə=əji=mti=lh=ə=t		
имя=ATR=E=ABS.du	поперек=E=лук=существо=ATR=E=ABS.du		

‘И вот к двум охотникам пришла лиса. У них были имена Поперек-лук-носящих.’

В этом примере интродуктивная референция осуществляется поэтапно. Первоначально два референта как единая пара вводятся при помощи имени нарицательного, обозначающего род деятельности референтов. Далее анафорическая референция, показатель которой – указательное местоимение *уаен* ‘тот’, перемежается с интродуктивной идентифицирующей уточняющей референцией, первый компонент этого референциального звена не актуализирован (указательное местоимение), второй – актуализирован, так в текст вво-

дится имя персонажа. Это имя собственное обладает внутренней формой и фактически является определенной дескрипцией.

В тех случаях, когда использовано этимологически мотивированное имя, происходит наложение характеризующей и идентифицирующей функций. Но имя собственное с внутренней формой только тогда обладает характеризующей функцией, когда свойства референта, подчеркнутые в имени, проявляются в характере или внешних свойствах референта:

(2) ал., вывен.; истор. пред.

ət.yina-t ra.jərʔə-n: əmqa-nin ɣav.ʔan ɣ-itə-lqiv-lin, ənnaŋ ɣav.akək nənni kuɣawwət to ənnaŋ akək nənni piɣinaŋ. [Кибрик 2000: т. 21, п. 2]

ətɣ=ina=t	ra=jərʔ=ə=n	əmqa=nin
они=POSS.nsg=DU	семья=NMLZ.наполнение=E=ABS.sg	Pers=POSS.sg
ɣav=ʔan	ɣ=it=ə=lqiv=lin	ənnaŋ ɣav=akək
женщина=NMLZ	PP=быть=E=INCH=3sgS	один женщина=сын
nənni kuɣawwət	to ənnaŋ akək nənni	piɣinaŋ
имя Pers	и один сын	имя Pers

‘У них [двоих] была семья: Ымкина жена, одна дочь по имени Кунаввыт и один сын по имени Пининан.’

Имя героя Пининан (букв. ‘лучина’) в начале повествования не воспринимается как характеризующее, только как идентифицирующее. И только когда герой с этим именем становится победителем и произносит слова, приведенные в следующем примере, обнаруживается характеризующая функция этого имени собственного.

(3) ал., вывен.; истор. пред.

“jappə əmqa-nin piɣinaŋ ta-ŋl.atə-tkən, aqan qəra=mətq-a”. [Кибрик 2000: т. 21, п. 78]

jappə	əmqa=nin	piɣinaŋ	ta=ŋl=at=ə=tkən
еще	Ымка=POSS.sg	лучина	POT =дым=VBLZ=IPFV
aqan	qəra=mətq=a		
хотя	ржавый=жир=INSTR		

‘Еще Ымкина лучина погорит, хотя и желтым жиром.’

В корякском и алюторском языках нет грамматической категории рода. Структура мотивированного имени женского персонажа отличается от имени

мужского персонажа тем, что имеет в своем составе компонент =*ɲaw(ət)* ‘женщина’.

(4) кор., чавч.; мифол. сказка

Кугитэунин: – Калиуав’. [Жукова 1988: т. 17, п. 13–14]

ku=ɣite=ɲ=nin

kali=ɲaw

PRES=смотреть=PFV=3sgA+3P узор=женщина

‘[Куйкыняку] Смотрит: – Татуированная женщина!’

(5) ал., караг.; мифол. сказка

Кэтав’ут гэлагул(ин) кэлиуэв’. [Жукова 1988: т. 47, п. 123]

‘[Куткыняку] Вдруг увидел татуированную женщину.’

– *Ту! Кэлиу, тауэатк в’утьку?* [Жукова 1988: т. 47, п. 124 – 125]

‘О! Кэлин, что ты делаешь здесь?’

По сюжету Куткыняку принимает отражение своего разрисованного лица за облик татуированной женщины. В имени персонажа отражены его внешние черты, или черты, значимые для развития сюжетного действия:

(6) ал., пал.; мифол. сказка

Атты гэмүэсулқилин Нэв’рыттытини?ауэв’ытынак. [Жукова 1980: т. 14, п. 3]

attə ɣe=məɲesu=lqi=lin

ɲew=rətt=ə=tini?aɲewət=ə=na=k

вот PP=говорить=INCH=3sgS женщина=морозка=E=Pers=E=SG=LOC

‘Вот заговорила Женщина-морозка-Тинианэвыт.’

В ходе развития сюжетного действия слушатель узнает, что изо рта *Нэв’рыттытини?ауэв’*, когда она говорит, падает морозка.

При осуществлении интродуктивной референции зооморфных персонажей имена собственные используются гораздо реже, нежели имена нарицательные. При этом важно, что имя собственное зооморфного персонажа в корякском фольклоре, как правило, является производным от общего имени нарицательного, обозначающего тот или иной вид животного.

Имена мужских зооморфных персонажей строятся по следующим моделям:

а) основа имени, обозначающая название животного + =*mti* / =*mte* ‘существо’ + =*lh* атрибутивный аффикс + аффикс абсолютива:

(7) кор., кам.; мифол. сказка

Вэг'айок Йайоламтэлг'энак контэувоунэн йэв'йэву. [Жукова 1988: т. 30, п. 2]

vəhajok **jajola=mte=lh=ə=na=k**

потом **лиса=существо=ATR=E=SG=LOC**

ko=nt=ə=ŋvo=ŋ=nen jewjev=u

PRES=сделать=E=INH=PFV=3sgA+3P куропатка=ABS.pl

‘Потом Человек-лис стал снимать (пойманных) куропаток.’

(8) ал., кар.; мифол. сказка

В'элвэмтил'эн энавэтаватък. [Жукова 1988: т. 37, п. 1]

welv=ə=mti=lʔ=ə=n enavetav=ə=ʧk

ворон=E=существо=ATR=E=ABS.sg мешать=E=IPFV

‘Человек-ворон мешает.’

б) основа имени, обозначающая название животного + =lh атрибутивный аффикс + аффикс абсолютива:

(9) ал., кар.; мифол. сказка

Ильг'ақальг'эн гаг'ақнюлқэл. [Жукова 1988: т. 48, п. 1]

ilʔhaq=ə=lʔ=ə=n ʎa=haqnʎu=lq=ə=lin

бычок (рыба)=E=ATR=E=ABS.sg PP=сердиться=INCH=E=3sgS

‘Человек-бычок рассердился.’

(10) кор., чавч.; мифол. сказка

Пчикальг'эн қонпәу коңалңәвоу. [Жукова 1988: т. 21, п. 1]

pčika=lh=ə=n qonpəŋ

птица=ATR=E=ABS.sg все время

k=o=ŋal=ŋvo=ŋ

PRES=дерево=VBLZ.идти с целью=INCH=PFV

‘Человек-птица всегда за дровами ходил.’

в) основа имени, обозначающая название животного + =čy аффикс пейоратива (уничжительный):

(11) кор., чавч.; мифол. сказка

То В'алвэчга ков'наңвоунэн ууэлйэчг'у. [Жукова 1988: т. 21, п. 3]

to wlv=ə=čy=a ko=wna=ŋvo=ŋ=nen

и ворона=E=PEJOR=INSTR PRES=отнять=INCH=PFV=3sgA+3P

u=ŋel=jəčh=u

дерево=VBLZ.идти с целью=NMLZ.наполнение=ABS.pl

‘А Человек-ворон отбирал все собранные дрова.’

Имена женских зооморфных персонажей строятся по другой модели: основа имени, обозначающая название животного, + =ŋaw(ət) ‘женщина’.

(12) ал., кар.; мифол. сказка
Сасосаһав' ивэткән... [Жукова 1988: т. 47, п. 7]
 sasosa=ɟaw iv=ə=tkən
 лиса=женщина сказать=E=IPFV
 'Женщина-лиса говорит...'

Имя собственное зооморфного персонажа не является производным от имени нарицательного, обозначающего вид животного, в том случае, если это кличка собаки.

(13) кор., чавч.; мифол. сказка
Йатан Калилг'эн уйһэ агайматъька аньгэтэтькок. [Жукова 1988: т. 14, п. 5]
 jatan kali=lh=ə=n ujhe a=ɟajmatʰ=ka
 только узор=ATR=E=ABS.sg не CV.neg=хотеть=CV.neg
 anʲət=ə=tʰko=k
 праздник=E=ITER=CV.loc
 'Только Калилдын (Пестрая) не согласилась праздновать.'

(14) ал., кар.; мифол. сказка
Опрелка, җәйет җор. [Жукова 1988: т. 39, п. 14]
 oprelka q=ə=jet qor
 Pers 2A.IMP=E=приходить сюда
 'Опрелка, иди сюда.'

Мифологические персонажи, действующие в корякском и алыторском фольклоре – это, прежде всего, бог (высшее божество), злые духи и олицетворенные стихии.

В мифологическом повествовании, рассказанном А. А. Симоновой, главный действующий герой *Вагыйһын* 'Бытие' создает землю и все сущее на ней. Для осуществления интродуктивной референции используется имя собственное, никакими дополнительными дескрипциями референт, который обозначен именем собственным, не идентифицируется. Средством актуализации референта служит внутренняя форма имени.

(15) кор., чавч.; миф
Титэ Вагыйһын гэлтыткулинэв' тәйкык г'уемтэв'илг'у ... [САА^{ЛА}: т. 4, п. 1]
 tite va=ɟəjɟ=ə=n ɟe=plətku=line=w
 когда бытъ=NMLZ=E=ABS.sg PP=кончить=3nsgP=PL
 tejk=ə=k hujemtewilh=u
 делать=E=CV.loc человек=ABS.pl

‘Когда Бытие закончило делать людей ...’

Злые духи, как правило, актуализируются в тексте посредством имен нарицательных *нинвит*, *камак*, *кала* (*кэлэ*), которые иногда квалифицируются исследователями как имена собственные:

(16) кор., чавч.; мифол. сказка

Эньненчен энкайтэу гэлэлин Кала то кив’ун. [Жукова 1988: т. 25, п. 2]

эп’нен=чеч энка=jtəŋ үе=le=lin **kala** to

однажды=ADV он=LAT PP=идти=3sgS **кала** и

k=iw=ŋ=nin

PRES=сказать=PFV=3sgA+3P

‘Однажды к ней пришел Кала и говорит.’

Кэлэ, *нинвит* – общие наименования злых духов в корякском фольклоре. Главная особенность имени собственного в том, что оно указывает на единичный объект, идентифицируя его. Идентификация типизированного героя, которым является злой дух, происходит посредством общего имени нарицательного. Нечеткость границы перехода имени нарицательного в класс имен собственных в данном случае связана с обобщенностью самого образа злого духа.

(17) кор., чавч.; мифол. рассказ

Нинвиту гаңволэнав’ивэк... [Жукова 1988: т. 18, п. 18]

niŋvit=u үа=ŋvo=ləna=w iv=ə=k

нинвит=ABS.pl PP=начать=3nsgS=PL сказать=E=CV.loc

‘Нинвиты начали говорить.’

Актуализация протагониста (злого духа) может осуществляться посредством именного инкорпорированного комплекса:

(18) кор., чавч.; мифол. сказка

Чамйау нинвитэппэлавола гив’лин... [Жукова 1988: т. 16, п. 24]

čamjaq **niŋvit=ənp=ə=qlavol=a** ү=iw=lin

действительно **нинвит=старый=E=мужчина=INSTR** PP=говорить=3sgS

‘Да еще старик-нинвит сказал...’

(19) ал., вывен.; мифол. сказка

... *ənpə.qlavul=niŋvit ŋanə.k to ənpə.nav=niŋvit ɣ-il-lina-t [itə-tkə-t].* [Кибрик 2000: т 6, п. 30]

‘... там были старик-нинвит и старуха-нинвит.’

Номинация протагониста – олицетворенной стихии осуществляется при помощи имени собственного, образованного от имени нарицательного – названия стихии. Имена олицетворенных стихий могут строиться по тем же моделям, что и имена зооморфных персонажей (ср. модель (а)), только они начинаются с основы имени, обозначающей название стихии. Например, *Йиуатэмтильг’эн* ‘Северное сияние’ – эта дескрипция употребляется в тексте как личное имя.

(20) кор., кам.; мифол. сказка

Йиуатэмтильг’эн уавакэк гэнан цэйэм наг’акмитэн, кутакатгульг’эуэу гэмкайтэу. [Жукова 1988: т. 29, п. 13]

jiyat=э=mti=l’h=in

северное сияние=E=существо=ATR=POSS.sg

ɲav=akək

женщина=сын

yə=nan

ты=ERG

qəjəm nəh=akmit=э=n ku=ta=katyu=l’h=э=η=э=η

не CON=взять=E=3sgP PRES=VBLZ.делать=сильный=ATR=E=VBLZ.делать=E=PFV

yəmka=jtəŋ

я.OBL=LAT

‘Северного сияния дочь ты ни за что не взял бы, силача строишь передо мной.’

Специфическое средство референции в корякском и алюторском языках – именной инкорпоративный комплекс, благодаря которому полная дескрипция может выражаться одной словоформой. В связи с этим имена собственные, представляющие собой инкорпоративный комплекс, уже не являются индексальными знаками, так как актуализируют протагониста, подчеркивая его отличительные свойства.

1.1.2. Имена собственные как индексальные знаки

В традиционных корякских сказках, относимых к Вороньему циклу, интродуктивная референция постоянных персонажей преимущественно осуществляется при помощи имен собственных. Вороний цикл представляет собой круг мифологических текстов, объединенных одной образной системой, центральным персонажем которой является Большой Ворон *Куткынняку*,

‘Посадил Тинианэвыт с сыном на корягу.’

В автобиографических рассказах имена собственные, так же как и в мифологических сказках Вороньего цикла, нередко вводятся без дополнительных актуализаторов, что не характерно для текстов других жанров.

(27) кор., чавч.; автоб. рассказ

А... мыччамкэчела Качеруанау то Чемэжай, мыччог’ынав’. [АЛА^{ЛА}.2010: т. 8, п. 1]

a *məč=ča=mk=eče=la* **qəčerŋa=na=ŋ** *to* **čemeqaj**
1nsgS=дом=группа=VBLZ=PL **Pers=SG=DAT** и **Pers**
məč=čoh=ə=na=w
1nsgA=достигнуть=E=3nsgP=PL

‘А... мы поехали в гости к Качерне и Чемкаю, приехали к ним.’

(28) ал., пал.; автоб. рассказ

Нымк’а лыги тылнын ʔынанныотын ʔэйэллин Карл Экэрман. [Жукова 1988: т. 1, п. 13]

‘Едва вспоминаю, самым первым приехал Карл Экерман.’

Несколько иначе происходит актуализация единичных референтов в мифологических сказках, не входящих в состав Вороньего цикла. При актуализации персонажей-людей в мифологических сказках, не входящих в состав Вороньего цикла, имя собственное в качестве интродуктивного функционирует только в составе двух- и многокомпонентных дескрипций.

Модель: [термин родства^{Реф1} + имя собственное^{Реф1}]^{EP}

(29) кор., чавч.; мифол. сказка

Әнәну әнинәлг’ән Ақа гамгаинел копечгәгәләнвоу. [Жукова 1988: т. 16, п. 1]

әнпәну **əninelh=ə=n** **haqa** *ko=pečy=ə=yele=ŋvo=ŋ*
все время **старший брат=E=ABS.sg Pers** PRES=пища=E=искать=INCH=PFV

‘Все время старший брат Ака повсюду ищет еду.’

(30) ал., пал.; сказка

Титә ʔэйунэтыл’зи ʔылла, ʔыллыгын то ʔытгин экык Акачгун. [Жукова 1980: т. 17, п. 1]

‘Когда-то жили мать, отец и их сын Акачгун.’

В текстах этого типа круг персонажей неустойчив. По этой причине имя собственное без дополнительных актуализаторов в качестве интродуктивного средства встречается исключительно редко. В то же время в мифоло-

гических сказках Вороньего цикла с устойчивой образной системой это традиционный способ введения постоянных персонажей.

1.2. Термины родства

В мифологических сказках и автобиографических рассказах термины родства востребованы в той же мере, что и имена собственные. Это один из самых частотных способов первичного представления референта.

Термины родства, как правило, предполагают опору на предшествующий контекст или в целом знание этнокультурных традиций (если речь идет о мифологии). Единичный референт представлен как включенный в вертикальную родственную цепь. Многие сюжеты Вороньего цикла строятся на моделировании семейных отношений домочадцев Куткыннюку – это круг ‘своих’. ‘Свои’ в ходе развития сюжетного действия взаимодействуют с ‘чужими’.

В мифологических текстах Вороньего цикла отправной точкой разветвленной цепи родственных отношений служит центральный персонаж корякской мифологии – Куткыннюку.

Модель: [термин родства^{Реф1} + имя собственное^{Реф1}]^{EP}

(31) кор., чавч.; мифол. сказка

То г'ам чеймык Буткэнеку гайонаньэволэн гэүэвэ Мити то кмиңэн Эмэмкут. [Жукова 1988: т. 11, п. 12]

to	ham	čejm=ə=k	kutkənequ	γa=jonani=ŋəvo=len
и	но	близкий=E=LOC	Pers	PP=жить=INCH=3sgS
γe=ŋev=e		miti	to	kmiŋ=ə=n
SOM=женщина=SOM	Pers	и	сын=E=ABS.sg	Pers

‘А поблизости жил Куткыннюку с женой Мити и сыном Эмэмкутом.’

(32) ал., кар.; мифол. сказка

Гэйунэтэлүилэн Буткэньяку, Мити то этгин ненеу. [Жукова 1988: т. 47, п. 1]

‘Жили Куткыннюку, Мити и их дети.’

Образная система текста, выстраивающаяся по принципу актуализации родственных отношений, имеет центр. В центре этой системы находится тот

протагонист, по отношению к которому определяются роли других персонажей повествования. Если в Вороньем цикле этот центр – Ворон Куткыннюку, то в автобиографических рассказах и семейных преданиях это рассказчик. Отличие семейных преданий от автобиографических рассказов заключается в том, что рассказчик не является свидетелем событий, передаваемых в семейном предании, в то время как автобиографический рассказ – это личные воспоминания рассказчика. Термины родства обладают высокой референциальной конкретностью и опосредованно актуализируют рассказчика как сопричастного изображаемым людям и событиям.

Модель: [термин родства]^{PT}

(33) кор., чавч.; автоб. рассказ
ən.ɲi.w-ətək tə-ra.lqivə-sqiv-k ... [Кибрик 2000: т. 31, п. 1]
 ‘К дядьям я пошла ...’

Модель: [притяжательное местоимение^{Реф1} + термин родства^{Реф2}]^{EP}

(34) кор., чавч.; автоб. рассказ
Еппы аппа вама, мучгин энъич, ъонпын... муоу ныёчгаёмоё увакыкамоё.
 [САА.2010: т. 2,3, п.]
 jeppə appa va=ma muçy=in en'riç qonpəŋ muj=u
 еще папа быть=CV.sim мы.OBL=POSS.sg отец всегда мы=ABS.pl
 ɲəjo=çyajo=moj=o ɲav=akəka=moj=o
 три=ADV.collect=1nsgS=PL женщина=сын=1nsgS=PL
 ‘Еще при жизни папы, нашего папы, всегда... трое мы, три дочери мы.’

(35) кор., чавч.; семейное предание
 а. *Гымнин энъич, гым... еппы гыммо айтока, еппы нутуйџин тойыльг 'анма Аймыџ.* [АЛА^{ЛА}.2010: т. 5, п. 1]
 үэм=nin en'riç jeppə үэммо a=jto=ka jeppə
 я=POSS.sg отец еще я CV.neg=вынуть=CV.neg еще
 n=ə=tuj=qin toj=ə=l;han=ma ajməq
 QUAL=E=новый=3sgS.QUAL новый=E=VBLZ.habit=CV.sim Pers
 ‘Мой отец, я ещё не родилась, еще молодой, в молодости Аймык.’

Если единичный протагонист вводится при помощи термина родства, то в предшествующем контексте должен быть обозначен первичный рефе-

рент, от которого ведется родственная связь, это не касается тех случаев, когда центром родственных отношений является рассказчик:

(36) ал., вывен.; семейное предание

ajōwət murək=ʔəssaj-a təvə-lqivə-tkə-ni-n at.yin joti=ʔəlləyə.pil; ajō ɣ-itə-lqiv-lin, ɣa-lɣevə.tku-l(in) nuta-ŋ. [Кибрик 2000: т. 24, п. 1]

‘Давно наша тетка рассказывала, был когда-то их прадед, пошел в тундру гулять.’

На этом примере хорошо видно, как происходит перемещение центра, относительно которого выстраиваются роли референтов. Сначала в центре – сам рассказчик, а далее – тетка рассказчика. Референт ‘дед’ актуализирован уже по отношению к референту ‘тетка рассказчика’. В качестве указателей перемещения центра референции используются притяжательные местоимения.

(37) кор., чавч.; бытовая сказка

Айһон ынһыг ’ан льгэяк куюнэһни ыннив ’ то ынин ыллывэ. [САА^{ЛА}.2010: т. 5, п. 2]

ajһon ənʔəhan lʔe=ja=k ku=junenⁱ=ŋ=i
давно так действительно=дом=LOC PRES=жить=PFV=3duS.PFV

ənniw to ə=nin əlləve
дядя и он=POSS.sg племянник

‘Давно вот так в юрте жили дядя и его племянник.’

**Модель: [термин родства^{Реф1} + притяжат. местоимение^{Реф2} +
имя собственное^{Реф1}]^{EP}**

(38) ал., вывен.; мифол. сказка

ajō ɣa-jun.at-lqiv-lina-t əlla to unjunu ə.ninnə mətkusəlʔə-n. [Кибрик 2000: т. 9, п. 1]

‘Давно жили (вдвоем) мать и ее сын Мыткусылын.’

Не требуют опоры на предшествующий контекст термины родства в том случае, если одновременно вводится множество референтов (два и более), которые связаны горизонтальной родственной связью (два брата, брат и сестра):

Модель: [числительное + термин родства]^{PG}

(39) кор., чавч.; мифол. сказка

Нанэнмэлгэйдэ гайонаньнэволэнав' нэччегэ жайтакальнэйдэчг'эт то нэччегэ чакэтэйдэчг'эт. [Жукова 1988: т. 11, п. 62]

‘В той землянке жили два брата и две сестры.’

1.3. Гендерные термины

Гендерная характеристика является наиболее общей, но в то же время достаточной для идентификации единичного референта в фольклорном тексте. Типичный круг фольклорных персонажей – старик, мужчина, девушка и т. п.

Модель: [гендерный термин]^{EP}

(40) ал., пал.; мифол. сказка

Буллинэк ктав'ут гэрэлжив'лин ынпыулавол. [Жукова 1980: т. 16, п. 104]

qulinek	kətaʋut	ʋe=re=lqiw=lin	ənp=ə=qlavol
однажды	вдруг	PP=дом=INCH=3sgS	старый=E=мужчина

‘Однажды вдруг вошел старик.’

(41) кор., чавч.; мифол. сказка

Энькэйп гэйунэлин льгэйдэ навыуулаю. [Жукова 1988: т. 25, п. 1]

‘Когда-то жила в яранге девочка.’

В мифологических текстах, в силу их типизированности, для осуществления референции главного персонажа повествования может быть достаточно гендерного термина.

В бытовых текстах изолированные гендерные термины функционируют только как неопределенные и в том случае, если не конкретизируются в последующем повествовании при помощи дополнительных актуализаторов, относятся к эпизодическим референтам.

(42) кор., чавч.; автоб. рассказ

Бэйли нанко эльг'а котваң. [Жукова 1988: 23]

qejli	ŋan=ko	elha	ko=tva=ŋ
правда	там=LOC	девушка	PRES=быть=PFV

‘Правда, там женщина находится.’

1.4. Локальные идентификаторы

В текстах мифологических сказок имена с локальными идентификаторами востребованы в меньшей степени, нежели в охотничьих и автобиографических рассказах. Это связано, во-первых, с тем фактом, что мифологические герои, по определению, типизированы. Однако если в пределах одной мифологической системы сосуществуют два персонажа с одинаковыми именами, то локальные актуализаторы могут функционировать как средство дифференциации референтов. Так, в корякской мифологии помимо Эмэмкута – сына Куткыннюку, есть еще и другой Эмэмкут, его полное имя ‘Эмэмкутэкэл?эн’. В тексте мифологической сказки [Жукова 1988: т. 50] этот персонаж вводится при помощи определенной дескрипции с локальным актуализатором.

Модель: [мотивированное имя собственное]^{EP}

(43) ал., кар.; мифол. сказка

?Эттэйол Эмэмкутэкэл?эн ганволэн ивэк ... [Жукова 1988: т. 50, п. 1]

?əttəjɔl=ememkutəkəl?ə=n *γa=ŋvo=len* *iv=ə=k*
вперед=Pers=E=ABS.sg PP=начать=3sgS сказать=E=CV.loc
‘Приморский Эмэмкут стал думать...’

Привязанность субъекта к определенному (узнаваемому) реальному локусу создает эффект правдоподобия, поэтому определенные дескрипции локативного значения используются именно в тех текстах, жанровая специфика которых предполагает установку говорящего на воссоздание подлинной ситуации, то есть в автобиографических, охотничьих, мифологических рассказах, рассказах об обычаях:

Модель: [локально-этнический идентификатор + имя собственное]^{EP}

(44) ал., пал.; мифол. рассказ

Тыттэль ныгйинқин гиллин тэгырннүкы аңбагырнэқың в’эйэмлэкин Палат.
[Жукова 1980: т. 2, п. 1]

təttelʲ *n=ə=γjin=qin* *γ=il=lin*
очень QUAL=E=азартный=3sg.QUAL PP=быть=3sgS
te=γərni=ŋ=kə *aŋqa=γərnek=ə=ŋ*

VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=CV.loc море=зверь=E=DAT

wejemle=kin palat

Лесная=REL.sg Pers

‘Азартным охотником на морского зверя был лесновский Палят.’

Модель: [статусный идентификатор + локально-этнический идент-р]^{PT}

(45) ал., вывен.; рассказ об обычаях

wutin.yivi mur.yina-w pastuqa-w to anapketə-kina-w ayi ġita.sil-la-t. [Кибрик 2000: т. 40, п. 1]

‘В этом году наши пастухи и анапкинские (село Анапка) устраивали много гонок на оленях.’

1.5. Статусный идентификатор

Актуализация референта при помощи лексемы, обозначающей его по роду деятельности, используется как в мифологических, так и в условно-бытовых текстах.

Модель: [статусный идентификатор]^{EP}

(46) кор., чавч.; мифол. сказка

Вэг’айок тагэйниңалг’эн талэй... [Жукова 1988: т. 7, п. 36]

vəhajok ta=yəjni=ŋ=ə=lh=ə=n

потом VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=E=ATR=E=ABS.sg

təle=j

идти=3sgS.PFV

‘Потом охотник пошел...’

В отличие от мифологических текстов, где наименование референта по роду деятельности соответствует высокой степени типизации протагониста, бытовым рассказам, воссоздающим правдоподобную ситуацию, свойственна определенная референция, в связи с этим номинация по роду деятельности, как правило, входит в состав определенной дескрипции:

Модель: [статусный идентификатор + имя собственное]^{EP}

(47) ал. пал.; охот. рассказ

Учителе Лонгинов гэнэв’йэтлңилин витку-?ат нымк?а, ?ынкавасн мэлэт?у, митив’ нмэйу?а. [Жукова 1980: т. 2, п. 71]

В условно-бытовых текстах термины, отражающие этническую характеристику единичного референта, употребляются, как правило, в составе дескрипций.

Модель: [статусный идентификатор+ гендерный термин + этнический идентификатор + качественное прилагательное + качеств. прилагательное + локально-этнический идентификатор]^{EP}

(50) кор., чавч.; автоб. рассказ

*To в'отэньняйак мэччог'алан этэвэлг'эн то энангйолавэлг'эн аннэк
лянуэнацо нэмэльг'эуэв' тэттэль нэмэлқинб нэгэнкэқин эльг'а қайауэнин.*

[Жукова 1988: т. 23, п. 117]

‘И в этом доме мы подошли к хозяину и рыборазводчику – девушке нымьланке, очень хорошая, приветливая девушка карагинка.’

Приведенный пример многокомпонентной референциальной дескрипции не является типичным для автобиографических рассказов, это, скорее, редчайшее исключение. Такая подробность в представлении референта отчасти связана с тем, что рассказчик не спросил имени этой девушки, о чем очень жалел (судя по рассказу). Используя целый ряд актуализаторов, рассказчик стремился компенсировать отсутствие имени собственного.

Изолированно этнические идентификаторы используются в том случае, если референты вводятся как нераздельное множество.

Модель: [этнический идентификатор]^{PT}

(51) ал., пал.; автоб. рассказ

Орав'ач йаллат йэпоно. [Жукова 1980: т. 1, п. 18]

orawaç jal=la=t **јерон=о**
потом прибыть=PL=3duS **японец=ABS.pl**

‘Потом приехали японцы.’

В текстах мифологических сказок и в автобиографических рассказах этнические идентификаторы для интродуктивной референции используются редко. Этнические идентификаторы в большей степени актуальны для исторических преданий.

1.7. Таксономическая номинация ‘человек’

Помимо гендерных терминов, в фольклоре как условно-референтная может функционировать лексема *г'уемтэв'илг'ын* ‘человек’.

Модель: [таксон]

(52) ал., пал.; мифол. сказка

Уйэммтэв'ил?ын нотаң курткын, рараң гэв'в'эв'лин. [Жукова 1980: т. 18, п. 1]

ujemtewil? =э=n	nota=η	kur=tkən	gara=η
человек=E=ABS.sg	тундра=DAT	идти из=IPFV	дом=DAT

γ=ewwew=lin

PP=отправиться=3sgS

‘Человек в тундру пошел, домой отправился.’

В бытовых рассказах без дополнительных актуализаторов лексема *г'уемтэв'илг'ын* ‘человек’ для осуществления интродуктивной референции не используется. Это обусловлено тем фактом, что в социальном контексте этот термин не обладает идентифицирующей функцией.

Для мифологических сказок Вороньего цикла и автобиографических рассказов доминирующими являются одно- и двухкомпонентные интродуктивные номинации. Иначе происходит актуализация протагонистов в исторических преданиях. Спектр номинаций, использованных в исторических преданиях, несопоставимо шире по сравнению с текстами мифологических сказок и автобиографических рассказов. В исторических преданиях активно используются многокомпонентные дескрипции.

2. Лексические способы актуализации единичного референта в исторических преданиях

В исторических преданиях по сравнению с мифологическими сказками Вороньего цикла и автобиографическими рассказами усложняется угол зрения на реальность, усложняется образная система, что, соответственно, требует поиска изобразительных средств. Эти процессы находят свое отражение

в выборе лексических референциальных актуализаторов: структура интродуктивных дескрипций усложняется. Если в автобиографических рассказах и мифологических сказках Вороньего цикла доминируют однокомпонентные дескрипции и имена собственные, то в исторических преданиях предпочтение отдается двух- и многокомпонентным дескрипциям. Происходит стилистическое усложнение текста. Меняется и роль имени собственного. Имя собственное нуждается в дополнительных актуализаторах. Достоверность образа в исторических преданиях может достигаться посредством локально-этнического и статусного идентификаторов: *ilirkin arəm* 'илирский старшина', при этом не обязательно указывается имя собственное. Угол зрения на реальность, присущий историческим преданиям, допускает и даже поощряет эту референциальную ослабленность. В текстах подобного типа имя нельзя придумать, его нельзя дать герою произвольно. Возникает парадоксальная ситуация: референциально ослабленные интродуктивные дескрипции в исторических преданиях поддерживают эффект достоверности текста.

Референциальный план исторических преданий представляет особый интерес. С одной стороны, исторические предания предполагают установку на достоверность, что требует максимальной актуализации, конкретизации референта. С другой стороны, историческим преданиям присуща эпическая условность, и, соответственно, традиционный набор персонажей, что допускает ослабление референциальной семантики.

В таблице (5) представлены типичные модели интродуктивных номинаций, использованных в исторических преданиях.

Таблица 5

**Модели интродуктивных номинаций единичных референтов
в исторических преданиях
(10 текстов)**

Струк-тура	Модель дескрипции	Пример	Колич. употреб.	
			По типу мод.	По структ.
Index	Имя собственное	<i>Омъяв 'гэйцэн</i>	2	2

		[кор; Стебницкий 1936: т. 3, п. 64]		
I ^{inc}	Имя собственное – инкорпоративный комплекс	<i>В'амалкаҗләүтолг'ән</i> 'С=отрезанной=губой' [кор.; Стебницкий 1936: т. 6, п. 20] [ал.; Кибрик 2000: т. 20, п. 48]	2	2
I	Гендерный термин	<i>әнпәуав</i> 'старуха' [ал.; Кибрик 2000, т. 17, п. 3] [кор.; Стебницкий 1936: т. 7, п. 25] [ал.; Кибрик 2000: т. 18, п. 7]	3	10
	Термин родства	<i>уавдан</i> 'жена' [кор.; Стебницкий 1936: т. 3, п. 9]	2	
	Локально-этнический идентификатор	<i>намәлдан</i> 'нымылан' [кор.; Стебницкий 1936: т. 3, п. 107]	1	
	Социальный идентификатор	<i>тануэтан</i> 'враг' [кор.; Стебницкий 1936, т. 6, п. 16] [ал.; Кибрик 2000: т.21, п. 20] [ал.; Кибрик 2000: т.20, п. 6]	3	
	Статусный идентификатор	<i>инәлчәдән</i> 'вожак' [кор., Стебницкий 1936: т. 7, п. 18]	1	
II	Термин родства + имя собственное	<i>әллауи Муллиткан</i> 'младший брат Муллиткан' [ал.; Кибрик 2000: т. 22, п. 54]	1	8
	Имя собственное + этнический идентификатор	<i>Кәчим җойайамкән</i> 'Кычим эвен' [кор.; Стебницкий 1936: т. 3, п. 1]	1	
	Притяжательная форма имени собственного + термин родства	<i>Тәуаҗъявәтгин сакәгит</i> 'Тынакъявина сестра' [ал.; Кибрик 2000: т. 22, п. 52] [ал.; Кибрик 2000: т. 21, п. 2]	2	
	Гендерный термин + локальный актуализатор	<i>җәлявүльпиль айакъюкин</i> 'мужчина спальный=пологовый' [ал.; 2, т. 18, п. 7]	1	
	Локально-этнический идентификатор + статусный идентификатор	<i>җәтҗәттәлдан инәлчәдән</i> 'карагинский вожак' [кор.; 8, т. 5, п. 10]	2	
	Качественное прилагательное + таксон «человек»	<i>нәкатгузин дуйамтав'лдан</i> 'сильный человек' [ал.; Кибрик 2000: т. 21, п. 1]	1	
III	Локально-этнический идентификатор + гендерный термин + имя собственное	<i>кәсгикин әнпәклавул Таткаллә</i> 'кичигинский старик Таткаллы' [ал.; Кибрик 2000: т. 22, п. 19]	1	4
	Локально-этнический идентификатор + статусный идентификатор + имя собственное	<i>в'ив'нәкин арәм Ив'сев'ән</i> 'вывенский старшина Ивсевын' [ал.; Кибрик 2000: т. 19, п. 11]	1	
	Качеств. прилагательное + социальный идентификатор + этнический идентификатор	<i>намалкин әннәҗлак бурамкән</i> 'хороший знакомый эвен' [ал.; Кибрик 2000: т. 22, п. 91]	1	
	Числительное + таксон + качеств. прилагательное	<i>әннән г'уемтевилдан тәттәль</i> <i>нәкәтгукин</i> 'один человек очень сильный' [кор.; Кибрик 2000: т. 7, п. 2]	1	

В исторических преданиях максимальная определенность протагониста выражается при помощи полной многокомпонентной определенной дескрип-

ции. Однако структурная сложность идентифицирующей номинации не всегда предполагает референциальную определенность. В тексте параграфа примеры интродуктивной референции представлены по нарастающей сложности структуры.

2.1. Одиночные номинации

В исторических преданиях наблюдаются следующие варианты интродуктивного представления референтов: 1) имя собственное, 2) притяжательная форма имени собственного, 3) гендерный термин, 4) термин родства, 5) этнический идентификатор, 6) социальный идентификатор, 7) статусный идентификатор, 8) числительное *эппан* 'один'.

Наиболее значимым компонентом в системе лексических средств актуализации референта является имя собственное: если в состав дескрипции не входит имя собственное, то конкретизация референта остается незавершенной. Отсутствие имени при наличии полной определенной дескрипции может быть обусловлено стилистическими задачами, диктуемыми текстом.

В исторических преданиях **имя собственное**, лишенное дополнительных актуализаторов, в референциальном плане неполноценно. Та степень референциальной конкретности, которая свойственна историческим преданиям требует дополнительных актуализаторов в процессе представления персонажей. В мифологических сказках круг постоянных персонажей ограничен, в исторических преданиях это не так. Дополнительная информация о референте может угадываться слушателем из контекста. В исторических преданиях имя собственное без дополнительных актуализаторов встречается очень редко, приведенные два случая (53), (54) – единственные из тех 16 текстов, которыми мы располагаем.

Модель: [имя собственное]

(53) ал., вывен.; истор. пред.

Ɔoro aqanrəlʔat-ənak ɣa-kumŋ.al-laŋin, ɣ-iv-lin ... [Кибрик 2000: т. 22, п. 82]

Ɔoro **aqanrəlʔat=ə=na=k** ɣa=kumŋ=al=laŋin ɣ=iv=lin
затем **Pers=E=SG=LOC** PP=крик=VBLZ=3plS PP=говорить=3sgS
‘Тут [=затем] заговорил Аканрылат ...’

Персонаж введен только при помощи имени собственного, без дополнительных актуализаторов. Из контекста ясно, что референт Аканрылат – один из отряда нападающих на илирский народ.

Референт может быть введен в текст при помощи притяжательной формы имени собственного по отношению к неодушевленному объекту, принадлежащему этому референту. По классификации Н. Д. Арутюновой, подобная референция основана на отражении посессивных отношений (*владелица этой дачи, дача Юдиной*) [Арутюнова 1982: 21–22].

Модель: [имя собственное (притяж ф/ма)]

(54) ал., вывен.; истор. пред.

to kirums-ənin rara-ŋa jaŋta malj.lɣaval ɣ-itə-lqiv-lin. [Кибрик 2000: т. 19, п. 3]

to **kirums=ə=nin** rara=ŋa jaŋta malj=lɣaval
и **Pers=E=POSS.sg** дом=ABS.sg отдельно немного=сзади
ɣ=it=ə=lqiv=lin
PP=быть=E=INCH=3sgS

‘А юрта Кирумси стояла отдельно, немного позади была.’

В мифологических сказках и исторических преданиях имена собственные могут обладать дескриптивной функцией. Имя собственное, обладающее дескриптивной функцией, может появиться в текстах в ходе поэтапного введения референта, часто как явление гетерономинативности. Появление мотивированного имени обусловлено развитием сюжетного действия. В тексте «*Wamьkaqlɣtol'ən*» [Стебницкий 1936: 25–28] один из главных героев повествования до определенного момента не выделен из группы референтов, обозначенных при помощи племенной характеристики *sawсьvaw* ‘чавчувены’, затем при помощи мотивированного имени собственного происходит актуализация референта. Знаковая ситуация, провоцирующая актуализацию имени собственного, т. е. выделение одного из группы, – это испытание, которое

преодолевают герой. Враг отрезает у притворившегося мертвым чавчуvena губу, только после этого в тексте предания актуализируется имя героя *Wamylkaqlыntol'эн* 'с разрезанной губой'. Абсурдно задаваться вопросом, носил ли герой это имя до того, как у него была отрезана губа.

Модель: [мотивированное имя собственное]^{EP}

(55) кор., чавч.; истор. пред.

Kitkit gamecalenaw taнно, Wamylkaqlыntol'эн gelqullin, lыgi'эj gekmillin, jel'alыntomgeп гь'eqewlin ... [Стебницкий 1936: 26]

kitkit у=ameca(l)=lena=w таn'η=о
 как только PP=скрыться=3nsgS=PL враг=ABS.pl
wamylka=qlыnto=lh=э=n уe=lqul=lin lэyi=hэj
губа=вырезать=ATR=E=ABS.sg PP=встать=3sgS действительно=лук
 у=ekmil=lin jelhalη=э=tomy=э=η у=э=heqew=lin
 PP=взять=3sgP двоюродный брат=E=друг=E=DAT PP=E=отправиться=3sgS
 'Как только скрылся чукча, Вамылкаклынтолын встал, настоящий лук взял, к двоюродным братьям отправился ...'

Имя собственное с внутренней формой только тогда обладает характеризующей функцией, когда свойства референта, подчеркнутые в имени, проявляются в его характере или внешних свойствах, что в фольклорном тексте всегда сюжетно обусловлено.

В целях интродуктивной актуализации протагониста может быть использован **гендерный термин** без дополнительных актуализаторов. Но если в мифологических сказках этот способ представления референтов может относиться и к главным, и к второстепенным персонажам, то в исторических преданиях – только к второстепенным. В этом случае имеет место слабоопределенная референция.

Модель: [гендерный термин]^{EP}

(56) кор., чавч.; истор. пред.

To вь'ajok gajo'эlen ηавьснa, giwlin ηавьсньη ... [Стебницкий 1936: 30]

to vэhajok уa=joh=э=len ηавэсн=a у=iw=lin
 и потом PP=достигнуть=E=3sgP женщина=INSTR PP=сказать=3sgS
 ηавэсн=э=η
 женщина=E=DAT

‘И потом туда пришла женщина, сказала женщинам ...’

Интересен тот факт, что вводимый единичный референт («женщина») подобен уже введенной в предшествующем контексте при помощи того же гендерного термина группе референтов («женщины»). Учитывая, что протагонист должен быть выделен относительно обозначенного фона, ожидается противопоставление вновь вводимого референта уже представленной группе, но в данном случае этой конкретизации не происходит.

Как правило, интродуктивная актуализация референта при помощи термина родства требует многокомпонентной дескрипции, где один из компонентов представляет собой анафорическую отсылку к первичному референту.

Модель: [имя собственное^{Реф1} (притяж. ф/ма) + термин родства^{Реф2}]^{EP}

(57) кор., чавч.; истор. пред.

Omjawgьjьnen qajtakalььn jetьk ... [Стебницкий 1936: 16].

omjaw=γэjьэн=en qajtakalь=э=n jet=э=k
Pers=NMLZ=POSS.sg брат=E=ABS.sg приходит=E=CV.loc
kətəl ew=la=ka
не сказать=PL=CV.neg

‘Омъява брат придет, не говорите ...’

При обрисовке второстепенных персонажей термины родства используются без сопровождения имен собственных.

Модель: [термин родства]^{EP}

(58) ал., вывен.; истор. пред.

sasevəη γa-r.etə-lin ηav.ʔanə-η ... [Кибрик 2000: т. 22, п. 29]

sasevəη γa=ret=э=lin ηav=ʔan=э=η
Pers PP=прийти домой=E=3sgS женщина=NMLZ=E=DAT

‘Сасевын вернулся домой к жене ...’

Один и тот же человек может быть актуализирован в тексте как внук, сын, брат, отец, дядя, муж (родство по браку). Выбор лексемы зависит от

приоритетов опосредованной референции. Выбор термина родства обусловлен актуальным для данного сюжетного повествования характером родственной связи.

Модель: [термин родства + имя собственное]^{EP}

(59) ал., вывен.; истор. пред.

təŋakjav-ənak əllaŋi ɣa-nŋiv-lin, mulʃitkaŋ... [Кибрик 2000: т. 22; п. 54]

təŋakjav=ə=na=k	əllaŋi	ɣa=nŋiv=lin	mulʃitkaŋ
Pers=E=SG=LOC	младший брат	PP=посылать=3sgP	Pers

‘Тынакъяв послал младшего брата, Муллиткана...’

Термин родства *əllaŋi* (ал.) ‘младший брат’ не только актуализирует Муллиткана как младшего брата, но опосредованно актуализирует Тынакъява как старшего. Муллиткан, будучи младшим, обязан исполнять любые приказы старшего брата, даже если этот приказ – убить родную сестру. Абсолютное подчинение младшего брата старшему становится основой сюжетной интриги. Выбор лексемы *əllaŋi* (ал.) ‘младший брат’, а не просто *qattakalŋən* (ал.) ‘брат’, сюжетно обусловлен.

В исторических преданиях гораздо более чем в других фольклорных жанрах, востребована этническая характеристика референтов, что обусловлено спецификой сюжетной интриги повествования. Однако племенная характеристика как средство интродуктивной референции преимущественно используется при актуализации референтной группы: из 63 случаев в 12 востребована племенная характеристика, из 50 случаев интродуктивной актуализации единичного референта племенная характеристика используется в 4.

В исторических преданиях выбор племенного идентификатора в качестве актуализатора обусловлен объективными факторами. Фольклорное повествование практически исключает возможность присутствия объекта референции в ситуации общения. Единственным средством идентификации фольклорных персонажей становится выделение их относительно того фона, который задается тем или иным повествовательным жанром. Фоном исторического предания служит знание о существовании противоборствующих племен и их локализации в пределах географического и социального про-

(63) ал., вывен.; истор. пред.

qəsən-ʔa ənnu tanŋə-ŋ winjvə.sʔatə-tkən ... [Кибрик 2000: т.20, п.6].

qəsən-ʔa ənnu **tanŋə=ə=ŋ** winjv=ə=sʔat=ə=tkən

оказывается он **враг=E=DAT** тайно=E=VBLZ.habit=E=IPFV

‘Оказывается, она постоянно втайне сожительствовала с чужеплеменником...’

Слово *tanŋətan* в трех приведенных примерах можно перевести по-разному: ‘чукча’, ‘враг’, ‘чужеплеменник’, при этом враг, чужак, обозначенный данной лексемой, не обязательно, хотя очень часто, – чукча. Такая вариативность позволяет говорить о специфике референциальной семантики слова *tanŋətan*, которое в референциальном плане выступает в качестве второго члена оппозиции *свой – чужой*.

Статусный идентификатор актуализирует референта, подчеркивая его общественный статус. В предшествующем контексте должно быть актуализирована референтная группа, из которой затем при помощи статусного идентификатора выделяется конкретный референт.

Модель: [статусный идентификатор]^{EP}

(64) кор., чавч.; истор. пред.

а. *To garkawlenaw tьmk ньмыл’и.* [Стебницкий 1936: 29]

‘И не могли убить нымылан.’ (актуализация референтной группы)

б. *To inellec’ən giwlin ...*

to **ine=l=le=čh=ə=n**

γ=iw=lin

и **AP=CAUS=идти=ATR=E=ABS.sg** PP=сказать=3sgS

‘И предводитель сказал ...’ (актуализация одного референта из представленной ранее группы при помощи статусного идентификатора)

Интродуктивная актуализация персонажа при помощи статусного идентификатора может происходить только в несколько этапов. В приведенном примере на первом этапе при помощи племенной характеристики было выделено множество референтов *ньмыл’и* ‘нымыланы’, из которого затем при

помощи социально-статусного идентификатора выделен один *inellec'ən* 'предводитель'.

Второстепенный референт может быть актуализирован при помощи лексемы *ənnan* 'один'. Такие дескрипции характеризуются слабоопределенной референцией, фактически приближающейся к неопределенной. Слабоопределенная референция при помощи лексемы *ənnan* предполагает опору на предшествующий контекст. В предшествующем контексте актуализирована та группа, из которой выделяется один (*ənnan*).

Модель: [числительное 'один']^{EP}

(65) ал., вывен.; истор. пред.

а. *nəki.ta ya-pkir-laŋ ʕətʕ.mtə.lʔ-u*. [Кибрик 2000: т. 18, п. 1]

nəki=ta ya=pkir=laŋ ʕətʕ=mt=ə=lʔ=u
ночь=INSTR PP=прибыть=3plS собака=существо=E=ATR=ABS.pl

'Подошли ночью карагинцы [=островитяне].' (обозначение общности референтов)

б. *ənnan ya-nŋiv-lin*. [Кибрик 2000: т. 18, п. 3]

ənnan ya=nŋiv=lin
один PP=посылать=3sgP

'Одного послали.' (слабоопределенная актуализация единичного референта из уже обозначенной общности)

На степень референциальной конкретности персонажей исторического предания влияет позиция рассказчика, его отношение к персонажам. Персонажи-враги, как правило, обрисованы с меньшей референциальной конкретностью, нежели персонажи-соплеменники рассказчика. Приведенные выше примеры слабоопределенной референции относятся к персонажам-врагам.

Слабоопределенная референция допускает интродуктивную актуализацию второстепенного персонажа при помощи местоимения *qullu* 'другой, который, один из' [Молл 1960: 62]:

Модель: [определяющее местоимение *qullu* 'другой']^{EP}

(66) кор., чавч.; истор. пред.

To jaqam qullu gejelqiwlin tomək-jaŋ, gaŋvolen milqəŋ tul'etək. [Стебницкий 1936: 24]

to jaqam **qullu** ye=je=lqiw=lin tomək=ja=ŋ
 и сразу **другой** PP=дом=VBLZ.per=3sgS друг.OBL=дом=DAT
 ya=ŋvo=len milq=ə=n tulh=et=ə=k
 PP=начать=3sgP вешала=E=ABS.sg вороватый=VBLZ=E=CV.loc
 ‘Другой сразу зашел в чужой дом, начал вешала обворовывать.’

На первом этапе интродуктивной референции группа протагонистов была обозначена при помощи племенной характеристики *ət'əmtɨl'u* ‘карагинцы’.

2.2. Составные дескрипции

В текстах исторических преданий были выявлены несколько типов двухкомпонентных интродуктивных номинаций и многокомпонентные номинации, включающие три и более компонента. В качестве доминирующего выступает компонент дескрипции, который обладает большей референциальной значимостью. Многокомпонентным дескрипциям присуща определенность и высокая референциальная значимость. Рассмотрим наиболее типичные для исторических преданий многокомпонентные дескрипции.

2.2.1. Составные дескрипции

с доминирующим компонентом ‘имя собственное’

Трехкомпонентным дескрипциям присуща высокая референциальная значимость. Наименее значителен в референциальном плане гендерный термин, доминирующий компонент дескрипции – имя собственное. Очевидно, чем полнее определенная дескрипция, тем более высокой референциальной конкретностью обладает имя собственное. Локальный актуализатор усиливает референциальную конкретность имени собственного. Как правило, локализаторы употребляются в составе дескрипций, состоящих из двух и более компонентов.

Модель: [имя собственное + локально-этнический идентификатор

+ гендерный термин]^{EP}

(67) ал., вывен.; истор. пред.

to kəsyi-kin ənpə.qlavul tatkallə ʁa-jal-lin ʁ-ivə-lqiv-lin ... [Кибрик 2000: т.22, п.19].

to	kəsyi=kin	ənp=ə=qlavul	tatkallə
и	Кичига=REL.sg	старый=Е=мужчина	Pers
ʁa=jal=lin		ʁ-iv=ə=lqiv=lin	
PP=приходить=3sgS		PP=сказать=INCH=3sgS	

‘И (еще) кичигинский старик Таткаллы подошел (и) сказал ...’

Подобная конструкция создает эффект документальности, правдоподобия, реальности референта. Реальность пространства обуславливает реальность референта.

В примере (67) в качестве локализатора используется форма относительного прилагательного, образованного от существительного – названия поселка. Такие локальные актуализаторы можно обозначить как этно-локальные. Локально-этнический актуализатор представляет собой одну из статических характеристик референта. Но локализатор может иметь и динамический характер, это происходит в том случае, когда референт актуализирован посредством обозначения его местоположения относительно того предметного мира, в пределах которого он действует. В этом случае используются предметные локальные актуализаторы.

Модель: [Локальный актуализатор]^{EP}

(68) ал., вывен.; истор. пред.

ʁa-kjav(-lin) qəl;avul;pił; ra.lku(-yiq-ki) to ʁa-rrinaŋ(-lin) ajak.ju-kin, ʁa-pəŋl.u-lin ... [Кибрик 2000: т. 18, п. 7].

ʁa=kjav=lin	qəl;avul;pił;	ra=lku=yiq=ki	to
PP=просыпаться=3sgS	мужчина=DIM	дом=IN=SUB=LOC	и
ʁa=rrinaŋ=lin	ajakju=kin	ʁa=pəŋlu=lin	
PP=заглядывать=3sgS	спальный.полог=REL.sg	PP=спрашивать=3sgP	

‘Проснулся в юрте (один) молодой мужчина и выглянул из-за спального полога [=спальнепологовый], спросил ...’

Локально-этнические актуализаторы противостоят предметным, первые актуализируют статические характеристики референта, вторые – динамические.

Референциально значимые идентификаторы, употребленные в составе дескрипции, взаимно усиливаются, благодаря чему создается эффект правдоподобия образа. Персонаж воспринимается как реальный человек, что коррелирует с жанровой спецификой исторического предания, нацеленного на воссоздание правдоподобной ситуации.

Модель: [имя собственное + локально-этнический идентификатор + статусный идентификатор]^{EP}

(69) ал., вывен.; истор. пред.

to vasaqlu γ-ivə-lqiv-lin: “pəsa qun-ʔa mən-ʔə-juʔə-n mur-i wiwnə-kin arəm iwsewə-n ...” [Кибрик 2000, т. 19, п. 11]

to	vasaqlu	γ=iv=ə=lqiv=lin	pəsa	qun ^ʔ a
и	Pers	PP=сказать=E=INCH=3sgS	пока	сначала
mən=ʔ=ə=juʔ=ə=n			mur=i	wiwn=ə=kin
1nsgA=CON=E=достигать=E=3sgP			мы=ABS.du	п.Вывенка=E=REL.sg
arəm	iwsew=ə=n			
старшина	Pers=E=ABS.sg			

‘А Васаклу сказал: “Погоди, сначала добраться бы нам до Вывенского старшины Ивсевына ...”.’

2.2.2. Составные дескрипции с доминирующими компонентами ‘имя собственное’ и ‘термин родства’

Термины родства встроены в контекст тех анафорических и катафорических связей, которыми пронизан текст. Актуализация референта с опорой на вертикальную родственную связь предполагает поэтапное введение протагонистов. Первый член этой цепи содержит катафорическую отсылку, а второй (или последующие) – анафорическую отсылку: существование отца предполагает наличие сына, существование сына, соответственно, – наличие отца.

Многокомпонентные дескрипции, в состав которых входит термин родства, могут актуализировать двух референтов одновременно, при этом используется посессивная форма имени или личного местоимения, обозна-

чающего того референта, от которого ведется родственная связь в данном конкретном случае.

Модель: [имя собственное^{Реф1} (притяж ф/ма) + термин родства^{Реф2}
+ *nənni* + имя собственное^{Реф3}]

(70) ал., вывен.; истор. пред.

to əmqa-nin jilʔalɣə.tumɣə-n ɣ-itə-lqiv-lin nənni tavitəŋ, ə.nina-t ɣita.q ɣavʔ.an-ti, ʒopta allə un;un;u-kəlʔina-t. [Кибрик 2000: т. 21, п. 3]

to	əmqa=nin		jilʔalɣə=ə=tumɣə=ə=n	
и	Ымка=POSS.sg		двоюродный брат=E=друг=E=ABS.sg	
ɣ=it=ə=lqiv=lin		nənni	tavitəŋ	ə=nina=t
PP=быть=E=INCH=3sgS		имя	Pers	он=POSS.nsg=DU
ɣitaq ɣav=ʔan=ti	ʒopta	allə	un ⁱ un ⁱ u=kəlʔina=t	
два жена=NMLZ=ABS.sg	все	не	ребенок=ATR.NEG.nsg=DU	

‘И был у Ымки двоюродный брат по имени Тавитын, у того две жены, обе бездетные.’

2.2.3. Составные дескрипции с доминирующим компонентом 'этнический идентификатор'

Образная система исторических преданий в рамках текста допускает разную степень референциальной конкретности в процессе обрисовки персонажей. При этом необходимо отметить, что в фольклорном тексте исторического предания слабоопределенная референция не всегда связана с эпической условностью персонажей. Низкий уровень референциальной конкретности может быть обусловлен второстепенной ролью персонажа.

В данном случае нельзя сказать определенно, какой идентификатор является доминирующим: социальный или племенной. Оба эти компонента в референциальном плане недостаточны для определенной конкретизации протагониста.

**Модель: [качественное прил. + социальный идентификатор +
этнический идентификатор]**

(71) ал., вывен.; истор. пред.

ilir=wajamə-k ə.ninnə ɣ-itə-lqiv-lin nə-mal-qin ənnəqlak qura.ra.mkə-n. [Кибрик 2000: т. 22, п. 91]

ilir=wajam=ə=k ə=ninnə ɣ=it=ə=lqiv=lin

Илир=река=E=LOC он=POSS.sg PP=быть=E=INCH=3sgS

n=ə=mal=qin

ənnəqlak

qura=ra=mk=ə=n

QUAL=E=хороший=QUAL.3sgS знакомый олень=дом=группа=E=ABS.sg

'На Илир-реке у него был хороший знакомый ламут.'

Качественное прилагательное, входящее в состав идентифицирующей номинации, в референциальном плане менее значимо, чем племенной и социальный идентификаторы.

Интродуктивная референция персонажа в фольклорном тексте базируется на актуализации сюжетно значимых свойств референта. В тексте исторического предания допускается неравномерность референциальной конкретности в обрисовке персонажей. Степень референциальной конкретности персонажей фольклорного текста нередко обусловлена позицией рассказчика,

его отношением. Персонажи-враги обрисовываются с гораздо меньшей референциальной конкретностью, нежели персонажи-соплеменники.

Ориентация исторического предания на воссоздание правдоподобной ситуации предопределяет использование полных определенных дескрипций. С другой стороны, эпическая условность персонажей допускает функционирование слабоопределенной референции. В пользу доминирования условной референции в текстах исторических преданий говорит тот факт, что в процессе обрисовки персонажей практически не используются дескрипции, основанные на отражении внешних свойств референта. В референциальном аспекте специфика исторических преданий заключается в неоднородности референциальной конкретности, присущей текстам этого жанра.

3. Лексические способы актуализации референтных групп в корякских и алуторских текстах разных жанров

Актуализация референтной группы не требует той конкретики, которая необходима для актуализации единичного референта. Референтные группы, изображаемые в мифологических сказках, автобиографических рассказах и даже исторических преданиях, как правило, играют второстепенную роль в развитии сюжетного действия. Фактически референтная группа представляет собой фон для изображения единичного протагониста, этим и обусловлен пониженный уровень референциальной значимости при актуализации группы протагонистов в текстах разных жанров.

3.1. Типичные способы лексической актуализации референтных групп в корякских и алуторских текстах разных жанров

Анализ случаев употребления в речи лексических актуализаторов референтных групп позволяет сделать выводы о референциальном потенциале лексических средств актуализации референтных групп.

Лексемы *ʕujemtevilʔu* (кор./ ал.) ‘люди’ и *vajat* (кор.) / *varat* (ал.) ‘народ’ характеризуются неопределенной референциальной семантикой, как и другие обобщающие наименования классов однотипных существ: *niŋvitu* (кор. / ал.) ‘нинвиты, мифологические существа’, *piʔiqəlʔju* (кор. / ал.) ‘мыши’, *ənnu* (кор. / ал.) ‘рыбы’. Лексемы подобного типа характеризуются низкой референциальной значимостью, однако этого уровня конкретизации вполне достаточно для мифологических текстов.

Для обозначения совокупности референтов могут использоваться локализаторы различных типов. В референциальном плане локализаторы не равноценны. Чем конкретнее обозначаемое основой пространство, тем референциально конкретнее актуализатор (ср. *ejʔətqə-lʔ-u* (кор.) ‘северяне’ и *kisyi.kina-w ʕujamtawilʔ-u* (ал.) ‘кичигинские люди’).

В качестве актуализаторов референтных групп широко используются номинации протагонистов по виду деятельности. Необходимо различать характер актуальности данного действия для соответствующей референтной группы. В тех случаях, когда референты характеризуются по роду деятельности, имеют место статусные идентификаторы: *teyərniŋəlʔ-o* (ал.) ‘охотники’, *jejulʔ-u* (кор.) ‘пастухи’. Как правило, статусные идентификаторы восходят к грамматической форме атрибутива действия. Идентификация референтной группы может происходить в соответствии с действиями, актуальными для конкретного, ограниченного во времени, момента. В этом случае также используется форма атрибутива действия, так как именно эта форма позволяет подчеркнуть динамику сюжетного действия. В подобных случаях имеет место номинация референтной группы по актуальному в настоящий момент действию: *ajməlʔ-o lʔaŋe-w* (кор.) ‘набирающие=воду девушки’ (мифологическая сказка), *kajalli-lʔ-u* (ал.) ‘ищущие’ (мифологическая сказка), *vasqen notantəlʔ-o* (ал.) ‘другие пришедшие=в=тундру’ (автобиографический рассказ).

В качестве актуализатора референтной группы может функционировать имя собственное. Примечательно, что такой способ актуализации груп-

пы протагонистов встречается только в мифологических сказках Вороньего цикла, где используются традиционные имена: *Emetqu-t-u* (кор.) / *Amatqut-u* (ал.) ‘Эмэмкутцы (Эмемкут и его семья)’, *Qə'ujkənpəqu-wi* (кор.) ‘Куткинняякунцы (Куткинняяку и его семья)’ / *Qutkin-ŋaqu-nti* (ал.) ‘Куткинняякунцы-двое (Куткинняяку с кем-либо из своей семьи)’. Имя собственное является самым сильным средством актуализации референта, но при употреблении по отношению к группе мифологических персонажей референциальная конкретность имени собственного снижается.

Социальные идентификаторы *tumɣ-u* (кор., ал.) ‘друзья, товарищи’ и *tanŋ-o* (кор., ал.) ‘враги’ характеризуются низкой референциальной значимостью, что соответствует тому уровню референциальной конкретности, который требуется для актуализации группы протагонистов. Именно по этой причине данные лексемы в большей степени используются для актуализации референтных групп, нежели единичных референтов. Актуализатор *tumɣ-u* (кор., ал.) более всего востребован в корякских и алюторских автобиографических рассказах, актуализатор *tanŋ-o* ‘враги’ – в исторических преданиях, что обусловлено сюжетной интригой повествования.

Низкая референциальная конкретность присуща гендерным терминам, тем не менее они часто функционируют самостоятельно, без дополнительных актуализаторов: *qajəktinɣ-u* (кор.) ‘дети’ (автобиографический рассказ); *ŋavəsqat-u* (ал.) ‘женщины’ (историческое предание).

Существуют такие способы актуализации референтных групп, которые не могут использоваться для актуализации единичного референта:

1) собирательные существительные: *vajat* (кор.) / *varat* (ал.) ‘народ’; *iččət* (кор.) / *irrat* (ал.) ‘отряд’;

2) наречия с суффиксом =čɣajo (кор.) / =rɣara (ал.): *ŋaja=čɣajo* ‘четверо’ (кор.), *ŋənvə=rɣara* ‘множество’ (ал.);

3) существительные с суффиксом =jəčʔ (кор.) / =jərʔ (ал.) ‘наполнение’: *ja=jəčʔ=ən* (кор.) / *ra=jərʔ=ən* (ал.) ‘наполнение=яранги, т. е. домашние, семья’.

Таких лексических способов актуализации единичного референта, которые не могли бы использоваться для актуализации референтных групп, не существует. Это касается даже имени собственного, которое может функционировать как родовое имя.

Все перечисленные актуализаторы могут выступать в качестве компонентов составных дескрипций.

Таблица X

Варианты интродуктивных номинаций
референтных групп в текстах разных жанров

Структ.	Модель	Пример	Жанр
Index	имя собственное	<i>amatqutu</i> (ал., выен.) 'амамкунцы' <i>qutkinⁱnⁱaqunti</i> (ал., вывен.) 'куткинякунцы вдвоем'	мифол. сказка
I	Термин родства	<i>kmiŋu</i> (кор., чавч.) 'дети' <i>ʔassajo</i> (ал. пал.) 'тетушки'	мифол. сказка автоб. рассказ
	Гендерный термин	<i>ŋavəsqe</i> (ал., вывен.) 'женщины' <i>ŋavəʃŋət</i> (кор., чавч.) 'женщины (дв. ч.)'	мифол. сказка
	Локальный идентификатор	<i>runⁱŋə=nutakinawwi</i> (ал., вывен.) 'противоположноземельные' <i>yutiju</i> (кор., кам.) 'здешние' <i>ʃətʃəjulalʔu</i> (ал., вывен.) 'дальние (живущие в отдаленных местах'	мифол. сказка
	Этнический идентификатор	<i>jepono</i> (ал., пал) 'японцы' <i>ʔaruskiwwi</i> (ал., пал) 'русские'	автоб. рассказ

	Локально-этнический идентификатор	<i>wajkenal'ho</i> (кор., чавч.) 'каменцы (жители с. Каменское)' <i>etnujəčhu</i> (кор., чавч.) 'тундровые (коряки)' <i>ejyətqəlhu</i> (кор., чавч.) 'северяне'	автоб. рассказ
	Статусный идентификатор	<i>taɣərniŋəlʔu</i> (ал., пал.) 'охотники' <i>mejŋəčhu</i> (кор., чавч.) 'начальники'	мифол. сказка автоб. рассказ
	Социальный идентификатор	<i>tutɣu</i> (кор., чавч.) 'друзья' <i>tutmi</i> (ал., караг.) 'друзья'	автоб. рассказ
	Таксон	<i>ripiqəl'ŋu</i> (ал., пал.) 'мыши' <i>niŋvitu</i> (ал., вывен.) 'нинвиты' <i>hujemtewilhu</i> (кор. кам) 'люди'	мифол. сказка
	Собирательное существительное	<i>varat</i> (ал., вывен.)	мифол. сказка
I ^{Incorp}	Таксон=локализатор ('поселок')	<i>kalaha=nəmjəshən</i> (кор., кам.) 'поселок (население) кала' (кала – злобные мифологические существа) <i>ripiqəl'ŋu=nəmjəčhən</i> (кор., чавч.) 'поселок (население) мышей'	мифол. сказка
	Локализатор=таксон	<i>aŋqa=ʔənni</i> (кор., чавч.) 'морские рыбы' (море=рыбы) <i>wajam=ʔənni</i> (кор., чавч.) 'речные рыбы' (река=рыбы)	
	Зависимое слово (восходящее к таксону) = + глагольная основа = локализатор ('поселок')	<i>heɣə=haɣa=nəmjəčhən</i> (кор., кам.) 'по-волчьи кричащее население' (волк=кричать=население)	мифол. сказка

	Таксон= собирательное существительное ‘семья’	<i>ɲinviŋ=jajəʃhən</i> (кор., чавч.) ‘нинвитов семья’	мифол. рассказ
	Таксон=гендерный термин	<i>kalaha=ʃaʃamjew</i> (кор. кам.) ‘старухи кала’	мифол. сказка
II	Имя собственное ^{EP} (притяж. ф/ма) + термин родства ^{PT}	<i>qijkən'aqunew ɲavəqqa'iw</i> (кор., чавч.) ‘дочери Куткын-няку’ <i>ʔəntəvəlpərew akaʃyune</i> (ал., пал.) ‘родственники Акачгуна’	мифол. сказка
	Собирательное существительное + имя собственное	<i>iʃʃet ikavavən noʃaviʃən</i> (кор., чавч.) ‘бригада Икавава Ночавича’	автоб. рассказ
	Имя собственное ^{EP} (притяж. ф/ма) + собират. сущ. ‘семья’	<i>qutkən'naqun rajərʔən</i> (ал., кар.) ‘Куткыннюку семья’	мифол. сказка
	Притяжательное местоимение + термин родства	<i>ɣəmninet en'piʃilkku</i> (ал., пал.) ‘мои родители (дв. ч.)’	автоб. рассказ
	Числительное + термин родства	<i>ɲəʃʃeq qajtakal'ɲəjəʃhət</i> (кор., чавч.) <i>ɲəʃʃeq ʃaketəjəʃhət</i> (кор., чавч.) <i>ɲəjaqməlləɲen qajtakalɲo</i> (кор., чавч.)	мифол. сказка
	Числительное+ гендерный термин	<i>ɲejoʃyajo ɲavəqqa'iw</i> (кор., чавч.) ‘три девочки’	мифол. сказка
	Числительное + таксон	<i>ɲetaqməlləɲen ʔiyuwwi</i> (ал., пал.) ‘семь волков’	мифол. сказка
	Определительное местоимение <i>ətəɲ</i> ‘все’+ таксон	<i>ətəɲ reʃiqaw</i> (кор., чавч.) ‘все птицы’ <i>ətəɲ ɣəjniku</i> (кор., чавч.) ‘все звери’	мифол. сказка
	Локализатор + таксон (социальный идентификатор)	<i>rolɲqalkena tumu</i> (ал., пал.) ‘заморские, т. е. живущие по ту	автоб. рассказ

		сторону моря, товарищи (в знач. люди)'	
	Неопределенное местоимение=таксон + атрибутив предиката (по актуальному д/ю)	<i>taq=ʔujemtewilʔu pikl'u</i> (ал., пал.) 'какие-то люди прячущиеся'	мифол. рассказ
	Собирательное существ. + атрибутив предиката (по актуальному д/ю)	<i>ʔirret kl'avsetəlʔo</i> (ал., пал.) 'отряд бегущих'	мифол. сказка
	Атрибутив предиката (по актуальному д/ю) + локально-этнический идентификатор	<i>junetsʔu qsʔitkinew</i> (ал., пал.) 'жители (букв. живущие) Палананы (букв. Паланские)'	автоб. рассказ
	Статусный идентификатор + локально-этнический идентификатор	<i>pastuqaw anapkentəkinaw</i> (ал., вывен.) 'пастухи анапкинские'	рассказ об обычаях
	Притяжат. местоимение + статусный идентификатор	<i>muryinaw pastuqaw</i> (ал., вывен.) 'наши пастухи'	рассказ об обычаях
II ^{Incorp}	Собирательное сущ. + {локализатор=зависимое слово} ^{Incorp}	<i>iččet pahačasovhosken</i> (кор., чавч.) 'бригада (букв. отряд) Пахачинского совхоза'	автоб. рассказ
	Притяжат. местоимение + {этнический идентификатор=собирательное сущ. 'народ'} ^{Incorp}	<i>muryinaw nəməlʔə=varatu</i> (ал., вывен.) 'наши нымыланские=народы'	рассказ об обычаях
III	Локальный актуализатор + собират. сущ. 'отряд' + статусный идентификатор	<i>ʔelvəlʔəkin irret vetsʔo</i> (ал., пал.) 'в табуне (букв. табунская) бригада работников'	анекдот
	Атрибутив объекта обладания+ относительное прилагательное (материал) + этнический идентификатор	<i>milyə=əjlhu uttinew mel'ʔətan'ʔo</i> (кор., кам.) 'имеющие ружья (букв. огненные луки) деревянные русские (букв. огненные враги'	мифол. сказка
	Атрибутив предиката (по актуальному д/ю) + зависимое слово (локализатор)	<i>jetəlhu aʔʔətqəŋqo qajəkmiŋu</i> (кор., чавч.) 'приезжающие с севера ребяташки'	автоб. рассказ

	+ гендерный термин		
Прид. констр.	?	<i>meŋiju ʒejetemlinew ŋanenəjəl</i> (кор., чавч.) ‘которые с палатками, те...’	автоб. рассказ
		<i>ənin jatomyo ənək valho</i> (кор., кам.) ‘его родственники, у него жившие’	мифол. сказка

3.2. Сопоставление лексических способов актуализации единичного референта и референтных групп в текстах разных жанров

Процесс референции связан со стремлением говорящего выделить не только единичный объект, о котором идет речь, но и референтную группу (см. табл. 6).

Таблица 6

Соотношение актуализированных единичных референтов и референтных групп в текстах разных жанров

Жанровая характеристика текста	Мифологические сказки Вороньего цикла	Автобиограф. рассказы	Исторические предания
Количество текстов	10	10	10
Количество предложений	605	714	685
Количество единичных референтов (ЕР)	41	53	26
Количество референтных групп (РГ)	25	52	59

Соотношение количества единичных референтов и количества референтных групп определяется жанром: в мифологических сказках число единичных референтов существенно превосходит число референтных групп, в автобиографических рассказах они количественно равноценны, а в исторических преданиях число референтных групп более чем в два раза превышает

число единичных референтов. Доминирование референтных групп в текстах исторических преданий связано с особенностями сюжетов этих текстов: все внимание сосредоточено на изображении противоборства племен.

При актуализации единичных референтов однокомпонентные номинации (имена собственные и одиночные имена нарицательные) доминируют в мифологических сказках Вороньего цикла и в автобиографических рассказах, в то время как в исторических преданиях для представления единичных референтов предпочтение отдается многокомпонентным (двух- и более) дискрипциям. Это свидетельство стилистического усложнения повествовательной традиции (см. табл. 7).

Таблица 7

**Соотношение референциальных интродуктивных дескрипций
в зависимости от их структуры**

Структура номинации	Жанр		Мифологические сказки Вороньего цикла		Автобиографические рассказы		Исторические предания	
	ЕР	РГ	ЕР	РГ	ЕР	РГ		
Простая однокомпонентная номинация (имя собственное или одиночное имя нарицательное)	27	9	38	9	14	26		
Инкорпоративный комплекс	1	9	–	4	–	5		
Простая 2-компонентная	12	6	8	16	8	15		
2-компонентная с инкорпоративным комплексом	–	1	–	1	–	4		
3-компонентная	1	–	7	2	4	8		
> 3-х компонентов	–	–	–	–	–	1		
Соотношение простых однокомпонентных и сложных номинаций	27 : 14	9 : 16	38 : 15	9 : 23	14:14	26:33		

Количество актуализированных единичных референтов в автобиографических рассказах больше, чем в мифологических сказках и исторических преданиях, однако спектр референциальных интродуктивных моделей в исторических преданиях более разнообразен, чем в автобиографических рассказах и мифологических сказках Вороньего цикла.

Вне зависимости от жанровой специфики текста спектр референциальных моделей, актуализирующих референтную группу, количественно превосходит модели актуализации единичных референтов.

Вероятно, сама идея референции первоначально была связана именно с единичными референтами, по отношению к которым были выработаны основные модели интродуктивной референции. Референция групп вторична по отношению к референции единичных протагонистов, как в пределах текста, так и в рамках всей повествовательной традиции. Группы референтов предполагают разнообразные комбинации как уже введенных, так и новых референтов, особенно в исторических преданиях, поэтому их актуализация допускает бóльшую вариативность в способах выражения.

Таблица 8

Соотношение количества актуализируемых референтов и количества моделей интродуктивных номинаций по жанрам

Жанры Типы референтов	Мифологические сказки Вороньего цикла		Автобиографические рассказы		Исторические предания	
	Количество референтов	Количество моделей	Количество референтов	Количество моделей	Количество референтов	Количество моделей
Единичные референты	41	8	53	7	26	17
Референтные группы	25	15	52	28	59	38

Количество моделей, использованных для интродуктивной номинации единичных референтов, в автобиографических рассказах и мифологических

сказках Вороньего цикла предельно ограничено. В противоположность этому в исторических преданиях вариантов моделей интродуктивных номинаций значительно больше. Оригинальные дескрипции встречаются в мифологических сказках Вороньего цикла как редкое исключение, обусловленное индивидуальной речевой манерой рассказчика. Повествовательная традиция, напротив, поддерживает стереотипные, клишированные модели референциальных номинаций, что является гарантом устойчивой трансляции текстов. С другой стороны, мы видим, как усложняется набор моделей интродуктивных номинаций в исторических преданиях. Повествовательная традиция развивается и усложняется, что воплощается в выборе моделей интродуктивных номинаций в исторических преданиях.

Анализ текстов позволяет говорить о том, что типичные, т. е. встретившиеся более двух раз, двух- (и более) компонентные модели интродуктивных дескрипций характерны именно для автобиографических рассказов. В мифологических сказках Вороньего цикла абсолютное первенство у одиночных имен нарицательных и имен собственных. В исторических преданиях, несмотря на тот факт, что двух- (и более) компонентные дескрипции, в отличие от мифологических сказок, очень востребованы, тем не менее типичных формул интродуктивных дескрипций нет. В текстах этого жанра модели референциальных дескрипций не повторяются более двух раз, исключение составляет универсальная модель [притяжательное местоимение + термин родства].

Таблица 9

Типичные многокомпонентные референтные модели

Жанры	Мифол. сказки		Автоб. рассказ		Истор. предания		Примеры	
	ЕР	РГ	ЕР	РГ	ЕР	РГ	Корякский	Алюторский
Типичные модели								
Притяжательное местоимение + термин родства	–	–	6	4	–	4	<i>ənin ɲevətket</i> 'его жена'	<i>ənine ɲavʔan</i> 'его жена'
Термин родства +	3	–	4	–	1	–	<i>əmma Kətɲa</i>	<i>ɲavakək</i>

имя собственное							‘мама Кытна’	<i>Kuṇawwət</i> ‘дочь Кунав- выт’
Притяжательное местоимение + термин родства + имя собственное	–	–	9	–	–	–	<i>yəmniŋ aŋa</i> <i>ʔekek</i> ‘моя ба- бушка Экэк’	<i>yəmniŋʔassaj</i> <i>Ulita</i> ‘моя тетя Улита’
Общее число встретившихся моделей	8	15	22	28	35	38		

Анализ интродуктивных референциальных дескрипций позволяет выделить ряд наиболее частотных лексических средств актуализации референта. В таблице (10) отражены результаты анализа приоритетных лексических средств, актуализирующих единичного референта и референтных групп в исторических преданиях и автобиографических рассказах. К графам «атрибутив предмета», «атрибутив действия» и «атрибутив качества» относятся те примеры интродуктивных номинаций, которые не подходят ни к одному из референциальных актуализаторов, выделенных по семантическому принципу.

Таблица 10

Лексические средства интродуктивной актуализации единичного референта и референтных групп по жанрам

Средства актуализации референта	Жанры		Мифологические сказки Вороньего цикла				Автобиографические рассказы				Исторические предания			
	самостоят.		в составе дескрип.		самост.		в составе дескрип.		самост.		в составе дескрип.			
	ЕР	РГ	ЕР	РГ	ЕР	РГ	ЕР	РГ	ЕР	РГ	ЕР	РГ		
Имя собственное	19	2	9	1	25	–	11	–	2	2	8	3		
Местоимение	–	–			7	8	11	14	–	–		8		
Термин родства	7	2	5	5	9	8	15	8	2	3	3	16		
Гендерный термин	–	–	–	2	1	4	1	3	3	6	2	4		
Этнический (локально-этнический) идентификатор					1	2	3	2	1	10	5	10		
Таксоны (имена – нарицательные,	1	2	–	8							2			

наименования животных)												
Социальный идентификатор	–	–	–	–	–	4	–	4	3	3	1	10
Статусный идентификатор	–	–	–		-	5	-	4	1	–	2	–
Локальный идентификатор	–	–	–		–	–	–	1	–	–	1	–
Атрибутив действия	–	–	–		–	2	–	1	-	–	2	1
Атрибутив предмета	–	–	–		–	1	–	1	–	–	2	1
Атрибутив качества	–	–	–		–	2	–	–	–	–	1	–
Качественное прилагат.											3	
Числит.											1	

В противоположность историческим преданиям, в автобиографических рассказах изображаемая реальность предельно конкретна. Автобиографический рассказ стремится к референциальной четкости, так утверждается его достоверность. Имя собственное воспринимается как один из самых актуальных способов референции. С именем собственным могут конкурировать только термины родства, которые также обладают высокой референциальной значимостью. Если в автобиографическом рассказе речь идет о человеке, который не является родственником рассказчика, то имя собственное – единственный способ создать предельно конкретный образ референта. Интересно, что сам рассказчик воспринимает собственное незнание имени человека, о котором он говорит, как определенную коммуникативную неудачу, которую необходимо компенсировать. В автобиографическом рассказе имя собственное не нуждается в дополнительных актуализаторах и, как правило, функционирует самостоятельно. Совершенно иная роль отведена именам собственным в исторических преданиях. В текстах этого типа имя нуждается в дополнительном пояснении, актуализаторах. В исторических преданиях для актуализации протагониста, как правило, одного имени недостаточно. В качестве одного из компонентов имя собственное входит в состав дескрипции.

Особенность функционирования имен собственных в исторических рассказах и автобиографических рассказах аналогична специфике употребления терминов родства. Если в автобиографических рассказах термины родства без дополнительных актуализаторов используются достаточно часто, то в исторических преданиях они, как правило, входят в состав многокомпонентных дескрипций.

Совсем по-другому распределяются приоритеты относительно гендерных терминов. Гендерная характеристика является наиболее общей, но достаточной для актуализации единичного референта в фольклорном тексте. Однако такой сниженный уровень референциальной конкретики нежелателен для автобиографического рассказа. В автобиографических рассказах изолированные гендерные термины могут функционировать только как неопределенные, поэтому используются исключительно редко.

Особую роль в поэтике исторических преданий играют:

1) локально-этнические идентификаторы: *ilirkinaw* (ал.) ‘илирские’, *wiwnalʔu* (ал.) ‘вывенцы’, *ʕatʕamtalʔu* (ал.) / *həthəmtlʔu* (кор.) ‘карагинцы’, *aʕutalʔu* (кор.) ‘алюторцы’, *nəmtalʔu* (кор.) ‘нымыланы’;

2) социальные идентификаторы: *tanʔətan* (ал., кор.) ‘враг’, *tumyətum* (ал., кор.) ‘друг’, *ənnəqlak* (ал.) ‘знакомый’;

3) статусные идентификаторы: *arəm* (ал.) / *ajəm* (кор.) ‘вожак’, *inellečhan* (кор.) ‘вожак’.

Идентификаторы этих трех типов фактически создают основу образной системы исторических преданий. Для автобиографических рассказов, напротив, эти идентификаторы актуальны в меньшей степени, так как обладают сниженным референциальным статусом.

Таким образом, если в автобиографических рассказах достоверность образов создается при помощи имен собственных и терминов родства, то в исторических преданиях эффект правдоподобия образа достигается при помощи локально-этнического и статусного идентификаторов (например, *ilirkin arəm* (ал.) ‘илирский старшина’), при этом не обязательно указывается имя

персонажа. Угол зрения на реальность, присущий историческим преданиям, допускает и даже поощряет эту референциальную ослабленность. В текстах подобного типа нельзя дать герою имя произвольно. Возникает парадоксальная ситуация: референциально ослабленные дескрипции в исторических преданиях поддерживают эффект достоверности текста.

К сожалению, объективные условия существования повествовательной традиции таковы, что в первую очередь утрачиваются стилистически сложные тексты. Именно поэтому в настоящее время записать историческое предание практически невозможно, а вот автобиографический рассказ как жанр, для которого характерна референциально прозрачная система персонажей, устойчиво сохраняет свое место в повествовательной традиции этноса.

Приоритеты в выборе лексических средств интродуктивной номинации референта распределяются следующим образом: в мифологических сказках Вороньего цикла, в автобиографических рассказах доминируют термины родства, имена собственные, личные местоимения; в исторических преданиях – этнические / локально-этнические идентификаторы и термины родства.

В исторических преданиях спектр лексических интродуктивных номинаций значительно богаче, чем в автобиографических рассказах. В фольклорном тексте наблюдается корреляция между выбором референта (и соответствующего лексического актуализатора) и интригой сюжетного хода в рамках конкретной локальной повествовательной традиции.

Отсутствие в исторических преданиях стереотипных формул номинации, с одной стороны, может свидетельствовать об отсутствии повествовательного канона, с другой стороны, это свидетельство поиска выразительных средств повествования.

4. Особенности интродуктивной референции в литературном тексте

В среде коряков и алюторцев литературный текст как таковой уже есть следствие воздействия русской культуры. До начала русификации на Камчатке своей литературы как культурного феномена не существовало и не

могло существовать, так как не существовало письменности. Однако отсутствие литературы компенсировалось устной повествовательной традицией.

Литературный текст имеет свою специфику: его стиль является результатом сознательного творчества писателя и иногда даже результатом лингвистического эксперимента. В этой связи интересно проследить, как эта задача предопределяет выбор способов актуализации референта и референтных групп в художественном тексте. В этой сфере много зависит от творческого потенциала писателя и от его индивидуального стиля. Много зависит и от литературной традиции, оказывающей влияние на стиль писателя. В этом параграфе мы последовательно рассматриваем способы интродуктивной референции в повестях корякского писателя Кецай Кеккетина и алюторского писателя Кирилла Килпалина.

Первый корякский писатель Кецай Кеккетин (1918–1941 гг.) создает оригинальные произведения, повествующие о нравах коряков. В своем творчестве он ориентируется на принципы критического реализма и достигает значительных успехов. Коряки очень любили его книги, литературные повести воспринимались как абсолютно достоверные. Для понимания механизмов референции это важное замечание. Это означает, что Кецай Кеккетин в описании персонажей стремился представить их с позиций, традиционных для автобиографических рассказов. В особенности это характерно для первой повести Кецай Кеккетина «Еwңыто val'an» ('Эвныто-батрак') [КК-Э.1936]. С другой стороны, Кецай Кеккетин работает над стилем произведения, он ищет такие способы представления персонажей, которые отвечают задачам художественного текста. Уже в следующей его повести «Vatqyl'an kәnewcit» ('Последняя битва') [КК-ПБ.1936] интродуктивные номинации референтов усложняются.

Творчество алюторца Кирилла Васильевича Килпалина (1930–1992 гг.) – единственный образец алюторской литературы. Авторские произведения написаны на родном для писателя алюторском языке.

Стиль повествования повести якутского писателя уже по определению оригинальный. Оригинальность стиля выражается и в выборе референциальных дескрипций. Последовательно рассмотрим и сопоставим способы интродуктивной актуализации референтов в текстах повестей Кецай Кеккетына «Эныто-батрак» и «Последняя битва» и повести Кирилла Килпалина «Аня».

4.1. Актуализация единичного референта

4.1.1. Одиночные номинации

4.1.1.1. Имя собственное

Имя собственное – один из самых устойчивых способов актуализации референта в бытовой речи. Имена собственные в качестве актуализаторов единичных референтов активно используются в автобиографических рассказах. В своей первой повести «Эныто-батрак» для первичного представления персонажа К. Кеккетын использует имена собственные без сопутствующих актуализаторов:

Модель: [имя собственное как индексальный знак]^{EP}

(72) кор., чавч.; лит. повесть

čačoʎanak ɣatvalen tənɣətken valʔo [КК-Э.1936: 7]

‘У Чачоля было десять работников’;

(73) кор., чавч.; лит. повесть

Ewŋəto qoŋrəŋ ɲelvəlʔak kovetatəŋ

‘Эныто всегда в табуне работает’ [КК-Э.1936: 7].

Интересно, что в повестях «Эныто-батрак» и «Последняя битва» имя собственное не используется для актуализации женских персонажей, даже в том случае, когда женщина играет значимую роль в развитии сюжетного действия.

В повести «Последняя битва» поиски оригинального стиля повествования заставляют Кецай Кеккетына отказаться от традиционного способа рефе-

ренции. В этом произведении имя собственное самостоятельно, без сопутствующих уточнителей, в качестве интродуктивного актуализатора не используется.

В тексте якутского писателя Кирилла Килпалина встретился только один случай введения персонажа при помощи самостоятельно использованного имени собственного:

(74) якут., ветв., лит. повесть

Ҕара йыҕмитив пкири, енанин Веннанак

‘Кара утром пришел, встретила его Венна’ [ККил-А.1993: 19].

Такое упрощенное, не типичное для стилистики К. Килпалина представление персонажа, возможно, в данном случае имеет сюжетно значимые основания. О пришедшем свататься Каре ничего не известно. Но по мере повествования о ходе межплеменной войны, о фактах участия этого героя в военных действиях в конце повествования он представлен в тексте уже при помощи двухкомпонентной дескрипции.

Модель: [социальный идентификатор + имя собственное]^{EP}

(75) якут. ветв.; лит. повесть

Иняльясыйнаҕав’ Оргали ту иняньясыйн Ҕара иналлаткыт инануавтынатситык

‘Предводительница Оргали и предводитель Кара руководили женитьбой’ [ККил-А.1993: 36].

4.1.1.2. Однокомпонентные дескрипции

Однокомпонентные интродуктивные дескрипции для актуализации единичных референтов и К. Кеккетын, и К. Килпалин используют крайне редко, только для актуализации второстепенных персонажей. Самостоятельно функционирующим **гендерным терминам** свойственна низкая степень референциальной конкретики, что не является препятствием для актуализации второстепенных персонажей:

Модель: [гендерный термин]^{EP}

(76) кор., чавч.; лит. текст

Давэсҗан җәтој, киннәһин иҗиләкүкен

‘Женщина вышла, держит берестяную кастрюльку’ [КК-ПБ.1936: 8].

В повести Кирилла Килпалина «Аня» один из главных героев, жених Кара, подвергается испытанию, его пытаются увлечь девушки. Эти героини – персонажи второстепенные. Внимание читателя приковано к Каре. Девушки – только средство испытания главного героя этого эпизода. Именно поэтому используется дескрипция, характеризующиеся сниженной референциальной конкретностью. При этом наблюдающееся формальное последовательное структурное усложнение дескрипций (1:[гендерный термин] > 2:[определяющее местоимение + гендерный термин] > 3:[атрибутив + гендерный термин] не повышает референциальной конкретности, зато значительно усиливает напряженность интриги: *ляңи* > *васқин ляңи* > *акикыльын ляңи* ‘девушка > другая девушка > голая девушка’:

**Модель: [определяющее местоимение *vasqin* ‘другой’
+ гендерный термин]^{EP}**

Модель: [атрибутив качества + гендерный термин]^{EP}

(77) алют., ветв.; лит. повесть

Виткукин г’ылвыт Җара янта вагали, ляңи тлайи, аллы асаг’ука.

Җитаҗавкинак кивгырнык васқин ляңи тлайи, аллы ататкаюнка Җара.

Җруҗавкинак кивгырнык акикыльын ляңи тлайи, Җара аллы ойисъатка

‘В первый день Җара отдельно сел, девушка пришла, не посмотрел. Во время второй ночевки другая девушка пришла, (и) не подумал Кара. Во время третьей ночевки голая девушка пришла, Кара не дышал (т.е. сидел безучастно, неподвижно)’ [ККил-А.1993: 20].

Выбор однокомпонентной дескрипции может быть обусловлен следующей особенностью повествования: в повести «Аня» интродуцируемый герой может быть представлен с точки зрения другого персонажа. Например, в одном из эпизодов повести охотник Мотыга отправляется охотиться на заколдованный остров, хозяйкой которого является девушка Аня. В тексте представлено поэтапное восприятие одного персонажа другим, писатель как

бы следит за взглядом и мыслями своего героя. Первичному восприятию соответствует первичная, очевидная, гендерная характеристика персонажа:

Модель: [гендерный термин]^{EP}

(78) алют., ветв.; лит. повесть

Тавалълати, лъунин ля̀ни. Ля̀ни тълаййи, иви... [ККил-А.1993: 16]

‘[Мотыга] Обернулся, увидел девушку. Девушка подошла, сказала...’

По мере того, как происходит узнавание, появляется и имя героини, но это имя также вводится в текст через сознание (формально – при помощи прямой речи) персонажа, охотника Мотыги, с ужасом осознающего безвыходность своего положения:

(79) алют., ветв.; лит. повесть

Мотыга в’арульатылџи, витку лъуткынин ля̀ни. «Аня, Аня! – аманџината иви Мотыга. – Аня!»

‘Мотыга испугался, в первый раз видит девушку. «Аня, Аня!» – про себя сказал Мотыга. – Аня!»’ [ККил-А.1993: 16].

Актуализация имени героини является свидетельством узнавания одного персонажа другим и, одновременно с этим, отсылкой к предшествующему повествованию, где шла речь о смелой девушке Ане, окаменевшей на острове ради счастья своего племени. Первоначально воспринимаемая (и читателем, и героем) в качестве интродуктивной, однокомпонентная дескрипция *ля̀ни* ‘девушка’ на самом деле оказывается дескрипцией анафорической. Иллюзия интродуктивности создает напряженность ожидания, предчувствие узнавания, что формирует сюжетную интригу данного эпизода.

Использование гендерного термина в качестве самостоятельного актуализирующего средства референции согласуется с интригой повествования и в том случае, когда о представляемом персонаже, согласно сюжетной концепции, ничего не известно, кроме тех черт, которые воспринимаются внешне. В одном из эпизодов повести старик Чимур, приехавший на заколдованный остров, находит на необитаемом острове маленького мальчика. О том, кто этот мальчик, героям повествования ничего не известно. Использование

гендерного термина соответствует тому уровню внешнего восприятия, который возможен при самой первой встрече:

(80) алют., ветв.; лит. повесть

Налаун қаюнюню жаптыльзык мимилык ойиткын ... – Микнанэгыт унюнюй-гыт? – Атгивыка! – иви қаюнюню

‘[Мотыга] Увидел: ребенок на спине нерпы играет ... – Ты чей ребенок? – Не знаю! – сказал ребенок’ [ККил-А.1993: 23].

В основе интриги данного эпизода – загадка рождения этого ребенка. Очевидно, что использование однокомпонентной референциально слабой дескрипции в этом случае также сюжетно обусловлено.

Столкновение с врагами в повести «Аня» обрисовано с разной степенью конкретности. В том случае, когда уровень референции максимально ослаблен, используется **социальный идентификатор** без дополнительных актуализаторов *танһытан* ‘враг’:

Модель: [социальный идентификатор]^{EP}

(81) алют., ветв.; лит. повесть

– *Мнлаткын, танһытан тинаг’алапатын! – иви Оргали қлавулың*

‘– Отправимся, враг будет догонять! – сказала Оргали мужу’ [ККил-А.1993: 26].

Референциальная ослабленность соответствует характеру восприятия одного персонажа другим. Оргали ничего не может знать о ‘догоняющем’, кроме того, что он враг.

В повести Кецай Кеккетына одиночные социальные идентификаторы используются только по отношению к референтной группе. В том случае, если идет речь о единичном референте, социальный идентификатор выступает в качестве одного из компонентов составной дескрипции. В противоположность социальным, статусные идентификаторы в повестях К. Кеккетына могут выполнять интродуктивную функцию самостоятельно, без сопутствующих актуализаторов.

Модель: [статусный идентификатор]^{EP}

(82) кор., чавч.; лит. повесть

Vʔajok mejnəčʔan pələtkuj waŋawčejək

‘Наконец начальник закончил говорить’ [КК-Э.1936: 35].

4.1.1.3. Однокомпонентные дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс

Кецай Кеккетын изобретателен в поисках выразительных способов представления персонажа:

**Модель: [{качественная основа + гендерный термин+
социальный идентификатор}]^{Incorp}**

(84) кор., чавч.; лит. повесть

Toj=ʔojaček=tanŋa kəččelyəpəŋ ɳəvonən wiŋvə=yitejvək ɳijkələtək ‘Молодой парень враг (в значении ‘чукча’) исподлобья начал тайно глядеть, стыдась’ [КК-ПБ.1936: 77].

В данном случае для представления персонажа используется трехкомпонентный инкорпоративный комплекс, в качестве дополнительных актуализаторов употреблены гендерный термин и основа качественного прилагательного, модель дескрипции: [качественная основа + гендерный термин + социальный (этнический) идентификатор].

В своей повести «Аня» Кирилл Килпалин трижды использует инкорпоративный комплекс в качестве интродуктивного средства актуализации единичного референта. Интересно, что в качестве одного из компонентов инкорпоративного комплекса писатель, редко прибегающий к качественным прилагательным, использует основу качественного прилагательного *nymisʔaŋin* ‘красивый’.

**Модель: [{качественная основа=этнический идентификатор=
гендерный термин}]^{EP}**

(85) алют., ветв.; лит. повесть

Танну инъа тлалаткыт ту илгыивлаткыт мисъа=курарамк=навъ, маңкыт танънюргыңнина

‘Враги быстро шли и на чем свет стоит ругались (букв. ‘бело-говорили’) на красивую=эвенскую=девушку, как она их обманула’ [ККил-А.1993: 29].

Кирилл Килпалин в данном случае фактически прибегает к трехкомпонентной дескрипции: [основа качественного прилагательного + этнический идентификатор + гендерный термин]. Представляемая героиня относится к отряду ‘своих’, т. е. к тем, кому сочувствует писатель. Ее воспринимают ‘враги’, которые не знают ни социального статуса (предводительница), ни имени (Шантриса) этой женщины, но она поражает их своей красотой. Даже враги не могут не оценить красоты предводительницы Шантрисы. В данном случае первоначально воспринимаемая как интродуктивная дескрипция, на самом деле, оказывается анафорической. Иллюзия интродуктивности вызвана тем, что читатель следит за событиями глазами разных персонажей (отсюда интродуктивность), но при этом имеет свой собственный, целостный взгляд на происходящие события (в этом случае имеет место разгадка героя на основе читательских отсылок к предыдущим эпизодам).

Другой случай использования инкорпоративного комплекса в качестве интродуктивной дескрипции представляет собой соединение глагольной основы *сигу*= ‘обгорать’ и социального идентификатора *танънтан* ‘враг’:

Модель: [{глагольная основа=социальный идентификатор}]^{EP}

(86) алют., ветв.; лит. повесть

Инпысьын пыңлуй, ту сигу=танънтан иви... [ККил-А.1993: 30]

‘Старик спросил, и обгоревший=враг сказал...’.

Использование инкорпоративного комплекса в данном случае подчеркивает не столько внешние характеристики референта, сколько факт поражения врага.

Дескрипции, как правило, в референциальном плане противопоставлены именам собственным, которые не характеризуют, а только обозначают

референта, выполняя при этом функцию индексального знака. Однако встречаются случаи, когда для актуализации референта используются имена, обладающие внутренней формой. В этом случае имя характеризует референта. Имя-дескрипция востребовано в повести Кирилла Килпалина для актуализации мифического существа, не имеющего обычного человеческого имени:

Модель: [мотивированное имя собственное]^{EP}

(87) алют., ветв.; лит. повесть

Инпысьа Чимурнак ивнина – янтасамак Катгуитынвыльын апыттуңка, г'аған тағзырникиң. [ККил-А.1993: 12]

‘Старик Чимур сказал им: «На отдельном острове Сильный=хозяин богат всяким зверьём»’.

Имя в данном случае иносказательно, оно опосредованно характеризует персонажа. Имя *Катгу=итынвыльын* ‘Сильный хозяин’ – это взгляд ‘обычных’ людей (героев повествования), страдающих от всесильной власти мифического существа на богатом зверями острове. Использование Кириллом Килпаллиным иносказательного имени персонажа приближает стиль его повести к стилистике мифологического фольклора, для которого характерно использование имен собственных в качестве дескрипций. В алюторских исторических преданиях, напротив, имена функционируют, прежде всего, как индексальные знаки.

комплекс: [атрибутив действия + {качественная основа = гендерный термин}]. Сравним с языком повести Кирилла Килпалина.

Каждый персонаж повести К. Килпалина включен в систему социальных и родовых связей, что и обуславливает выбор двухкомпонентных дескрипций в качестве доминирующего средства референции. В абсолютном большинстве случаев К. Килпалин вводит героев при помощи двухкомпонентных дескрипций, при этом второй по порядку следования компонент – имя собственное. В качестве первого компонента интродуктивной двухкомпонентной дескрипции используются гендерные термины, статусные идентификаторы, термины родства, социальные идентификаторы, атрибутивы.

Таблица 11

**Модели интродуктивных дескрипций,
актуализирующих единичных референтов
в текстах повестей Кеэция Кеккетына и Кирилла Килпалина**

Структура	Модель	Пример	Количество
Index	Имя собственное	<i>Сачоҕ</i> ‘Чачоль’ [КК-Э.1936: 7,7] [ККил-А.1993: 19]	3
I	Гендерный термин	<i>һавэһһән</i> ‘женщина’ [КК-ПБ.1936: 8] [ККил-А.1993: 16] [ККил-А.1993: 23]	3
	Социальный идентификатор	<i>тануытан</i> ‘враг’ [ККил-А.1993: 26]	1
	Статусный идентификатор	<i>теһһэһһән</i> ‘начальник’ [КК-Э.1936: 35]	1
I ^{nc}	Имя собственное=инкорпоративный комплекс	<i>Катгуитынвыльһын</i> ‘Сильный=хозяин’ [ККил-А.1993: 12]	1
	Качественная основа=социальный идентификатор	<i>сигу=тануытан</i> обгоревший=враг [ККил-А.1993: 30]	1
	Качественная основа=гендерный термин=социальный (этнический) идентификатор	<i>тој=һојаһек=таһһа</i> ‘молодой парень чукча’ [КК-ПБ.1936: 77]	1
	Качественная основа	<i>мисья=һурарамк=һавын</i>	1

	ва=этнический идентификатор=гендерный термин	красивая=эвенская=девушка [ККил-А.1993: 29]	
II	гендерный термин + имя собственное	<i>г'урастик Мотыга</i> 'парень Мотыга' [ККил-А.1993: 15,21]	6
	статусный идентификатор + имя собственное	<i>иньялясьын Кагин</i> 'предводитель Кагин' [ККил-А.1993: 34]	
	социальный идентификатор + имя собственное	<i>таньытан Чальан</i> 'враг Чальан' [ККил-А.1993: 28]	1
	термин родства + притяжат. форма имени соб- ственного	<i>ылла Мотыганин</i> 'мама Мотыги' [ККил-А.1993: 25]	1
	атрибутив предиката + имя собственное	<i>расакисилъу Нутэми</i> 'гость Нутэми' [ККил-А.1993: 21]	1
	атрибутив качества + гендерный термин	<i>акикыльын ляуи</i> 'раздетая девушка' [ККил-А.1993: 20]	1
	определяющее мест. + гендерный термин	<i>васъин ляуи</i> 'другая девушка' [ККил-А.1993: 20]	1
	числительное + социальный идентификатор	<i>ыннан таньытан</i> [ККил-А.1993: 29]	1
II ^{Inc}	{качественная основа + гендерный термин} ^{Incopr} + имя собственное	<i>мълл=нав' Оргали</i> 'богатырша Оргали' [ККил-А.1993: 21]	1
	имя собственное + {статусный идентификатор + гендерный термин} ^{Incopr}	<i>Шантриса инальгьясьы=нав'</i> 'Шантриса предводительница' [ККил-А.1993: 28]	1
	{этнический идентификатор + гендерный термин} ^{Incopr} + имя собственное	<i>сосы=нав Чейвын</i> 'чавчувенка Чейвын' [ККил-А.1993: 36]	1
	Атрибутив предиката+ {качественная основа= гендерный термин} ^{Incopr}	<i>palomtella?эн tojnavэ?эн</i> 'слушающая молодая=женщина' [КК-ПБ.1936: 11]	1
III	притяжат. форма имени соб- ственного ^{Реф1} + термин род- ства + имя собственное ^{Реф2}	<i>Чимурин навакык Аня</i> 'Чимура дочь Аня' [ККил-А.1993: 12]	1
	имя собственное + качественное прилагатель- ное + качественная основа= атрибутив объекта	<i>Qeçyälqot, niwläqin to ewäl?äñäl?эн</i> Кечгылькот, высокий и длинноносый' [КК-ПБ.1936: 14]	1
	{качественная основа= гендерный термин} + качественное прилагат.+ имя собственное	<i>toj?ojaçek, tättel näjiçyäqin Qotaw</i> 'молодой парень, очень озорной Котав' [КК-ПБ.1936]	1
	притяжательное местоиме- ние ^{Реф1} + качественное при- лагательное + термин родст- ва + имя собственное ^{Реф2}	<i>änin çejtäkin qajtumyэн Waçaqal?эн</i> его близкий родственник Вачакальын' [КК-ПБ.1936: 8]	1

Данные таблицы отражают приоритеты Кирилла Килпалина в выборе модели референциальной дескрипции с целью первичного представления персонажа в тексте. Доминирующими являются двухкомпонентные дескрип-

ции, один из компонентов которых – имя собственное. Из 18 интродуктивных двухкомпонентных дескрипций 15 включают в свой состав имя собственное. Использование имени собственного для актуализации персонажа значительно повышает уровень референциальной конкретики текста. Именно по этой причине имена собственные занимают ведущую позицию в процессе номинации референтов в автобиографических рассказах и исторических преданиях, ориентированных на создание реалистического изображения. Но если в текстах этого типа в качестве дополнительных актуализаторов активнее других используются статусные идентификаторы, то в повести К. Килпалина среди дополнительных компонентов дескрипции приоритет отдается не только статусным идентификаторам, но и гендерным терминам. При этом гендерный термин *ынпыссын* ‘старик’ в контексте данной повести очень близок статусному идентификатору ‘старейшина, предводитель’. Гендерные термины характеризуются ослабленной референциальной семантикой, в связи с этим занимают доминирующую позицию в процессе актуализации референта в мифологических алюторских текстах, предполагающих сниженный уровень конкретности. В тексте Кирилла Килпалина реалистичное изображение перемежается с референциально обобщенным изображением.

Этнический идентификатор важен не только для представления противоборствующих врагов, но и для отражения процесса примирения разных народов. Одним из традиционных сюжетных ходов, иллюстрирующих примирение племен, является повествование о супружестве представителей разных племен. В связи с этим сюжетно обусловленным является использование дескрипций, в состав которых входит этнический идентификатор

Модель: [этнический идентификатор + имя собственное]

(91) алют., ветв.; лит. повесть

Нутэми то сосывнав Чейвын умакатгыт
‘Нутэми и чавчувенка Чейвын соединились’;

(92) алют., ветв.; лит. повесть

Чимурнак мсаткунин ыртътан ту йылнин танъынавин Онгэнаң. ... Чимур ту Онгэ умакатгыыт
'Чимур сломал лук и отдал чукчанке Онгэ. ... Чимур и Онгэ соединились'
[ККил-А.1993: 36].

Сходство некоторых сюжетных линий, а именно изображение противоборства племен, в повести Кирилла Килпалина «Аня» и в алюторских исторических преданиях обуславливает использование в этих текстах большого количества этнических идентификаторов.

Среди двухкомпонентных дескрипций встречаются осложненные модели, структура которых близка трехкомпонентным. Речь идет о таких дескрипциях, один из компонентов которых представляет собой инкорпоративный комплекс. В тексте повести встретилось три типа таких дескрипций (см. табл. 11):

- 1) модель: [{качественная основа=гендерный термин} + имя собственное] *мълил=нав' Оргали* 'богатырь=женщина Оргали' [ККил-А.1993: 21];
- 2) модель: [имя собственное + {статусный идентификатор=гендерный термин}]: *Шантриса инальлясьы=нав'* 'Шантриса предводитель=женщина' [ККил-А.1993: 28];
- 3) модель: [{этнический идентификатор =гендерный термин} + имя собственное]: *сосыв=нав Чейвын* 'чавчувен=женщина Чейвын' [ККил-А.1993: 36].

Во всех этих примерах инкорпорирующей является именная основа *нав=* из гендерного термина *навысуын* 'женщина'. Необходимость использования инкорпоративного комплекса в подобных случаях обусловлена тем, что в алюторском языке нет грамматических средств, позволяющих актуализировать пол референта.

Сопоставительный анализ позволяет увидеть, насколько может быть различной тактика интродуктивного представления референта с помощью двухкомпонентной дескрипции. Если у Кецай Кеккетына это стандартная для традиционных корякских текстов модель [притяжательная форма + термин

родства], то Кирилл Килпалин создает целый спектр вариантов. В этом и заключается развитие повествовательной традиции этноса.

4.1.3. Многокомпонентные описания

Литературное творчество Кеца Кеккетына – это поиск языковых возможностей, в том числе и в процессе представления референта. Именно по этой причине писатель сознательно усложняет референциальные описания. Если в первой повести Кецкетына «Эвныто-батрак» подобных описаний еще нет, то уже в повести «Последняя битва» писатель использует усложненные модели референциальных описаний.

Модель: [притяжательное местоимение^{Реф1} + качественное прилагательное + термин родства^{Реф2} + имя собственное^{Реф2}]EP

(93) кор., чавч.; лит. повесть

“...” – *ivi ənin çejməkin qajtumyan Waçaqalʔən* [КК-ПБ.1936: 8]

‘... сказал его близкий родственник Вачакальын’.

На первый взгляд может показаться, что ничего необычного в подобной описании нет. Но если учесть, что корякским бытовым и фольклорным текстам совершенно не свойственны многокомпонентные (трех- и более) описания, становится ясно, что подобный способ введения референта (четырёхкомпонентная описания с опорным компонентом – именем собственным) есть результат сознательного усложнения писателем повествовательного стиля. Повторим, что в ранней повести «Эвныто-батрак» нет ни одной подобной описания. Такие усложненные интродуктивные описания появляются только в повести «Последняя битва».

Модель: [{качественная основа=гендерный термин} + качественное прилагательное+ имя собственное]

(94) кор., чавч.; лит. повесть

... *yajqaşçya ivi tojʔojaček, tətteļ nəjuşyəqin Qotaw*

‘...со смехом сказал молодой парень, очень озорной Котав’ [КК-ПБ.1936].

В данном случае усложнение референциальной дескрипции происходит за счет включения в ее состав качественного прилагательного. В корякской бытовой речи качественные прилагательные в интродуктивных целях не используются. Кецай Кеккетын, напротив, стремясь к изобразительности, активно использует качественные прилагательные, в том числе и как средство интродуктивной референции.

Модель: [имя собственное + качественное прилагательное +
качественная основа=атрибутив объекта]^{EP}

(95) кор., чавч.; лит. повесть

- *Meki kujetəŋ? – čajməŋqo pəŋloj Qečyəlqot, niwləqin to ewəlʔəŋəlʔəŋ*

‘- Кто идет? – поблизости спросил Кечгылькот, высокий и длинноносый’ [КК-ПБ.1936: 14].

Свидетельством стилистических поисков писателя является его попытка представлять персонажа не одномоментно, а в несколько этапов. Каждый этап осуществления референции вносит новое знание о референте:

(96) кор., чавч.; лит. повесть

... *pəŋloj ənpəqlavol niwləqin, ɣaqaj-jakalin ... Ənnin ənpəqlavol, ənin nənnə Joltəyəjŋəŋ ...*

‘... спросил старик высокий, немного ссутулившийся ... Этот старик, его имя Йолтыгыйнин ...’ [КК-ПБ.1936: 7].

Подобное поэтапное представление референта никогда не встречается в бытовых текстах и исключительно редко – в фольклорных.

Кирилл Килпалин в повести «Аня» дважды употребляет трехкомпонентную дескрипцию в качестве интродуктивной, и в обоих случаях используются термин родства и притяжательная форма имени ранее представленного в тексте референта, родственная связь с которым является определяющей для актуализации нового персонажа.

Модель: [притяжательная форма имени собственного^{Реф 1} + термин родства + имя собственное^{Реф 2}]

(97) аlyот., ветв.; лит. повесть

Чимуриҥ ҥавакык Аня

‘Чимура дочь Аня’ [ККил-А.1993: 12].

Данная модель активно используется в аlyоторских автобиографических рассказах. Однако Кирилл Килпалин прибегает к ней всего один раз, практически отказываясь от традиционного для бытовых текстов представления референта. Способы референции в аlyоторском мифологическом фольклоре, в особенности это касается Вороньего цикла, аналогичны способам интродукции референтов в автобиографических рассказах.

Сознательно или нет, но оба писателя – и Кецай Кеккетын, и Кирилл Килпалин – отказываются от устоявшихся стереотипных номинаций. Они ищут оригинальные способы представления героев своих повестей. Именно по этой причине среди дескрипций, использованных Кецаем Кеккетыном и Кириллом Килпалиным, нельзя выделить одну доминирующую модель. Выбор референциальных актуализаторов зависит не только от роли персонажа в тексте и особенностей сюжетной интриги, но и от факта единичности / множественности представляемого референта. Рассмотрим способы интродуктивной актуализации референтных групп в повестях Кецай Кеккетына и Кирилла Килпалина.

4.2. Интродуктивная актуализация референтных групп в повестях К. Кеккетына и К. Килпалина

4.2.1. Одиночные номинации

В качестве лексического актуализатора референтной группы может быть использовано **имя собственное**.

В корякском и аlyоторском языках множественное число имени собственного обозначает социальную группу, временную или постоянную, главой которой является человек, названный в основе имени. В повести

К. Кеккетына «Эвныто-батрак» есть пример использования имени собственного в качестве актуализатора референтной группы.

Модель: [имя собственное]^{PT}

(98) кор., чавч.; лит. повесть

Joltəʒəjŋo qoʒalʔallaj:

‘Йолтыгыйнинцы откочевали’ [КК-Э.1936: 39].

Именем собственным *Joltəʒəjŋo* в данном случае обозначается группа пастухов, во главе которых стоит старший пастух *Joltəʒəjŋən*. Актуализация происходит по именованию старшего в данной референтной группе.

В качестве интродуктивного актуализатора в текстах разных типов могут функционировать **таксоны**. В повестях К. Кеккетына для интродуктивной актуализации референтов таксоны используются исключительно редко:

Модель: [таксон]^{PT}

(99) кор. чавч.; лит. повесть

Danko kotvelatvaŋe ujeŋtevyʔat ... [КК-Э.1936: 52]

‘Там стояли два человека ...’

Кирилл Килпалин не использует таксоны в качестве актуализатора.

В основе сюжета повести К. Килпалина «Аня» – изображение противостояния множества племен. В связи с этим, главным средством идентификации референтных групп являются **локально-этнические идентификаторы**, позволяющие обозначить локальную группу, жителей определенного поселка, как единое племя.

Модель: [локально-этнический идентификатор]^{PT}

Илирлџу ‘илирцы – жители п. Илир’ [ККил-А.1993: 21], *в’аямлалџу* ‘лесновцы – жители п. Лесная’ [ККил-А.1993: 26], *в’атв’айлџу* ‘ветвейцы – жители п. Ветвей’ [ККил-А.1993: 26], *џараŋынилџу* ‘карагинцы – жители п.

Карага' [ККил-А.1993: 31], *з'ытбг'ы=мты=лыу* 'жители острова Карагинский, букв. люди-собаки' [ККил-А.1993: 31]. Если Кирилл Килпалин как бы воссоздает реальное пространство – поле битвы противоборствующих племен, то Кецай Кеккетын, напротив, стремится к обобщенному, типизированному изображению.

Этнические и локально-этнические идентификаторы по степени частотности в повестях Кецай Кеккетына занимают одну из последних позиций. В повести «Эвныто-батрак» Кецай Кеккетын использует локально-этнический идентификатор в той же манере, в какой это характерно для бытовой речи, т. е. без сопутствующих актуализаторов.

Модель: [локально-этнический идентификатор]^{РГ}

(100) кор., чавч.; лит. повесть

- *Ажуоуе уэцце егеви, јаллај wujwəlʔu*

'(Когда) недавно ты отправился, приехали тигильцы (жители с. Тигиль)' [КК-Э.1936: 20].

Локально-этнические идентификаторы обладают значительно более высокой степенью референциальной конкретности, чем собственно этнические идентификаторы.

Модель: [этнический идентификатор]^{РГ}

Нымылыу 'нымыланы – береговые коряки' [ККил-А.1993: 12], *сосывав'в'и* 'чавчувены – кочевые, оленные коряки' [ККил-А.1993: 28], *курарамку* 'эвены' [ККил-А.1993: 28]. Среди локально-этнических и этнических идентификаторов, в связи с неоднозначностью референциальной семантики, особо выделяется лексема *танну* 'враги, воины, чукчи' [ККил-А.1993: 21]. Использование идентификаторов этих двух типов характеризуется ярко выраженной жанровой обусловленностью. Для актуализации референтных групп они активно используются в исторических преданиях.

Локально-этническим идентификаторам в референциальном плане противопоставлены локальные идентификаторы.

Модель: [локальный идентификатор]^{PT}

Нымъыръу ‘поселенцы’ [ККил-А.1993: 14], *нымъыръын* ‘население поселка’ [ККил-А.1993: 34], *раралъу* ‘домашние, находящиеся в доме’ [ККил-А.1993: 12].

Данные номинации могут быть употреблены применительно к любой этнической группе. Среди собственно локальных идентификаторов, использованных К. Килпалиным в повести «Аня», следует отметить лексему *аргиулъу* ‘береговые, т. е. находящиеся на берегу’ [ККил-А.1993: 14], которая референциально не является тождественной этническому идентификатору *нымылъу* ‘нымыланы – береговые коряки’ [ККил-А.1993: 12]. Приведем иллюстрацию: в ходе повествования читатель узнает о нымыланке Ане. Девушка заморозила великана Катгуйтынвыльына ‘сильного хозяина’ своей песней. Аня поет на заколдованном острове, куда не смогли добраться ее сородичи. Все население нымыланского поселка, собравшись на берегу, слушает магическую песню Ани:

(101) алют., ветв.; лит. повесть

Аня нувуйи аңаңтак, тытталъ мисъаң аңаңталъиви навалумын аргиулъа, ыллыга Чимурынак валумнин ‘Аня начала петь, красиво запела, слышали береговые (т.е. те, кто находился на берегу), отец Чимур услышал’ [ККил-А.1993: 14].

Этнические, локальные, локально-этнические идентификаторы имеют разные модели образования, но доминирующей является форма атрибутива, грамматическим показателем которой является аффикс =*lʔ*= . К форме атрибутива восходят многие статусные идентификаторы, характеризующие референта или референтную группу по роду деятельности или по положению в обществе.

Подавляющее большинство статусных идентификаторов в корякском языке восходит к форме атрибутива, например: *jəju=lʔ=u* ‘сторожащие, т. е. ночные пастухи’ от *jəjuk* ‘сторожить’.

Повесть Кецай Кеккетына «Эвныто-батрак», по существу, является социальным портретом корякской жизни в эпоху установления советской власти на Камчатке. В связи с этим самым частотным средством интродуктивной актуализации референтных групп являются статусные идентификаторы, активно используемые для актуализации референтных групп.

Модель: [статусный идентификатор]^{РГ}

Qačyəvalʔo ‘бедняки’, *qačyəvačʔo* ‘бедняки’, *jalyətəlʔo* ‘кочевники’, *qojalʔatəlʔo* ‘пастухи’, *vetatəlʔo* ‘работники’, *vellalʔo* ‘торговцы’, *pəttəŋəčə* ‘богачи’, *mejŋəči* ‘начальники’, *ŋelvəlʔo* ‘пастухи’, *ejyučewŋəlʔu* ‘ученики’, *valʔo* ‘работники-батраки’ [КК-Э.1936]. В то же время уже в повести Кецай Кеккетына «Последняя битва» представлен лишь единичный случай употребления одиночного статусного идентификатора для интродуктивного представления референтной группы:

(102) кор., чавч.: лит. повесть
Jeppa kojəlqallaŋ ŋelvəlʔəlʔu tətteŋ nəktəʔaw
‘Еще спали оленеводы очень крепко’ [КК-ПБ.1936: 17].

Кирилл Килпалин номинации подобного рода использует крайне редко: *tağyrniŋylybʔu* ‘охотники’ [ККил-А.1993: 12].

Социальные идентификаторы характеризуются ярко выраженной прикреплённостью к текстам определенных жанров. В повести «Последняя битва» Кецай Кеккетын изображает время межплеменных войн, в связи с этим, естественным образом, так же как и в исторических преданиях, используются социальные идентификаторы.

Модель: [социальный идентификатор]^{РГ}

(103) кор., чавч.; лит. повесть

Qəmel ajnon nətuj?ew junetək, napkawlamək tanña alarək

‘Когда-то давно в моей молодости не смогли нас чукчи догнать’ [КК-ПБ: 19].

Среди референциальных актуализаторов особое место занимают **атрибутивы, характеризующие референтную группу по актуальному в настоящий момент действию**. В бытовых и фольклорных текстах встретилось только два примера подобной номинации: *kajallil?u* ‘ищущие’ (пример из мифологической сказки), *tə?əll?u* (пример из автобиографического рассказа) ‘болеющие’. В то же время Кедай Кеккетын активно использует атрибутивы действия в качестве интродуктивных актуализаторов.

Модель: [атрибутив предиката (по актуальному в настоящий момент действию)]^{PT}

Jəlqəl?o ‘спящие’, *anotval?o* ‘летовщики’, *jatəl?o* ‘возвращающиеся домой’, *ləlapəl?ət* ‘смотрящие=двое’, *atqatəl?o* ‘раненые’, *enninəl?ət* ‘борющиеся=двое’, *palomtel?o* ‘слушающие’ [КК-ПБ.1936].

Атрибутивы, характеризующие персонажа по актуальному в настоящий момент действию, поддерживают ощущение динамичности развивающихся событий:

(104) кор., чавч.; лит. повесть

Jeqqe palomtella?o jaqlaj, amı aqaleŋawlaw

‘Только слушающие почему-то встревожились’ [КК-ПБ.1936: 12];

(105) кор., чавч.; лит. повесть

Ləlapəl?ət qəsvoyeŋəŋqo kullarŋi jəlqəl?etəŋ

‘Смотрящие (двое) из кедрачей смотрели на спящих’ [КК-ПБ.1936: 44].

Атрибутивам присуща референциально ослабленная семантика, позволяющая потенциально включать в пределы референтной группы неограниченное число референтов.

(108) ал., ветв.; лит. повесть

Ив'инилъа налаун янтасамэныу Аня, аси Ратамран ипунтуй <...>
'Вышедшие в море видели с отдельно стоящего острова Аня, (что вулкан) Ратамран дымился' [ККил-А.1993: 20].

Действие может представляться как принципиально обобщенное. Атрибутив обобщенного действия *valʔo* (кор.) 'находящиеся' предполагает наличие уточняющего обстоятельства места. Данный атрибутив функционирует в качестве дополнительного компонента интродуктивной дескрипции.

Модель: [зависимый компонент (наречие) + атрибутив предиката (по актуальному в настоящий момент действию) + определительное местимение *этә* 'все' + гендерный термин]^{РГ}

(106) кор., чавч.; лит. повесть

Kamlelәn valʔo әтә оlaw, ewәnʔat иjне nәmelʔew uviknulvәkә

'Вокруг находящиеся все мужчины уже почти не видели друг друга' [КК-ПБ.1936: 10].

Однако в том случае, когда лексема *valʔo* функционирует в качестве статусного идентификатора в значении 'работники-батраки', она может употребляться без дополнительных актуализаторов.

Модель: [статусный идентификатор]^{РГ}

(107) кор., чавч.; лит. повесть

Dәtolaj valʔo to ʔalvәlʔajtәn aqawlaw

'Вышли работники и в табун отправились' [КК-Э.1936: 60].

Атрибутивы объекта характеризуют референтную группу по факту обладания в данный момент какими-либо предметами, например, орудиями труда. Атрибутивы этого типа практически никогда не функционируют в качестве интродуктивных номинаций. Единственный подобной пример *әjәtәlʔu* 'с=луками, т. е. лучники' встретился в повести Кецай Кеккетына «Последняя битва». Мы не стали квалифицировать этот атрибутив как статусный идентификатор, так как у коряков нет постоянного войска, мужчины становятся

воинами (лучниками), на то время, пока им грозит опасность встречи с вражеским племенем.

Модель: [Атрибутив объекта (по факту обладания)]

(109) кор., чавч.; лит. повесть

Әна, миңкаје тәсҗентәһnew әјатәл?и

‘Что ж, где же лучники?’ [КК-ПБ.1936: 45].

Использование формы атрибутива предмета в качестве интродуктивной номинации позволяет Кириллу Килпалину актуализировать референтные группы в соответствии с динамической ситуацией, актуальной для данного момента развития сюжета: *каякальу* ‘люди на каяках’ [ККил-А.1993: 13], *матыв’ылгу* ‘люди на байдарках’ [ККил-А.1993: 12].

Сниженный уровень референциальной конкретики присущ самостоятельно употребленным **гендерным терминам**: *ляһив’в’и* ‘девушки’ [ККил-А.1993: 13], **собирательным числительным**: *нитаргара* ‘двое’ [ККил-А.1993: 24], **существительным с квантитативной семантикой**: *сымҗып* ‘часть’ [ККил-А.1993: 30]:

(110) ал., ветв.; лит. повесть

Инҗа танну наткуна, сымҗып в’алҗивлат

‘Быстро врагов прикончили, часть сбежала’ [ККил-А.1993: 30].

4.2.2. Однокомпонентные дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс

Кецай Кеккетын в повести «Последняя битва» использовал дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс с опорным компонентом ‘социальным идентификатором’ Такие дескрипции (с дополнительным компонентом – основой качественного прилагательного) встречаются только в литературном тексте.

Модель: [{качественная основа=социальный идентификатор}]

Qewwa=ta'ηəčo 'плохие=враги', *qewwa=taηηo* 'плохие враги',
tənpolʔə=taηηo 'проткнутые=враги' (в значении 'проклятые враги') [КК-
ПБ.1936]

(111) кор., чавч.; лит. повесть

– *Etun miŋkəje-ηən ɣalalaj qewwatəηηəčyo*

'Если как-нибудь придут проклятые враги' [КК-ПБ.1936: 41].

В состав дескрипции с опорным элементом социальным идентификатором может быть инкорпорирована глагольная основа.

Модель: [{притяжательная форма возвратного местоимения=глагольная основа=социальный идентификатор}^{Incorp}]

В состав лексемы *čenen=taηηə-čet=tomyo* 'свои воюющие товарищи' (в значении 'свои воины-товарищи') по грамматическим требованиям инкорпорирована притяжательная форма возвратного местоимения *čenen=*. Однако особенностью данной референциальной дескрипции является инкорпорация глагольной основы: *taηηə-čet-* 'воевать', которая образована при помощи постфикса *=čet=* от именной основы *taηη=* 'враг'. Глагольный постфикс *=čet=* имеет значение «интенсивности с изменением референтности» [Мальцева 1998: 224].

Дескрипция *čenen=taηηə-čet=tomyo* может служить доказательством того, что семантика лексемы *taηηətaη* не только 'враг', но и 'воин':

(112) кор., чавч.; лит. повесть

– *Cemoč, qənvellatak! – ɣakumηallin čawčəven əŋrəčʔən čenen-taηηəčettomyəŋ* '–

Хватит, остановитесь! – крикнул чавчужен старик своим=воинам=товарищам' [КК-ПБ.1936: 75].

Модель: [качественная основа+ зависимый компонент+ статусный идентификатор]

Toj=vayajɲə=majɲəʒo ‘новой=жизни=начальники’, *qewwa=majɲəʒa-ʒy-*
о ‘плохие начальники’ [КК-Э.1936]

(113) кор., чавч.; лит. текст

Tok inɲej ʒajoɲanqavək qəlejvətku, qəlɬap toj=vayajɲə=majɲəʒajɲə!

‘Ну, быстрее закончив пить чай, иди, посмотри на новых=начальников!’ [КК-Э.1936: 52].

Качественное прилагательное в составе дескрипции призвано отразить эмоциональное отношение главного героя повествования к конкретной группе персонажей, тем самым усилить эффект эмоционального воздействия на читателя.

Модель: []

Атрибутив объекта может характеризовать группу референтов, подчеркивая специфику одежды протагонистов. Дескрипции подобного типа не встречаются в бытовых и фольклорных текстах. Подобная интродуктивная номинация имеет место только в тексте повести Кеца Кеккетына «Эвныто-батрак»: *ičvə=peɲkelʒo* ‘остро=шапочники’, имеются в виду красноармейцы в буденовках:

(118) кор., чавч.; лит. повесть

– ... *jaqam ičvəpeɲkel'e najanɲykolajɲyck!* – *kunɲati ʒacol.* [КК-Э.1936: 67]

‘– ... сразу острошапочники убьют вас! – крикнул Чачоль.’

Инкорпоративный комплекс, представляющий собой дескрипцию, восходящую к форме **атрибутива объекта**: *юнью=г'ытг'ымы=ль=у* ‘защищенные китовыми костями’ [ККил-А.1993: 32]. В этом случае деятель характеризуется как обладатель предмета, обозначенного основой слова:

(116) алют., ветв.; лит. повесть

Итъ'лъу мимылин ту юньюг'ытг'ымылъу, аллы ырърыттата ту пуйга апыткывитгука

‘Одетых в кухлянки из нерпичьих шкур и защищенных=китовыми=костями невозможно из лука или копьем ранить’ [ККил-А.1993: 32].

Специфика военного обмундирования в исторической повести является важной особенностью, не только актуализирующей референтную группу, но и предрешающей исход военного действия.

В повести «Последняя битва» К. Кеккетын в качестве интродуктивных номинаций использует дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс с опорным компонентом – атрибутивом предиката.

Модель: [объект (зависимый компонент) + глагольная основа]

Jaʃa=nŋu=lʔə=t ‘дом=сторожащие=двое’, *čawat=ŋəŋŋə=lʔ=o*
‘аркан=несущие’, *əjət=ŋəŋŋə=lʔ=u* ‘луки=несущие [КК-ПБ.1936]

(117) кор., чавч.; лит. повесть

Kamleləŋ əjək kolalaŋ əjət=ŋəŋŋə=lʔ=u

‘Вокруг него идут луки=несущие (лучники)’ [КК-ПБ.1936: 59].

4.2.3. Двухкомпонентные дескрипции

В повести «Последняя битва» локально-этнический идентификатор функционирует в качестве опорного компонента стилистически сложной, авторской дескрипции.

Модель: [зависимый компонент (наречие места)+

атрибутив предиката (по актуальному в настоящий момент действию) +

этнический идентификатор]

(119) кор., чавч.; лит. повесть

*Maʃəjavak kotvaŋ oččan, tit etun tite joʔək eqelʔe, ŋakəje neyəntevəkəninew wutku
junetəlʔu čawčəvaw*

‘Неподалеку есть оччан, чтобы, если настигнут враги, туда убежали живущие здесь чавчувены’ [КК-ПБ.1936: 5].

Модель: [определяющее местоимение ‘весь’ + атрибутив предиката (по актуальному в настоящий момент действию): *атәһ ләтһәнал?о* ‘все преследующие’ [КК-ПБ.1936].

В процессе интродуктивной актуализации групп персонажей алюторский писатель Кирилл Килпалин пользуется целым спектром двухкомпонентных моделей (см. табл. 12).

Таблица 12

**Модели двухкомпонентных интродуктивных дескрипций,
актуализирующих референтные группы
в тексте повести К. Килпалина «Аня»**

Модель дескрипции	Пример	Перевод	Колич. употр.
Притяжат. форма имени собственного + собират. сущ.	<i>Иванцанин ирран</i> [ККил-А.1993: 29]	‘отряд Иванцы’	4
{Глагольная основа=собират. существительное} + однородный ряд: локально-этнические актуализаторы	<i>тануыситъиррав ’в’и Кысгул ’бу, Тымлатылзу ту Анапкэтылзу</i> [ККил-А.1993: 34]	‘воюющие отряды паланцев, тымлатцев, анапкинцев’	3
Этнический (социальный) идентификатор + собир. сущ.= глагольная основа	<i>нымылъин тануыситъиррав ’в’и</i> [ККил-А.1993: 35]	‘нымыланские воюющие отряды’	2
Локально-этнический идентификатор + притяжат. ф/ма имени собственного ^{EP}	<i>г’ытг’ымтылзу Баранин</i> [ККил-А.1993: 32]	‘жители о. Карагинский Кары’	1
Этнический идентификатор + атрибутив объекта	<i>ительменин пуйгылзу</i> [ККил-А.1993: 26]	‘ительменские копьеносцы’	1
Атрибутив предиката + социальный идентификатор	<i>сигулзу тануу</i> [ККил-А.1993: 30]	‘обгоревшие враги’	1
Атрибутив объекта + идентификатор обладания	<i>итъ ’лзу мимылин</i> [ККил-А.1993: 32]	‘одетые в кухлянки из нерпичьих шкур’	1
Притяжат. форма личного мест. ^{PG1} + {зависимый компонент (наречие места) + ос-	<i>мургина янутваратылзу</i> [ККил-А.1993: 36]	‘наши впереди=народы=Atr, т.е. наши предки’	1

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что доминирующим элементом двухкомпонентных дескрипций, предназначенных для актуализации референтных групп, в повести К. Килпалина «Аня» является собирательное существительное *ирран* ‘отряд’, которое может выступать в качестве инкорпорирующего элемента, присоединяя к себе глагольную основу *тануысит*= ‘воевать’. 9 из 14 дескрипций в качестве основного компонента имеют собирательное существительное *ирран* ‘отряд’ или инкорпоративный комплекс с этим существительным в основе: *тануыситъ=ирра*= ‘воюющий=отряд’, что обусловлено спецификой сюжета повести о межплеменных войнах.

Среди двухкомпонентных референциальных конструкций выделяется модель, в состав которой входит однородный ряд, представляющий собой перечисление этно-локальных актуализаторов. К этой конструкции К. Килпалин прибегает трижды в тексте своей повести. Если локально-этнические идентификаторы повышают уровень референциальной конкретности, то их перечисление создает масштабность изображения. Нымыланский писатель ставит перед собой задачу изобразить объединение всех нымыланских народов для борьбы с врагами. Мир *своих*, т. е. сообщество нымыланов (береговых коряков), в изображении К. Килпалина предстает очень дробным, что соответствует объективной действительности. Береговые коряки долгое время, вплоть до периода укрупнения колхозов, в 1950-е – 1980-е гг. проживали в относительно замкнутых, в связи с удаленностью друг от друга, поселениях [Мальцева 2010]. Стремление К. Килпалина к референциальной конкретности обусловило факт отражения в стилистике текста этнической дробности береговых коряков на множество локальных групп.

Модель: [{глагольная основа=собирательное существительное} + локально-этнический идентификатор]

Иванцанак тумакавнин танъситъиррав'в'и В'ив'ныльин, В'атв'айльин, Ирирльин ту Алуталъу.

'Иванца собрал отряды вывенский, ветвейский, илирский и алюторцев' [ККил-А.1993: 31].

В приведенных примерах этно-локальная идентификация осуществляется при помощи относительных прилагательных: *в'ив'ныль=ин* 'вывенский', *в'атв'айль=ин* 'ветвейский'. В подобных случаях Кирилл Килпалин также использует атрибутивы, например:

(121) алют., ветв.; лит. повесть

... танъситъиррав'в'и Ирир=ль=ин ту Алута=ль=у
'воюющие=отряды илирский и алюторцы' [ККил-А.1993: 31].

Актуализация референтных групп предполагает разную степень обобщенности. Разные модели двухкомпонентных дескрипций позволяют актуализировать группу в зависимости от ее широты или, напротив, ограниченности. Чем конкретнее дополнительный актуализатор в составе дескрипции, тем уже референтная группа. При этом более узкие группы могут быть объединены. Приведем модели и примеры дескрипций, иллюстрирующие факт разномасштабности изображения в повести К. Килпалина «Аня», в порядке укрупнения масштаба изображения:

**Модель: [этнический идентификатор +
{глагольная основа=собирающее сущ.}]**

(122) алют., ветв.; лит. повесть

Нымыльин танъситъиррав'в'и умакалат ту пуйгу нангыргулавна... 'Нымыланские отряды собрались и копья вверх подняли' [ККил-А.1993: 35];

**Модель: [{глагольная основа=собирающее сущ.} +
локально-этнический идентификатор]**

(123) алют., ветв.; лит. повесть

Иняльясъын Кагиң, иняльясъыңав Венна танъситъиррата Кысг'улъу, Тымлатылъу ту Анапкэтылъу нанкакамллатың кивъны Чальанин 'Предво-

дитель Кагин, предводительница Венна, отряды паланцев, тымлатцев и анапкинцев окружили место ночевки Чальа' [ККил-А.1993: 34].

Перечисленные отряды паланцев, тымлатцев и алюторцев относятся к нымыланскому войску, но не исчерпывают его.

**Модель: [притяжательная ф/ма имени собственного +
собирательное существительное]**

(124) алют., ветв.; лит. повесть

Митрай ирран пинты енау

'Митрая отряд бросился навстречу' [ККил-А.1993: 30].

Отряд Митрая не входит в состав нымыланского войска, но воюет на стороне нымыланов. На примере этих трех моделей, видно, что Кирилл Килпалин обрисовывает воюющие отряды с разной степенью конкретности.

4.2.4. Многокомпонентные дескрипции

В повести «Последняя битва» Кецай Кеккетын использует дескрипцию *рајоџатал?о кәјул?аллә?у таңно* 'оставшиеся живущие враги'. Возможно, писатель в данном случае ориентировался на устойчивое русское выражение «оставшиеся в живых», которое в корякском языке потребовало двух атрибутивов.

**Модель: [атрибутив предиката + атрибутив предиката +
социальный идентификатор]**

(125) кор., чавч.; лит. повесть

Рајоџатал?о јеппа кәјул?аллә?у таңно җәволәј җәнтевәк қәџвоуеҗетәҗ

'Оставшиеся еще живые враги начали убежать в кедрач' [КК-ПБ.1936: 56].

Для актуализации единичного референта Кецай Кеккетын использует социальные идентификаторы гораздо реже, нежели для актуализации референтных групп.

Социальный идентификатор *ʃəqelʔ=ʉ* ‘враги’ восходит к атрибутиву качества и предполагает эмоциональную оценку референтной группы, что препятствует использованию подобных дескрипций в качестве интродуктивных. Лексикализованный атрибутив качества *ʃəqelʔ=ʉ* ‘враги’ может быть опорным элементом многокомпонентной дескрипции. Однако подобная дескрипция – явление исключительное, совершенно не характерное для фольклорных текстов, и представляет собой результат стилистических поисков писателя.

**Модель: [относительное прилагательное,
образов. от наречия времени + социальный идентификатор
+ этнический идентификатор в притяжательной ф/ме]**

(126) кор., чавч. лит. повесть

Dəŋvəʃaŋ woʃel ɣalalaj aŋŋonkenaw eqelʔi ʃawʃəvenaw, jaqam koyalalŋ

‘Много раз здесь проходили давнишние враги чавчуэнов, просто проходили’ [КК-ПБ.1936: 5].

Усложнение дескрипций с опорным компонентом – гендерным термином происходит за счет определительных местоимений и качественных прилагательных.

**Модель: [определительное местоимение *ətəŋ* ‘все’+
атрибутив качества + гендерный термин]**

(127) кор., чавч.; лит. повесть

Ətəŋ qiʃʃew kətɣeməʃʔo ʔoɫaw to atqatəlʔo pajoʃallaj jajak nəkelʔatənvəŋ viʔəlʔk

‘Все другие здоровые мужчины и раненые остались в яранге следить за умершими’ [КК-ПБ.1936: 62].

Трехкомпонентные дескрипции для интродуктивной актуализации референтных групп Кирилл Килпалин использует только в тех случаях, когда моменту интродукции определенной общности предшествует упоминание подобной же референтной группы. Факт перечисления однородных групп служит основанием для появления третьего компонента в составе дескрип-

ции. Этим компонентом является либо порядковое числительное, либо определительное местоимение.

**Модель [порядковое числительное + социальный идентификатор +
собирающее существительное *irran* ‘отряд’]**

(128) алют., ветв.; лит. повесть

*Тануьситъирран тануик г’оптыльу наррылтилавын тануьситъиррата
Митраинак...Нитаџавкин таннин ирран куюлын тлалат ...*

‘Воюющий отряд врагов весь был уложен отрядом Митрая... Второй отряд врагов достиг кладбища’ [ККил-А.1993: 28–29];

**Модель [опредетельное местоимение +
{глагольная основа=собирающее существительное *irran* ‘отряд’}
+ социальный идентификатор]**

(129) алют., ветв.; лит. повесть

*Нураџ кнавсилат танну. Сигулъу танну нтулаткыт кангык ...Ынки васқин
тануьситъирран таннин тлайи*

‘Долго бились воины. Обгоревшие враги выходили из костра ...Сюда другой воюющий отряд вражеский подошел’ [ККил-А.1993: 30].

В приведенных случаях третий компонент служит способом дифференциации однородных референтных групп. Несмотря на то, что в подобных случаях используются формально более сложные дескрипции (трехкомпонентные, а не двухкомпонентные) в референциальном плане они менее конкретны и значительно уступают двухкомпонентным, в состав которых входит этно-локальных актуализатор. Такой сниженный уровень референции Кирилл Килпалин использует только в тех случаях, когда изображает вражеские отряды. В поэтике произведения ныммыланского писателя мир ‘своих’ обрисован значительно конкретнее, чем мир ‘чужих’.

Сопоставляя способы номинации военных отрядов в повести Кирилла Килпалина можно заметить интересную деталь: номинация ныммыланских отрядов осуществляется при помощи локально-этнических идентификаторов,

дополнительно используются имена собственные предводителей нымыланских отрядов. Кирилл Килпалин – нымылан, поэтому локальные племена береговых коряков ему хорошо известны. По сюжету повести против врагов *тану* объединяются не только нымыланские отряды, но и чавчувены, эвены, ительмены. Обрисовка этих военных группировок осуществляется с иных позиций. Не зная локальной специфики чавчувенских и эвенских народов, Кирилл Килпалин неосознанно прибегает к такому способу номинации, который формально может компенсировать недостаточность знания о чуждых ему племенах и создать эффект реальности изображения референтных групп. Чавчувенские и эвенские отряды представлены по именам их предводителей. Казалось бы, имя собственное – самое сильное средство референции. Однако это правило не распространяется на те случаи, когда изображаются полубогатые события. В таких текстах, безусловно, этно-локальные идентификаторы – более верный способ достижения эффекта реалистичности изображения, нежели имена собственные.

Таким образом, появление письменности на корякском языке стало стимулом для развития индивидуального литературного творчества коряков и, в частности, первого корякского писателя Кецай Кеккетына. Писатель сознательно работает над стилем своих повестей, в том числе и над способами первичного представления персонажей в тексте. Опираясь на традиционные клишированные референциальные формулировки, он постепенно начинает их усложнять. В повестях Кецай Кеккетына главным средством усложнения референциальных номинаций являются качественные прилагательные и атрибутивы, использование которых в этом качестве не характерно для бытовых и фольклорных текстов коряков.

Авторский текст повести Кирилла Килпалина на алюторском языке соответствует алюторской повествовательной традиции: по возможности объективному, прагматическому представлению референта. Однако Кирилл Килпалин изобретателен в поисках интродуктивных дескрипций. Оставаясь в рамках одной доминирующей двухкомпонентной структуры, он использует

широкий спектр дескриптивных моделей, несопоставимо более богатый, чем представлен в алюторских мифологических сказках и автобиографических рассказах. Настолько же широкий спектр интродуктивных номинаций имеет место в алюторских исторических преданиях, которые ориентированы на создание максимально реалистичного изображения героев. В процессе представления референтных групп Кирилл Килпалин максимально близок стилистике алюторских исторических преданий, в которых приоритет отдается локально-этническим и этническим актуализаторам. С другой стороны, представление единичных референтов в исторических преданиях преимущественно происходит посредством статусных идентификаторов, а в повести К. Килпалина для актуализации единичного референта они используются наравне с гендерными терминами, что сближает стиль писателя со стилем алюторских мифологических сказок, для которых характерно ослабление референциальной конкретики. Исторический взгляд на события у К. Килпалина перемежается со взглядом мифологическим: военные отряды реальных алюторских поселений сосуществуют с легендарными героями, детализированные при помощи локально-этнических идентификаторов эпизоды сменяются референциально обобщенным изображением вымышленных персонажей.

Анализ интродуктивных способов актуализации референтов в литературном тексте позволяет увидеть, какой потенциальной изобразительностью обладает язык. Ограниченность круга номинаций в фольклоре контрастирует с многообразием поисков выразительности в литературном тексте. Письменная форма языка позволяет моделировать образы, искать индивидуальный повествовательный стиль, именно по этой причине оказывается возможным преодолеть стереотипные клишированные способы представления референтов, традиционные для автобиографических рассказов и мифологических сказок. В XX в. развитие письменности, казалось бы, создало условия для поисков оригинального стиля, но, к сожалению, после гибели первых корякских писателей, эта тенденция не была передана и не получила своего развития. Долгое время в Корякском автономном округе не было своих писателей,

пишущих на родном языке. Появление Кирилла Килпалина произошло не благодаря, а вопреки всем осложняющим его судьбу обстоятельствам (долгое время он оставался без работы, произведения его не печатали). Корякская литература исчезла, не успев даже приблизиться к своему расцвету. В середине XX в. на смену корякской литературе приходит совершенно иной жанр – газетная статья.

5. Особенности интродуктивных дескрипций в публицистике

В 1930-е гг. XX в. в процессе создания письменности для языка коряков в качестве основы литературного языка был принят язык чавчувенов. Именно на этом языке и публиковались газетные статьи.

Программные политические статьи представляют собой отчеты о заседаниях администрации, политических планах и результатах работы. Этим статьям присущ официальный стиль повествования. Тот факт, что референтами данных статей являются представители властных структур, определяет выбор референциальных актуализаторов. В этих текстах наблюдается доминирование таких референциальных дескрипций, которые не характерны ни для фольклорных текстов, ни для бытовой речи.

Круг постоянных референтов программных политических статей предельно устойчив, но при этом он принципиально отличен от круга референтов, актуализированных в фольклорных и литературных текстах. Мир, отражаемый в политических статьях, – это, прежде всего, мир социальный. В связи с этим естественно ожидать, что главным средством актуализации референтов в статьях будут социальные идентификаторы, что обусловлено задачами текста и непосредственно коррелирует с его жанровой спецификой.

Материалом данного исследования послужили тексты программных политических статей, опубликованные в 1994–1995 гг. в приложении на корякском языке *Айгытбылг’у* ‘Северяне’ к газете «Народовластие».

В программных политических статьях отчетливо проявляется стремление к предельной референциальной конкретизации, в связи с этим используются сложные многокомпонентные дескрипции. Это же стремление к предельной референциальной конкретике присуще и автобиографическим рассказам. Однако есть существенные различия. В автобиографических рассказах доминирующим средством актуализации референта являются термины родства. В программных политических статьях абсолютный приоритет отдается статусным идентификаторам.

Программные политические статьи – единственный тип текстов, в которых статусные идентификаторы играют доминирующую роль. В фольклорных, литературных, автобиографических текстах статусные идентификаторы по степени востребованности занимают последние позиции.

Развитие социальной структуры влечет за собой разделение людей по сферам деятельности. В силу исторических обстоятельств коряжки вливаются в сложную систему социальных ролей советского общества XX в. Развитое государство предполагает сложную иерархию социальных слоев, где статус становится определяющим для идентификации человека. В связи с этим процессом заметное влияние претерпевает система референциальных идентификаторов. Помимо базового референциального поля развивается вторичное поле референции, в котором специфика идентификации протагонистов обусловлена не традиционной, а усложненной, искусственно сконструированной системой социальных ролей.

5.1. Актуализация единичного референта в программных статьях

Большинство референциальных дескрипций в программных политических статьях строится на базе русских заимствований. Это обусловлено тем, что система социального регулирования в Российской Федерации, в том числе и в Камчатском крае, имеет единообразную структуру.

Модель [статусный идентификатор + локальный / локально-этнический идентификатор (относительное прил.) + имя собственное]

(1) губернатор Камчаткакен Владимир Афанасьевич Бирюков [А.1995.13],

(2) председатель Правительствакен В. С. Черномырдин [А.1995.17].

Ярко выраженной спецификой референции в программных политических статьях является доминирующая структурная сложность номинаций.

В программных статьях невозможно использование однокомпонентных дескрипций с целью интродуктивной актуализации единичного референта, поскольку представление единичного референта в данном случае обязательно предполагает актуализацию его социального статуса и имени. Однако двухкомпонентные дескрипции в качестве интродуктивных при актуализации единичного референта в текстах этого типа также не встречаются по той причине, что социальный статус описываемых референтов нельзя выразить одним словом, например, *инэллэчг'ын* 'руководитель'. В сущности, большинство референтов программных статей являются руководителями, в связи с чем статусный идентификатор *инэллэчг'ын* 'руководитель' обязательно требует использования дополнительных компонентов дескрипции, которые усиливают эффект референциальной конкретности, а значит и подлинности информации, например: *инэллэчг'ын совхозкен «Корфский» В. И. Тен* 'руководитель совхоза «Корфский» В. И. Тен' [А.1995.13].

В программных политических статьях в основе абсолютного большинства интродуктивных референциальных дескрипций использована трехкомпонентная модель: [статусный идентификатор + относительное прилагательное + имя собственное]. Эта модель не единственная, но доминирующая. В аспекте потенциального усложнения компоненты этой модели не равноценны. Как оказалось, распространен может быть только медиальный компонент референциальной дескрипции этого типа.

Таблица 13

Последовательность компонентов референциальной дескрипции			Перевод, источник
Статусный иден-	Относительное прилагательное	Имя собственное	

тификатор	(+ зависимые компоненты)		
<i>губернатор</i>	<i>Камчаткакен</i>	<i>Владимир Афанасьевич Бирюков</i>	‘Губернатор Камчатский Владимир Афанасьевич Бирюков’ [A1]
<i>инэллэч’ын</i>	<i>администрациякен КАО</i>	<i>Сергей Геннадьевич Леушкин</i>	‘Руководитель администрации КАО Сергей Геннадьевич Леушкин’ [A1]
<i>депутат</i>	<i>Советкен Федерациякен</i>	<i>Григорий Михайлович Ойнвид</i>	‘Депутат Совета Федерации’ Григорий Михайлович Ойнвид’ [A1]
<i>представитель</i>	<i>Президентэн Россиякен округыннубал</i>	<i>Владимр Владимирович Косыгин</i>	‘Представитель президента России в округе Владимир Владимирович Косыгин’ [A1]
<i>инэллэч’ын</i>	<i>совхозкен «Карагинский», ипа крестьянский хозяйствакен «Рекинники»</i>	<i>А.А. Нестеров</i>	‘Руководитель Совхоза «Карагинский» и крестьянского хозяйства «Рекинники»’ [A1]

В референциальных дескрипциях программных газетных статей наблюдается жестко закрепленный порядок следования компонентов. Имя собственное всегда занимает заключительную позицию в составе референциальной дескрипции.

Первым компонентом интродуктивных номинаций является статусный идентификатор, нередко – заимствованный из русского языка. По объективным причинам в корякском языке невозможно подобрать аналоги ряду статусных идентификаторов: *губернатор*, *депутат*, *представитель*, *президент*.

Однако существуют такие термины статусной сферы, которые имеют корякские аналоги: ‘председатель, руководитель’ – корякский аналог *инэллэч’ын* ‘букв. ведущий’, статусный идентификатор ‘заместитель’ – корякский аналог *ныкнык* ‘букв. подкладка’, ‘помощник’ – *в’иннетычг’ын* ‘помощник’.

Статусные идентификаторы *ныкнык* ‘заместитель’ и *в’иннетычг’ын* ‘помощник’ в референциальном плане несамостоятельны, по этой причине в случае интродуктивного употребления, как правило, предполагают использование дополнительного актуализатора – притяжательной формы имени или местоимения.

**Модель [притяжательное местоимение^{Реф1}
+ статусный идентификатор^{Реф2} + имя собственное^{Реф2}]:**

(130) кор., чавч; полит. статья
ынин *ныкнык Иван Афанасьевич Едрышев* [А.1995.13]
‘его заместитель Иван Афанасьевич Едрышев’,

Модель [статусный идентификатор^{Реф1} + (статусный идентификатор^{Реф2}
притяжат ф/ме + зависимые компоненты) + имя собственное^{Реф2}]

(131) кор., чавч.; полит. статья

Тояйговэ энапннылавлэ в'иннетычг'ын инэллечг'ин администрациякэн нымнымкин Слаутникин Р. М. Азьмук [А.1996.21]

‘Недавно спрашивали помощника начальника администрации поселка Слаутное Р.М. (Раису Максимовну) Азьмук.’

Лексема *ныкнык* ‘заместитель’ (букв.: подкладка) интересна тем, что она функционирует в качестве статусного идентификатора только в текстах газетных статей:

(132) кор., чавч.; полит. статья

Умекетык значгыпаллай ветынвыкьет ныкнык инэллечг'ин администрациякэн округкен В. Третьяков, ныкнык инэллечг'ин пылвынтыветынвыкен В. Г. Жукован ... [А.1994.6]

‘На собрании докладывали о работе заместителя председателя администрации округа В. Третьяков, заместитель министра финансов В. Г. Жукова.’

В фольклорных и бытовых текстах данная лексема для актуализации протагонистов никогда не используется.

Несмотря на то, что действующие лица программных политических статей в течение года практически не меняются, полное представление каждого из них, с указанием статуса обязательно для интродуктивной референции в текстах этого типа:

(133) кор., чавч.; полит. статья

инэллечг'ын администрациякэн нымнымкин Г. Н. Етувье [А.1996.21]

‘руководитель поселковой администрации Г. Н. Етувье’

(134) кор., чавч.; полит. статья

инэллечг'ын Администрациякен Президентэн РФ С. А. Филатов [А.1995.17]

‘руководитель Администрации Президента РФ С. А. Филатов’

Жанровая специфика текста требует использования единообразной модели для создания интродуктивных референциальных дескрипций.

5.2. Актуализация референтной группы

При актуализации референтной группы степень референциальной конкретности снижена, поэтому в качестве интродуктивных номинаций возможно использование однокомпонентных дескрипций.

Наименьшая степень референциальной конкретности присуща **социальному идентификатору** *тумгу* ‘товарищи’ (часто используется также в значении ‘люди’) [А.1995.13, А.1994.6], востребованы **статусные идентификаторы** *юзав’ьепылг’о* ‘оленоводы’ [А.1995.13], *ветылг’о* ‘рабочие’ [А.1994.6], *нэлвылг’у* ‘табунщики’ [А.1995.13], *такалиңылг’о* ‘писатели’ [А.1995.17]. Среди статусных референциальных актуализаторов, используемых в программных статьях, нередки русские заимствования: *чумработниңу*, ‘чумработницам’ [А.1995.13], *специалистав* ‘специалисты’ [А.1995.13, А.1996.21].

В качестве референциальной номинации используются атрибутивы различных типов: **атрибутив качества** *тыг’ыллыг’у* ‘болеющие, т.е. больные’ [А.1995.13], **атрибутив предиката** *лэйвылг’у* ‘приехавшие’ [А.1994.6], в этом случае идентификация референтной группы происходит по актуальному в действию.

Усложнение референциальной дескрипции происходит за счет включения в ее состав относительных прилагательных.

**Модель: [статусный идентификатор +
локальный актуализатор (относительное прилагательное)]**

(135) кор., чавч.; полит. статья
вэтылг’о нэлвылг’ы=кин
‘работники табунов’ [А.1996.21]

Часто, но не всегда основа относительного прилагательного заимствована из русского языка:

(136) кор., чавч.; полит. статья
инэллечг'у нымнымкинэв', район=кенав' администрация=кенав'
'руководители поселковых и районных администраций' [А.1995.13].

В единичных случаях в программных статьях в качестве дополнительных референциальных актуализаторов используются качественные прилагательные.

**Модель: [качественное прилагательное +
социальный идентификатор]**

(137) кор., чавч.; полит. статья
ныльгинав'чиңкинав' тумгу
'очень=любопытные (в знач. 'заинтересованные') люди' [А.1996.21].

В составе дескрипции качественное прилагательное предшествует опорному компоненту (статусному идентификатору), в то время как относительные прилагательные всегда следуют за опорным словом.

Для актуализации референтной группы в программных статьях может использоваться сложная дескрипция, представляющая собой инкорпоративный комплекс.

**Модель: [{локальный актуализатор=
собирающее сущ. *vajat* 'народ'}^{Inc}]**

(138)

айгытжы=ваято

'северные народы' [А.1994.6],

Модель: [{DIM=локальный актуализатор=собирающее сущ.}^{Inc}]

(139) *жай=айгытжы=ваято*

'малочисленные народы севера' [А.1994.8, А.1995.17],

Модель: [{собирающее сущ. + социальный идентификатор}^{Inc}]

(140)

ваят=томго

‘родственные народы’ [А.1994.6],

**Модель: [{притяжательное мест. +
собирающее сущ. *vajat* ‘народ’=социальный идентификатор}]**

(141)

ыйык=ваят=тумгыйык

‘им родственный народ’ [А.1994.6].

**Модель [социальный идентификатор +
локальный актуализатор (относительное прилагательное)]**

(142) кор., чавч.; статья

вэтылг’о уэлвылг’ыкин ‘работники табунов’ [А.1996.21],

инэллечг’у совхозкенав ‘руководители совхозов’ [А.1995.13].

Даже в том случае, если дескрипция состоит из 5–6 слов, она формально остается двухкомпонентной.

**Модель [статусный идентификатор +
локальный / локально-этнический идентификатор
(относительное прилагательное + зависимые компоненты)]**

(143) кор., чавч.; статья

I. *инэллечг’у* + II. *округкен управлениякен сельский хозяйствакен* ‘руководители окружного управления сельского хозяйства’ [А.1994.6],

инэллечг’у имыяк,=ветат=иччет-кинэ-в’ нымнымкин Тигилькин ‘руководители различных=рабочих=бригад поселка Тигиль’ [А.1994.6].

В дескрипциях этого типа актуализируется одна референтная группа, но в программных статьях широко используются такие номинации, которые позволяют актуализировать одновременно сразу несколько референтных групп. Происходит это за счет использования однородного ряда относительных прилагательных в пределах одной дескрипции:

(144) кор., чавч.; статья

журналисто округкен телерадиокомпаниякен то газетакен «Народовластие»

‘журналисты окружной телерадиокомпании и газеты «Народовластие» [А.1994.6].

В подобных примерах опорный центр дескрипции один – это статусный идентификатор, который в равной степени соответствует всем представляемым референтным группам. Второй базовый компонент ‘относительное прилагательное’ представляет собой однородный ряд, включающий в свой состав несколько идентификаторов, каждый из которых соответствует определенной референтной группе:

(145) кор., чавч.; полит. статья

Титэ омакаллай инэллечг’у совхозкенав’, инэллечг’у районкен, нымнымкин администрациякенав’, уанко нэгитэн чыг’энут, миукые пыйык ачыңгийно ветатвелатгыйныкенав’ [А.1995.13]

‘Когда собрались руководители совхозов, руководители районных и сельских администраций, тогда они увидели, как дела, как устранять долги по заработной плате.’

В программных статьях может использоваться **интродуктивная актуализация смешанного типа**. В пределах одной дескрипции единичные референты могут быть представлены сначала как группа, а затем каждый референт актуализирован поотдельности. При этом главное средство индивидуализации единичного референта – имя собственное: *пыкпыкыт Л.И. Хнаеван, В. Н. Третьяков* ‘заместители Л. И. Хнаева, В. Н. Третьяков’

[А.1994.6], *юояв'ьепылг'о В. Эвьява, Г. Шмагин, Р. Альха, П. Тергувье, З. Пепе* оленеводы В. Эвьява, Г. Шмагин, Р. Альха, П. Тергувье, З. Пепе' [А.1996.21].

В дескрипциях смешанного типа стратегия актуализации референтов, как правило, предполагает движение от референтной группы к последовательной актуализации единичных референтов. Однако эта стратегия может усложняться: от актуализации референтной группы к актуализации единичных референтов и далее вновь к актуализации референтной группы, и все это в пределах одной дескрипции. Например:

(146) кор., чавч.; полит. статья

инэллечг'ыт совхозкен Таловкакен О. В. Ильин, совхозкен Манилакин В. А. Мавропуло, етылг'ыт Пенжинский районуно
'руководители (дв.ч.) совхоза Таловского О. В. Ильин, совхоза Манильского В. А. Мавропуло, приехавшие из Пенжинского района' [А.1995.13].

Таким образом, если в традиционных устных текстах на корякском языке приоритетными являются одно- и двухкомпонентные референциальные дескрипции, то в текстах программных политических статей доминируют трехкомпонентные (для единичных референтов) и двухкомпонентные дескрипции (для референтных групп). Осложнение дескрипций вызвано сложностью референциального фона политических статей, отражающего громоздкую структуру социальной организации российской системы власти. Жанровая специфика текста программной статьи предполагает обязательную актуализацию статуса и имени референта. При этом, как правило, статусный идентификатор в этих текстах требует дополнительных уточнителей, которые в корякском языке выражаются при помощи относительных прилагательных. Распространенный ряд дополнительных актуализаторов, составляющих медиальный компонент интродуктивной дескрипции, способствует созданию эффекта предельной референциальной конкретности текста.

Выводы

Интродуктивная референция осуществляется при помощи лексических актуализаторов: имен собственных, общих имен нарицательных (таксонов и однокомпонентных дескрипций), составных дескрипций. В автобиографических рассказах в качестве интродуктивного средства референции также используются личные местоимения.

Интродуктивные номинации отличаются по степени своей определенности. Референциальная конкретность определенных дескрипций зависит от референциального потенциала составляющих ее компонентов. Высокая референциальная определенность присуща дескрипциям, включающим в свой состав имя собственное и дополнительные актуализаторы. Дескрипции, в состав которых имя собственное не входит, являются слабоопределенными. Чем меньше компонентов входит в состав дескрипции, тем менее она является референциально определенной. Не все компоненты референциально равноправны: доминирует имя собственное, высокой референциальной значимостью обладают этно-локальные актуализаторы и термины родства, меньшей референциальной значимостью – гендерные термины, этнические идентификаторы, социальные, статусные идентификаторы, атрибутивы.

Выбор интродуктивной номинации референта связан с жанровой спецификой текста.

В корякских автобиографических рассказах и мифологических сказках Вороньего цикла набор интродуктивных референциальных моделей ограничен. Приоритет отдается изолированно употребляемым именам собственным и терминам родства, которые способны поддерживать эффект правдоподобности повествования, что коррелирует с установкой текстов подобного типа на достоверность описываемых в них событий.

В мифологических сказках, не принадлежащих Вороньему циклу, и исторических преданиях имена собственные и термины родства каждый раз обосновываются заново, это ограничивает их использование в качестве интродуктивных актуализаторов. Меняется тип героя, усложняется угол зрения на реальность и, соответственно, усложняется система средств актуализации

референта. Структурная сложность референциальных дескрипций и широкий спектр референциальных моделей, использованных в исторических преданиях, обусловлены несколькими факторами: референциальной неоднозначностью изображаемых в историческом предании событий и персонажей, их эпической условностью; неустойчивостью локальной повествовательной традиции в пределах данного жанра; поиском средств повествовательной изобразительности.

Сопоставимы по выразительности интродуктивных номинаций исторические предания и литературные повести. В литературных повестях Кецай Кеккетына и Кирилла Килпалина происходит усложнение моделей референциальных дескрипций, существенно расширяется круг используемых моделей. В состав интродуктивных номинаций вводятся качественные прилагательные, что не характерно для устных текстов. Традиция выразительного, стилистически сложного представления референтов не закрепились в повествовательной культуре камчатских народов в связи с исчезновением корякской и алюторской литературы как повествовательного феномена.

Как показал анализ публицистических текстов, жанр газетной статьи не способствует развитию выразительности языка. Модели интродуктивных номинаций, использованных в газетных статьях, выстроены в соответствии с политической традицией. Многокомпонентность этих дескрипций – иллюзия выразительности. Доминирующими компонентами являются статусные идентификаторы и имена собственные. Круг моделей референциальных номинаций в этих текстах очень ограничен.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что выбор референциальной дескрипции во многом предопределен жанровой природой текста. Доминирующие способы актуализации референтов в рассмотренных текстах разных жанров выделяются совершенно четко. Неожиданным является то, что референциальная конкретность, естественным образом присущая автобиографическим рассказам и газетным статьям, наблюдается и в мифологических сказках Вороньего цикла. Результаты нашего исследования позволя-

ют предположить, что первоначально сказки Вороньего цикла воспринимались как референциально конкретные, близкие к автобиографическим рассказам, поскольку в них описываются жизнь и приключения семьи Ворона – прародителя коряков. С другой стороны, развитие повествовательной традиции обязательно предполагает отход от референциальной конкретики. Результат этого творческого поиска обуславливает широкий спектр моделей и изобразительные возможности интродуктивных номинаций персонажей в исторических преданиях и литературных повестях.

Глава III

СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ И РАЗРЕШЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ТЕКСТАХ НА КОРЯКСКОМ И АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Факторы, способствующие разрешению референциального конфликта

В корякских и алюторских устных повествованиях наличие референциальных конфликтов – явление типичное. Разрешение референциального конфликта обуславливается рядом факторов, среди которых наиболее важными являются внутрипропозиционные, синтаксические, текстуальные, а также факторы, обусловленные жанровыми особенностями текста. Кроме этого, в процессе разрешения референциального конфликта могут играть роль экстралингвистические факторы, в частности, дифференциация женских и мужских социальных ролей и религиозные представления коряков.

Последовательно рассмотрим, как влияют эти факторы на разрешение референциального конфликта.

2.1. Внутрипропозиционные факторы

Разрешению референциального конфликта способствуют семантика предиката, семантика актантов и семантика локализаторов.

2.1.1. Семантика предикатов

Если в актуальном поле внимания находятся два референта и ни один из них в пределах данного фрагмента текста не актуализирован при помощи однозначной номинации, установление связи между референтом и его действием может происходить при помощи анализа семантики предикатов. В соответствии с логикой развития сюжета действие одного референта может противопоставляться действию другого референта.

Сам факт этой противопоставленности уже служит основанием для дифференциации референтов. В повествовательной традиции этноса определенные действия могут быть закреплены за определенными персонажами. Рассмотрим пример:

(147) ал., вывен.; мифол. сказка

Ɔoro miti-nak jətu-ni-n ɲav.akka.pil; , telə.ŋ qon təli-ni-n tirŋə-lqiv-i^{PK} to rətt-a piwta.lʔatə-lqiv-i [Кибрик 2000: т. 7, п. 5]

‘Тем временем Мити родила дочку, туда ее повернула, (та) заплакала и моршкой посыпалась.’

В актуальном фокусе внимания два референта: Мити и новорожденная девочка. В пределах одного предложения происходит переход от одного референта к другому, при этом не используются лексические актуализаторы. Референциальный конфликт снимается, во-первых, за счет семантики глагола *tirŋə-lqiv-i* ‘заплакала’, хотя, в принципе, можно предположить, что заплакала не новорожденная девочка, а родившая ее мать. Но помимо семантики этого глагола в процессе разрешения референциального конфликта важную роль играет устойчивая система эпизодов традиционного фольклора. Один из традиционных эпизодов: Мити по велению Куткыннюку рождает девочку, изо рта которой сыплются ягоды. Для носителя традиции не составляет труда установить, кто просыпался моршкой, это действие совершенно не характерно для Мити и может быть соотнесено только с одним из конкурирующих референтов – новорожденной девочкой.

Семантика глаголов может служить средством дифференциации референтов в ситуации референциального конфликта. Но при этом предполагается опора на устойчивые ментальные стереотипы, характерные для данной этнической картины мира. Человеку, не включенному в определенную этническую систему ценностей, установить референциальные соответствия гораздо сложнее, нежели носителю традиции. Причем речь идет не только о фольк-

лорном тексте, где роли персонажей жестко закреплены, но и для текстов других жанров. Для подтверждения этого тезиса приведем характерный пример (148). В рассказе об охоте [Жукова 1988: т. 43, п. 12] два единичных референта: **референт¹** ‘охотник’ (в начале рассказа – актуализирована референтная группа ‘охотники’), **референт²** ‘лиса’. Оба референта на протяжении всего эпизода прономинализованы. Рассказчик изображает встречу охотника и лисы.

(148) ал., караг.; охот. рассказ

а. *Опта **охотнику** **нвотькэт** **соссамавак** **тэгальг’атанвау**, **в’анваньнёк** **накиняу**.* [Жукова 1988: т. 43, п. 12]

‘Все охотники начинают готовиться идти на лыжах, у норы сторожить всю ночь.’

б. *Ктав’от **сепүэтокэн**^{Реф2ПК} **уйэтикик**, **райтэлүэвэтькэ**^{Реф2}.* [Жукова 1988: т. 43, п. 13]

‘Вдруг показывается у нарты, залезает (в нарту лиса).’

в. *Нвотьк^{Реф1ПК} **самэсак**.* [Жукова 1988: т. 43, п. 14]
(Охотник) начинает подкрадываться.

Переключение референции на границе предложений (148а) / (148б) происходит благодаря семантике глагола *чепүэток* ‘показаться’ (в данном случае показаться может только лиса, но никак не охотник): охотники сторожат, лиса показалаась. Далее переключение референции происходит на границе предложений (148б / 148в), и опять разрешение референции происходит за счет семантики глагола. В предложении (148б) в фокусе внимания лиса, а в предложении (148в) – уже охотник. Лексические маркеры переключения не используются, но для носителя традиции этот текст референциально прозрачен.

В диалогических фрагментах фольклорных текстов в качестве маркера переключения может использоваться глагол речи. Это относится к тем случаям, когда в фокусе внимания находятся два референта, реплики которых перемежаются. Рассказчик использует глаголы речи в качестве сигнала переключения референции. В приведенном ниже фрагменте в фокусе внимания

два референта: референт¹ ‘старик-нинвит’, референт² ‘парень Ое’, на протяжении этого эпизода происходит перемещение фокуса референции, при этом лексические актуализаторы не используются.

(149) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Гив’лин*: [Жукова 1988: т. 16, п. 103]

$y=iw=\underline{\text{lin}}$

PP=сказать=3sgP

‘Сказал (ему, парню Ое):’

б. – *Г’амэнно зоҕйолгэн?* [Жукова 1988: т. 16, п. 104]

ham=энно qoq=jolγ=ə=n

где=он дыра=NMLZ.вместилище=E=ABS.sg

‘ – Где же яма?’

в. *Гив’лин*: [Жукова 1988: т. 16, п. 105]

$y=iw=\underline{\text{lin}}^{\text{PK}}$

PP=сказать=3sgP

‘Сказал (ему, старику-нинвиту):’

г. – *Энэнно тэнэҕйотватэн вэлолуэн.* [Жукова 1988: т. 16, п. 106]

эн=энно $\underline{\text{tə}}=n=ə=kjo=tv=at=ə=n$

он=он 1sgA=CAUS=E=широкий=VBLZ.inc=VBLZ=E=3sgP

velo=ljən

ухо=ABS.sg

‘Вот расширил ухо.’

д. *Гив’лин*: [Жукова 1988: т. 16, п. 107]

$y=iw=\underline{\text{lin}}^{\text{PK}}$

PP=сказать=3sgP

‘Сказал (ему, парню Ое):’

е. – *Ҕэйгут тэкив’ги вэлойпэн зоҕйолгэн.* [Жукова 1988: т. 16, п. 108]

qejuut $\underline{\text{t}}=ə=k=iw=\underline{\text{yi}}$

velo=jpəŋ

в.самом.деле 1sgA=E=PRES=говорить=2sg.P ухо=PROLAT

qoq=jolγ=ə=n

дыра=NMLZ.вместилище=E=ABS.sg

‘ – Ведь говорил я тебе, по уху смеришь яму.’

В этом фрагменте хорошо видно, как глагол речи $y=iw=\underline{\text{lin}}$ ‘сказал’ сопутствует переключению референции. На протяжении этого эпизода каждый раз, когда рассказчик употребляет глагол речи $y=iw=\underline{\text{lin}}$ ‘PP=сказать=3sgP’, происходит переключение референции.

Референциальный конфликт может быть предотвращен при помощи последовательного использования глаголов восприятия и речи: если референт¹ слушает, то референт² говорит. Это распределение ролей способствует переключению референции:

(150) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Ойэнак коваломунэнэн.* [Жукова 1988: т. 16, п. 145]

oje=na=k ko=valom=η=ə=nen
Pers=SG=LOC PRES=слушать=PFV=E=3sgA+3P
 ‘Ое слушает.’

б. *Эвэу:* [Жукова 1988: т. 16, п. 146]

ev=ə=η^{PK}
 говорить=E=CV.dat
 ‘Говоря.’

в. – *Мэйнуэчейуганэку энйючго мэнчочамаван.* [Жукова 1988: т. 16, п. 147]

mejne=čejučy=ə=nequ en'a=jə=čy=ə
 большой=мешок=E=AUG AP=поместить=PEJOR=EQU

mən=čəčəm=av=ə=n

1nsgA.IMP=снаряжение=VBLZ=E=3sgP

‘Большой мешок для поклажи приготовлю.’

В предложении (150а) в фокусе внимания референт¹ ‘Ое’, он слушает. Далее используется форма деепричастия *ev=ə=η* ‘говоря’. Грамматически этот глагол должен был бы относиться к референту ‘Ое’, так как нет ни лексических, ни грамматических маркеров переключения референции. Но этот глагол относится к референту² ‘нинвит’. Переключение референции произошло только на основании распределения ролей ‘слушателя’ и ‘говорящего’. Если Ое в данном эпизоде играет роль слушателя, значит, нинвиту принадлежит роль говорящего. Конфликт предотвращен.

Рассмотрим другой пример с использованием деепричастия *ev=ə=η* ‘говоря’:

(151) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Йақам Кагэнкан йатан тэйнулэви.* [Жукова 1988: т. 12, п. 157]

jaqam kačənka=n jatan tejn=ə=lqev=i
 сразу Pers=ABS.sg только плач=E=INCH=3sgS.PFV

‘Сразу Кагынкан только заплакал.’

б. *Эвэу*: [Жукова 1988: т. 12, п. 158]

ev=ə=ŋ^{RefI}
сказать=E=CV.dat

‘Говоря.’

в. «Тогок, нэйан, амэнно нэйэтэн эмйэучокмэльлэг’ойамтав’элг’эн. [Жукова 1988: т. 12, п. 159]

toʊok ŋejan amənnɔ n=ə=jet=ə=n
ну-ка тогда где.он 3.IMP=E=прийти=E=3sgS
emjəqčok=məl’l’o=hojamtawelh=ə=n
горноста́й=ловкий=человек=E=ABS.sg

‘ – Ну, ладно, где он, пусть выходит ловкий, как горноста́й, человек.’

Глаголы *tejŋ=ə=lqev=i* ‘заплакал’ и *ev=ə=ŋ* ‘говоря’ семантически не противопоставлены. Переключения референции не происходит. Оба глагола относятся к одному референту.

2.1.2. Семантика актантов

Референциальный конфликт в отдельных случаях разрешается при помощи семантики актантов, но для этого используются дополнительные параметры дифференциации референтов: 1) онтологические свойства референтов; 2) дифференциация онтологически равноправных референтов по какому-либо различительному признаку; 3) опора на предшествующий контекст.

Важную роль в процессе разрешения конфликта играют **онтологические свойства референтов**, или релевантные знания носителей языка о мире [Кибрик 2003: 67]. В фольклорном тексте говорить, плакать и т. д. может не только человек, но и животное, мифологическое существо, растение. Любое существо, любой объект может выступать в роли протагониста. Но в охотничьих рассказах, претендующих на достоверность изображения, зверь не равен человеку. Если используются глаголы или актанты при них, семантика которых подчеркивает «человеческую» природу референта, противопостав-

ляет человека не-человеку, то можно считать, что появляется дополнительный фактор разрешения референциального конфликта:

(152) ал; пал.; охот. рассказ

а. *Бунесеу Ыыс?этың курыткын Микифлю, нэм сольгэлэнвың.* [Жукова 1980: т. 9, п. 10]

‘Однажды из Паланы шел Микифлю, [ходил] ведь за солью.’

б. *Торкав’рата нраткынк энъмгэңкэ гайо?ылэн кэйңын кмеккэ җитэнгивиль?ын.* [Жукова 1980: т. 9, п. 11]

‘Обогнул мыс и возле утеса встретил медведя, почти двухгодовалого.’

в. *Кэйңни атҗыль?ын.* [Жукова 1980: т. 9, п. 12]

‘Медведишка хромой’

г. *Микифлю(нэк) чаймың гайо?ылэн смэс эллэ эв’элкикэ.* [Жукова 1980: т. 9, п. 13]

‘Микифлю ближе (к нему) подошел, но он не убежал.’

д. *Уттыут гэкмилин тэнгигэрэңки.* [Жукова 1980: т. 9, п. 14]

‘Палку взял, (чтобы) испугать.’

В актуальном поле внимания два референта: референт¹ ‘Микифлю’ и референт² ‘медведь’. Переключение референции в предложении (152г) происходит только при помощи семантики глаголов: если *Микифлю* подошел к медведю, то, соответственно, не убежал *медведь*. Логика действий подсказывает слушателям, кто выполняет действия. В предложении (152д) также есть основания для референциального конфликта, так как для актуализации одного из двух находящихся в поле зрения референтов не используются полные номинации. Но в предложении (152д) разрешение конфликта происходит за счет семантики актантов. В охотничьем рассказе палку взять может скроее человек, чем медведь. В данном случае семантика актантов непосредственно связана с онтологическими свойствами референта. В мифологической сказке, в отличие от охотничьего рассказа, онтологические свойства не являются основой для дифференциации референтов. В сказках животное по своим возможностям абсолютно равно человеку.

Семантика актантов, предполагающая дифференциацию онтологических свойств референта, способствует разрешению конфликта только в текстах, нацеленных на реалистическое изображение ситуации: в охотничьих преданиях, автобиографических рассказах и отчасти в семейных преданиях.

(153) ал; пал.; семейное предание

а. *Гымнин тата Ыммигиуны тэгырниуны.* [Жукова 1980: т. 7, п. 6]
 ‘Мой папа около Ыммигина охотился.’

б. *Тыттель нымелжин ?ыннэн йанот?ыт?ын гиллин.* [Жукова 1980: т. 7, п. 7]
 ‘Очень хороший один пёс-вожак был.’

в. *Пэулок пороха увик гэллаллин* ... [Жукова 1980: т. 7, п. 8]
 ‘Заряжая ружье, себе глаза выжег порохом ...’

В данном случае переход от актуализации референта² ‘пёс-вожак’ к референту¹ ‘мой папа’ происходит без помощи полной номинации (предложения 153б / 154в). Однако референциального конфликта не возникает: заряжать ружье порохом мог только человек, но не собака.

Интересно, что не только в реалистических рассказах, но и в мифологических сказках владение оружием свойственно только человеку.

В фокусе внимания эпизода мифологической сказки (154) два референта: референт¹ ‘охотник’ и референт² ‘орел’. Так как перед нами фольклорный текст, *орел* является полноправным персонажем, равным по своим возможностям *охотнику*, но это не касается владения оружием:

(154) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Вэг’айок тагэйниулг’эн тэлэй мин’кэ гиллин таньнэчет пчижин то гэйникин.* [Жукова 1988: т. 7, п. 36]

vəhajok ta=yəjni=ŋ=ə=lh=ə=n təle=j
 потом VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=E=ATR=E=ABS.sg идти=3sgS.PFV
 miŋkə y=il=lin tan’ŋ=ə=čet p’ciq=in
 где PP=быть=3sgS враг=E=INTENS птица=REL.sg
 to yəjnik=in
 и зверь=REL.sg

‘Потом охотник шел (там), где была битва птиц и зверей.’

б. *Кэтав’от лэг’унин тилмэтил уттэк гигумава’лин.* [Жукова 1988: т. 7, п. 37]
 kətaʋot ləhu=nin tilm=ə=til utt=ə=k
 вдруг видеть=3sgA+3P орел=E=ABS.sg дерево=E=LOC
 y=iʋum=aw=lin
 PP=спокойный=VBLZ=3sgS
 ‘Вдруг увидел – орел на дереве притих.’

в. *Вэтга милгэг’эй экминин, - ат нэвонэн йанот цэйнэвэк.* [Жукова 1988: т. 7, п. 38]
 vətʋa milʋ=ə=həj ekmin=nin^{PK} at nəʋo=nen
 сразу огонь=E=лук взять=3sgA+3P уж начать=3sgA+3P
 janot qejnev=ə=k
 раньше стрелять=E=CV.loc
 ‘Сразу ружье взял, уже было начал стрелять.’

На протяжении этого фрагмента в фокусе внимания находятся два референта, равноправно активных. В начале фрагмента оба референта последовательно актуализируются при помощи лексических однозначных номинаций *тагэйницэлг’эн* ‘охотник’ и *тилмэтил* ‘орел’.

В предложении (154б) в фокус внимания последовательно перемещается от референта¹ ‘охотник’, к референту² ‘орел’. А далее (154в.) происходит переключение референции без использования лексических маркеров, сигнализирующих об этом переключении. Сигналом смены референта служат внутрипропозиционные факторы, а именно семантика объектного актанта. Личный глагольный показатель в глагольной форме *ekmin=nin* ‘взял он его’ могут в равной мере актуализировать и референта¹ ‘охотника’ и референта² ‘орла’. Возникают формальные условия для появления референциального конфликта, однако конфликт предотвращается при помощи 1) объектного актанта *milʋ=ə=həj* ‘ружье’: ружье мог взять только охотник, но никак не раненый орел, 2) высокой степени протагонизма референта¹ ‘охотник’

В приведенных примерах (152, 153, 154) референциальный конфликт снимается за счет семантики актантов и соотнесения ее с возможностями референта-человека и референта-не человека. Семантика актантов непосредственно связана с онтологическими свойствами референта. Но если два референта, находящихся в актуальном фокусе внимания, онтологически равно-

правны, то при разрешении референциального конфликта должна быть вос-
требована отсылка к дифференцирующему качеству этих двух референтов.

Рассмотрим пример (). В актуальном поле внимания два референта-
человека: **референт¹** ‘мужчина Аканинвит’ и **референт²** ‘женщина Кымлингавыт’, эти референты различаются по полу, **отсылка к половой дифферен-**
циации и является основанием для разрешения конфликта:

(155) алют., вывен.;

а. to әп.ki ʏa-nvu-linat tә.sussәмave-k **ʏaqaniʏvitә-nti** kәmliŋawәtә-nti. [Кибрик
2000: т. 30, п. 23]

И сразу начали готовить Аканинвита с Кымлингавыт {к наказанию}.

б. to vitʏa ʏa-akmi.l-lina-t, kәltә-k ʏa-ŋvu-lina-t. [Кибрик 2000: т. 30, п. 24]

[И тут] схватили (их), начали связывать.

в. **ʏaqaniʏvit-ән(in)** itʏә-n ʏa-prә-**lin** to ʏa-kәltә-lina-t lәʏaŋlәŋ mәnʏә-t. [Кибрик
2000: т. 30, п. 25]

С Аканинвита сняли кухлянку, (и) связали назад руки.

г. ʏa-janul-lin itʏә-n ʏa-prә-lin, to ŋav.kir ʏopta mal-*iwtәl* ʏa-ssә-lin. [Кибрик
2000: т. 30, п. 26]

‘(С Кимлингавыт) сначала сняли кухлянку, а затем [тоже] немного ниже спустили женский комбинезон.

Референциальный конфликт возникает на границе предложений (155в)
и (155г). Если в предложении (155в) в центре внимания референт Аканинвит
(мужчина), то в предложении (155г.) в центре внимания уже другой рефе-
рент – женщина Кимлингавыт. Референциальный конфликт разрешается
только при помощи семантики актанта *ŋav.kir* ‘женский комбинезон’. Снять
женский комбинезон можно только с женщины, то есть с Кимлингавыт. В
традиционной культуре алюторцев переодевание в одежду другого пола не
встречается как феномен.

Семантика актантов как средство разрешения референциального кон-
фликта может требовать **опоры на предшествующий контекст**. В приве-
денном ниже фрагменте (156) мифологической сказки в актуальном фокусе

внимания в пределах одной пропозиции два референта: **референт¹** ‘собака’ и **референт²** ‘Йинианавыт’, при этом лексическая номинация как средство актуализации референтов не используется. В мифологической сказке онтологическая дифференциация референтов нейтрализуется. Животное по своим возможностям и способностям равно человеку:

(156) кор., чавч; мифол. сказка

Ганволэн^{Реф1} г'алапэк, энкэ гасилин^{Реф2} ав'татг'ол. [Жукова 1988: т. 30, п. 90].
Стала настигать (собака), там (Йинианавыт) опустила кремень (кусок скребка).

В этом случае анализ семантики актантов предполагает опору на предшествующий контекст. В предшествующем контексте сказано, что Йинианавыт в дар от паука получила волшебное средство – скребок. Таким образом, из двух референтов (собаки и Йинианавыт) бросить скребок могла только Йинианавыт, потому что только у нее был этот скребок. В подобных случаях без опоры на предшествующий контекст семантика актанта не является самостоятельным фактором разрешения конфликта.

2.1.3. Семантика локализаторов

В ходе сюжетного повествования значимую роль играет воссоздание пространства перемещения протагонистов. Развитие сюжетного действия нередко требует перемещения героев. В том случае, когда в фокусе внимания находятся два конкурирующих протагониста, для предотвращения референциального конфликта могут быть использованы глаголы движения и локализаторы. Подобные случаи требуют от слушателя предельной включенности в процесс восприятия текста, мысленного воссоздания того пространства, в котором перемещаются персонажи, иначе референциальный конфликт просто неразрешим:

(157) ал., вывен.; мифол. рассказ

a. to nan.in=?ənrə.qlavul-a ə.ninnə winnə ɣ-evəklə-lin utt-a wulvəŋ. [Кибрик 2000: т. 24, п. 3]

‘И это старик ударил его след палкой поперек (след упряжки Нутаписвусына).’

б. to irvirvəŋ ənnu leqtə.ŋ ɣa-winv.Īpə-lin n;utapisvus?ə-n maŋ.in.qal ɣa-tkur-lin. [Кибрик 2000: т. 24, п. 4]

‘И назад пошел по следу, откуда пришел Нутаписвусын.’

в. ə-nannə winnə irirvəŋ ɣ-erə-lin. [Кибрик 2000: т. 24, п. 5]

‘Он в обратную сторону пошел (след взял).’^{PK}

г. to ɕoro ɣa-ju?ə-lin, ipa`van jatə-tkən, irvirvəŋ japlu winv.Īpə-tkən.

‘И скоро встретил его, идет (Нутаписвусын), (а старик) следует в обратную сторону.’

В этом случае в процессе установления референции определяющую роль играют пространственные перемещения персонажей. Фактически это единственный способ установить референцию. На протяжении повествования в фокусе внимания два референта: ‘старик (прадед рассказчика)’ и ‘Нутаписвусын (шаман, мифологический персонаж)’. При этом лексические актуализаторы используются только в начале и в финале повествования. На протяжении всего остального текста оба референта прономинализованы. Характеризуя направление перемещения референта ‘старик’, рассказчик на протяжении всего фрагмента повествования использует наречие и глагол *irirvəŋ ɣ-erə-lin* ‘обратно след=взял’, в то время как референт ‘Нутаписвусын’ *jatə-tkən* ‘идет=IPFV’. Повторяя, что герой повествования *идет обратно по следу*, рассказчик способствует установлению референции, так как по следу Нутаписвусына в обратном направлении может идти только один референт – это ‘старик – прадед рассказчика’. Нутаписвусын же ездит на своей упряжке, где хочет.

Приведем еще один подобный пример дифференциации референтов при помощи наречия, указывающего направление движения:

(158) алют., вывен.; мифол. рассказ:
а. təla-tkən ʕətʕətkiŋ-ləʔə-n. [Кибрик 2000: т. 29, п. 43]
'(Шаман Инпа) ехал на собаках.'

б. ʎa-juʔə-lqiv ŋalvə.lʔə-n;aq, ʕətʕ=winv.ерə-tkən iʎu.lʔatə-tkən jena.ŋ
'Доехал до большого стада, (а) по собачьему следу (кто-то) собирался на-
встречу.'

В этом примере (158), как и в предыдущем (157), решающую роль в установлении референции играют наречия, указывающие направление движения. Установить, что в фокусе внимания находится уже другой референт (не шаман Инпа), можно только на основании того, что этот (другой) референт собирается навстречу (Инпе), т. е. это никак не может быть сам шаман Инпа.

Подобные случаи нельзя назвать референциально прозрачными, особенно для людей, не включенных в данную этническую культуру. Установление референциальных соответствий при помощи семантики наречий, указывающих направление движения референта, требует некоторой подготовленности слушателя к восприятию рассказа, его способности к моделированию пространственных перемещений референтов. И для кочевых, и для береговых коряков рассказы о путешествиях от стойбища к стойбищу на оленьих или собачьих упряжках были обычной практикой бытового разговора. По этой причине установление референциальных соответствий в подобных случаях не должно было вызывать сложностей.

2.2. Синтаксические факторы

Важную роль в разрешении референциального конфликта могут играть синтаксические факторы: 1) сохранение позиции подлежащего за одним из конкурирующих референтов и 2) использование имени одного из конкурирующих референтов в функции обращения.

2.2.1. Сохранение позиции подлежащего

Если в фокусе внимания находятся два референта и при этом лексические маркеры актуализации не используются, а грамматические не являются дифференцирующими, появляются основания для референциального конфликта. Конфликт предотвращается в том случае, если на протяжении фрагмента позиция подлежащего сохраняется только за одним из референтов.

В эргативных чукотско-корякских языках синтаксическим субъектом (подлежащим) является именная группа, выраженная абсолютивом: семантическая гиперроль пациенса (P) при переходном глаголе и субъекта (S) при непереходном глаголе.

В приведенном фрагменте в центре внимания два референта: референт¹ ‘охотник’, референт² ‘медведь’. В предложениях (159а – 159д) в актуальном фокусе внимания – референт¹ ‘охотник’, а далее в предложениях (159е – 159п) в фокусе внимания – референт² ‘медведь’. Проследим, как происходит поддержание референции:

(159) кор., чавч.; мифол. рассказ

а. *Гэг’экэв’лин.* [Жукова 1988: т. 9, п. 193 – 207]

үе=һеқew=lin

PP=отправаться=3sgS

‘Отправился (охотник).’

б. *Миңкэ лэги кулүәннин җәннәгәйүән, җәҗүэмльәнҗо.*

miŋkə ləyi ku-lŋ-ə-ŋ-nin ənnə-үәјŋ-ə-n һәқqе-ml’-ə-n’aqo

‘(Туда), где знал много рыбы, большой водоем.’

в. *Ҷанкау гэлэлин.*

ŋan=ka=ŋ үе=le=lin

там=OBL=DAT PP=идти=3sgS

‘Туда пришел.’

г. *Ҷанко айҗатийәнкэтәлькәҗ гатвагалән.*

ŋan=ko ajqat=jəŋket=ə=l’q=ə=k

там=LOC обрыв=ущелье=E=UPER=E=LOC

‘Там на береговом увале сел.’

үа=tvaya(l)=len

PP=сесть=3sgS

д. *Вәг’айок айгәвәнһүэтәү гэлилин.*

vəhajok ajvəven’ŋ=etəŋ үе=li=lin

потом вечер=LAT PP=вернуться=3sgS
'Потом к вечеру пошло.'

е. *Кэтау 'ут гэлэг 'улин йэңйэгэңйэв 'в 'эң куннэвэлэйкэлэн кайңанабу.*

kətaʊt үе=lehu=lin jəŋjə=үеŋ=jewweŋ ku=nnə=velejkəle=ŋ
вдруг PP=увидеть=3sgP обрыв=SUB=PROL PRES=рыба=следовать=PFV
кайңа-пацу
медведь=AUG

'Вдруг увидел (его), под увалом медведице преследует (плывущую) рыбу.'

ж. *То вг 'айок энэк чаммэн, йэңйэгэңкэн гэлэлин.*

to vəhajok əne=k čamm=ə=ŋ jəŋjə=үеŋ=kəŋ
и потом он=LOC близкий=E=DAT обрыв=SUB=DAT
үе=le=lin
PP=ходить=3sgS

'И потом ближе к нему, к увалу, подошел.'

з. *Зэнки гэнвиллин.*

ənki үе=nvil=lin
здесь PP=остановиться=3sgS
'Здесь остановился.'

и. *В 'олвэн котвэлаң.*

wolvəŋ ko=tvela=ŋ
поперек PRES=встать=PFV
'Поперек стоит.'

к. *Йақам анан ?эйэтэ нав 'тулқак гэмэллэқэйңэв 'лин.*

jaqam ə=nan əjət=e rawtu=lq=ə=k үе=mel=qejŋew=lin
сразу он=ERG лук=INSTR легкие=SUPER=E=LOC PP=внезапно=стрелять=3sgP
'Сразу он из лука в (то место, где) легкие выстрелил ему.'

л. *Йақам ?энки га?эньңалин.*

aqam ən=ki үа=hən'ŋal=lin
сразу он=LOC PP=упасть=3sgS
'Тотчас там упал.'

м. *Гэньчэймэв 'лин, этг 'у ганьяв 'йэв 'лэн қэйңэвэк.*

үе=n'čejm=ew=lin ethu qejŋev=ə=k
PP=CAUS=близкий=VBLZ=3sgP еще выстрелил=E=CV.loc
'Приблизился (к нему, чтобы) еще выстрелить.'

н. *То гэвиг 'элин.*

to үе=vih=ə=lin
и PP=умереть=E=3sgS
'И умер.'

о. Гауволен йэв'эньжэж.

ya=ɲvo=len jəwen'ɲə=k
PP=начать=3sgP свежевать=E=CV.loc
'Начал свежевать.'

п. Гэв'эньнэлин, гэнчичг'элин йэмальгу бэйльэ ?энмақал уйнэ чэчичгэқалг'ин, гауволен.

ye=nwen'ɲe=lin ye=nčičhel=lin jeməl'ɣu qejli ənma=qal
PP=свежевать=3sgP PP=осматривать=3sgP оказалось правдабедро=ABS.sg
ujɲe čečičɣə=kə=ɲh=in ya=pɲo=len
не мякоть=E=NEG=E=ATR=POSS.sg PP=высыхать=3sgS
'Освежевал (его), осмотрел (его) – в самом деле, правда, бедро без мякоти, высохшее.'

Процесс взаимодействия двух референтов ('охотника' и 'медведя') выражается при помощи форм двухвалентных глаголов:

ye=mel=qejɲew=lin PP=внезапно=стрелять=3sgP,

ye=n' =čejm=ew=lin 'PP=CAUS=близкий=VBLZ=3sgP,

ya=ɲvo=len jəwen'ɲə=k 'PP=начать=3sgP свежевать=E=CV.loc',

ye=nwen'ɲe=lin 'PP=свежевать=3sgP'

ye=nčičhel=lin 'PP=осматривать=3sgP'

В этих глаголах личным показателем глагола актуализирован референт² 'медведь', выступающий в роли Пациенса действия. Таким образом, на протяжении фрагмента (195) в актуальном фокусе внимания не два референта 'медведь' и 'охотник', а только один 'медведь'. Рассказчик на протяжении всего эпизода не переключает внимание на другого референта, это возможно благодаря использованию двухвалентных глаголов и сохранению позиции подлежащего за главным для данного фрагмента референтом. Интересно, что при переводе этого эпизода на русский язык референциальный конфликт неизбежно возникает, это связано с тем, что в русском языке глаголы 'стрелять' и 'приблизиться' являются непереходными. В русском языке в данной ситуации использовались бы маркеры переключения референции: 'Медведь поперек стоит. Охотник выстрелил. Медведь упал. Охотник приблизился к нему, снова выстрелил'. В корякском языке благодаря наличию субъектно-объектного спряжения можно передать эту же самую ситуацию взаимодейст-

вия двух референтов, поместив в фокус актуального внимания только одного из них, сохраняя за ним позицию подлежащего. Референциальный конфликт предотвращается.

Если референциальная цепочка прерывается авторским отступлением, то при восстановлении референции конфликт предотвращается в том случае, когда позиция подлежащего сохраняется за тем же референтом, что и до отступления. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к фрагменту (160) мифологической сказки (референт¹ ‘охотник’ и референт² ‘орел’).

(160) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Охотниката йэлэжтэнин тилмэтил йайтэтэң.* [Жукова 1988: т. 7, п. 55 – 58]

охотника=ta j=ə=ləqt=en=nin
охотник=INSTR CAUS=E=вернуться=VBLZ=3sgA+3P
тилмэ=ə=til jajt=etəŋ
орел=E=ABS.sg.red возвращаться.домой=CV.lat
‘Охотник принес орла обратно домой.’

б. *Этг’у мэтг’ан нэвонэн йэньмэчгэв’нэк, йэв’йэтэк.*

ethu metha=ŋ ŋəvo=nən
еще хороший=ADV начать=3sgA+3P
je=n’=mečy=ew=ŋ=ə=k
DES=CAUS=выздоровливать=VBLZ=DES=E=CV.loc
j=ewj=et=ə=k
CAUS=кушать=VBLZ=E=CV.loc
‘Еще лучше стал лечить, кормить.’

в. *Гэвэгэйңэн галай.*

yeve=yəjŋ=ə=n ɣala=j
прожить год=NMLZ=E=ABS.sg проходить=3sgS.PFV
‘Год прошел.’ (отступление)

г. *Иви:*

iv=i
говорить=3sgS.PFV
‘Сказал.’

В начале эпизода в фокусе внимания два референта: референт¹ ‘охотник’ и референт² ‘орел’. Оба референта в пределах одного предложения актуализированы при помощи номинаций [160a]. Рассказчик использовал эргативную конструкцию, при этом в синтаксической роли подлежащего высту-

пает Пациенс действия ‘орел’, а Агенс действия ‘охотник’ занимает в предложении позицию косвенного дополнения. Далее, в предложении (160б) позиция подлежащего сохраняется за Пациенсом действия, которому соответствует референт² ‘орел’. В предложении (160в) референциальная цепочка прерывается указанием рассказчика на истечение определенного периода времени и после этого восстанавливается. При этом переключения референции не происходит. В фокусе внимания продолжает оставаться референт² ‘орел’, и за ним снова закреплена синтаксическая позиция подлежащего. Таким образом, при помощи личных показателей глагола *iv=i* ‘говорить=3sg.PFV’ актуализирован референт² ‘орел’.

Возобновление референции по отношению к актуальному протагонисту не требует использования лексических номинаций. Референция восстанавливается в результате продолжения цепочки подлежащих, кодирующих одного протагониста.

Еще раз отметим, что в предшествующем референциальному конфликту контексте Агенсом действия является ‘охотник’, но для Говорящего (и для Адресата) предпочтительной трактовкой восстановления референции является не гиперроль Агенса, а синтаксическая роль подлежащего. Таким образом, в процессе восстановления референции синтаксическая роль более значима, чем семантическая гиперроль. Позиция Абсолютива является привилегированной. Эта тенденция наблюдается и в алюторском языке.

Приведенный эпизод (161) мифологического рассказа предполагает взаимодействие героя повествования Микифлю (референт¹) и персонажей *пикьльу* ‘прячущиеся’(референт²) . Однако в центре актуального фокуса внимания находится только один референт – Микифлю.

(161) ал., пал.; мифол. рассказ

а. *Булинык ?ынтагут Кақтыноу гэлъыллин.* Реф1S [Жукова 1980: т. 9, п. 33–43] ‘Однажды в Кахтану отправился [Микифлю].’

б. *Эмтэнкируэ* Реф1S *гэмивирру?лин.*

‘Когда подходил [к Кахтане], начало смеркаться.’

в. *Ктав’ут гаваломлэн в’йапсан.*

‘Вдруг услышал свист.’

г. *Уинно гэнвиллилин^{Реф1S}, галһыл ганволэн^{Реф1S} ?инэса?уткук.*

‘Он остановился, по сторонам начал оглядываться.’

д. *Элэ тын эла?ук лгыммен гэв’в’эв’лин.^{Реф1S}*

‘Ничего не увидел, опять пошел.’

е. *Микифлю тлэл?ын кытав’ут лэв’тык ганьыйпаллэн^{Реф1P} һыткит.*

‘Микифлю шедшему вдруг на голову надел кто-то мешок.’

ж. *Микиннэк этын гэмтэйплэн^{Реф1P} аатһа ганкыттальпаллэн^{Реф1P} пикль?a*

‘И кто-то (его) поднял, потащил (его) бегом прятавшийся.’

з. *Уимс гапкав’лэн^{Реф1S} тақин тэвиклыңки.*

‘Так и не мог вырваться.’

и. *Кытавен в’аямпһоткын гэнлэлин.^{Реф1P}*

‘До самого верховья реки (его) унесли.’

к. *В’аса нэнвилэтыткын^{Реф1P} нэттылткын^{Реф1P}.*

‘Иногда останавливают его, ставят его.’

л. *Увоткнэн^{Реф1A+Реф2P} тэла?ууки ла?улзу, пикль?у амплһуңал
тактэнлэлаткын^{Реф2S}.*

‘Пытается рассмотреть лица, пикыльу всегда становятся сзади.’

На протяжении всего эпизода этот референт¹ ‘Микифлю’ кодируется при помощи синтаксической позиции подлежащего, в результате происходит смена семантической гиперроли: Субъект – Пациенс – Субъект, а синтаксическая позиция подлежащего стабильно сохраняется.

Сохранение позиции подлежащего является средством предотвращения референциального конфликта. В представленном ниже фрагменте (162) в сфере внимания два протагониста: референт¹ ‘Микифлю’ и референт² ‘медведь’. За референтом² закреплена семантическая гиперроль Пациенса действия, что соответствует синтаксической роли подлежащего в эргативных кон-

струкциях. Согласно логике сюжета, в центре внимания этого эпизода не один, а два единичных референта – ‘Микифлю’ и ‘медведь’. Оба они прономинализованы. Казалось бы, появляются формальные основания для возникновения референциального конфликта, но он предотвращается за счет сохранения за каждым референтом определенной семантической гиперроли и соответствующей этой гиперроли синтаксической позиции. За референтом² ‘медведь’ закреплена роль Пациенса действия, которая на протяжении фрагмента не меняется.

(162) ал.; пал.; охот. рассказ

а. *Гаңволэн^{Реф2Р} айтатык кэйһни Микифлюнэк.* [Жукова 1980: т. 9, п. 27 – 32]
 ‘Стал погонять медведишку Микифлю.’

б. *Гэһкирэллин^{Реф2Р} полоған.*
 ‘Пригнал он его к палатке.’

в. *Витку ?ынки ганмылэн.^{Реф2Р}*
 ‘Только тогда убил его.’

Сохранение определенной гиперроли за одним референтом на протяжении фрагмента текста (и соответствующей этой роли синтаксической функции) позволяет обходиться без лексических референциальных актуализаторов.

При отсутствии лексических маркеров переключения референции синтаксическая роль референта должна сохраняться. В этом случае референциального конфликта не возникает (референт¹ ‘Куткыннюк’, референт² ‘лиса’)

(163) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Әһһәг’ан куткәһнеку нәвой йунәтәк йайолак.* [Жукова 1988: т. 11, п. 32– 33]
 әһ’әһһан qutkәnequ нәво=ј junet=ә=k jajola=k
 так PERS начать=3sgS.PFV жить=E=CV.loc лиса=LOC
 ‘Так Куйкынеку начал жить у лисы.’

б. *Кәв’йилг’әтәһ, әмәч нәвой ачг’атәк.*

k=ewji=lhet=ә=һ^{Реф1} емәс нәво=ј аһ=ат=ә=k
 PRES=кушать=НАВИТ=E=PFV даже начать=3sgS.PFV жирный=VBLZ=E=CV.loc

‘Питается, даже начал жиреть.’

За референтом¹ ‘Куткыннюку’ сохраняется гиперроль Субъекта действия, по этой причине референциального конфликта не наблюдается, хотя в сферу внимания попадает еще один референт² ‘лиса’, выступающий в роли локализатора, который, однако, не конкурирует с референтом, выступающим в роли Субъекта действия.

В изображении взаимодействия двух референтов, один на протяжении всего эпизода может занимать активную позицию, другой – пассивную. При этом переключение референции базируется на сохранении за активным референтом позиции Агенса, а за пассивным – позиции Пациенса. Лексически полные номинации востребованы только в самом начале смыслового фрагмента и в финале при изменении семантической гиперроли одного из референтов. В приведенном примере (164) на протяжении эпизода актуализация, в том числе и переключение референции между референтом¹ – ‘Куткыннюку’ и референтом² – ‘Мити, женщина=кэлэ’, осуществляется только за счет редуцированных анафорических средств, хотя в корякском языке нет грамматической категории рода, что могло бы способствовать выстраиванию референциального плана.

(164) кор. яз., чавч. диал.; мифол. сказка;

а. *Кэтау’ут Куйкэньнюкунак йавалэңҗо эвэклэнэн җаптик җав’кэлэ.* [Жукова 1988: т. 5, п. 57 – 61]

kətaʊut	<u>kujkən'n'aqu=na=k</u>	javɑl=ə=ŋqo	evəkɫ=ə= <u>nɛn</u>
вдруг	<u>Pers=SG=LOC</u>	сзади=E=ABL	стукнуть=E= <u>3sgA+3P</u>
qɑrti=k	<u>ɲaw=kele</u>		
спина=LOC	<u>женщина=кэлэ</u>		

‘Вдруг Куйкыннюку сзади ударил по спине женщину-кэлэ.’

б. *Йивэнин энно җилнэ энкайтэң.*

jive= <u>nin</u>	<u>ɛnno</u>	ɲilŋ=e	<u>ɛnka=jtɛŋ</u>
тащить= <u>3sgA+3P</u>	<u>он</u>	ремень=INSTR	<u>он=LAT</u>

‘Подтащил её (букв.: его) ремнем к нему (к себе).’

в. *Маль?эйавайтэң г’аг’айпэнин гэтгэңҗо.*

mal' =əjava=jtɛŋ	hahajp=ə= <u>nin</u>	γətγ=ə=ŋqo
------------------	----------------------	------------

немного=далеко=LAT волочить=E=3sgA+3P озеро=E=ABL
 ‘Подальше оттащил он ее (букв.: его) от озера.’

г. *Экминин в’ала, наукач чичанин пэлгэжэ кэта в’ан эв’талайтэж.*

ekmi=nin wala naŋk=ə=n čiča=nin
 брать=3sgA+3P нож живот=E=ABS.sg вспороть=3sgA+3P
 pely=ə=ŋqo kəta-wan ewtəla=jtəŋ
 горло=E=ABL до.тех.пор внизу=LAT
 ‘Взял нож, живот вспорол от горла до низа.’

д. *Нанко каланалгэжэ, мэмэлвэг’айэжэ нэтой пэнин Мити ...*

ŋan=ko kala=naɣ=ə=ŋqo meməl=vəhaj=ə=ŋqo ŋəto=j
 тот=LOC кэлэ=шкура=E=ABL вода=трава=E=ABL выйти=3sgS.PFV
penin miti
прежний Pers

‘Потом из шкуры кэлэ, из водяной травы вышла прежняя Мити...’

Сюжетный ход этого эпизода предполагает взаимодействие двух персонажей. В этом взаимодействии один референт¹ *Куткыннюку* занимает активную позицию, другой референт² *Мити* – пассивную. И это отражается в выборе семантических гиперролей Агенса (для Куткыннюку) и Пациенса (для Мити) на протяжении всего эпизода. Но как только происходит смена семантической гиперроли Пациенса на роль Субъекта действия, требуется лексически полная номинация данного референта (164д).

На протяжении всего эпизода использованы были только редуцированные анафорические средства. Рассмотрим более детально одно предложение из этого фрагмента:

(165) кор., чавч.; мифол. сказка

Йивэнин энно нилнэ энкайтэж. [Жукова 1988: т. 5, п. 58]

jive=nin энно^{Реф2/P} ŋilŋ=e эн=ka=jtəŋ^{Реф1/A}
 тащить=3sgA+3P он ремень=INSTR он=OBL=LAT
 ‘Подтащил его ремнем к нему (к себе).’

Антецеденту-контролеру (*Куткыннюку*) в данной предикации соответствует семантическая гиперроль Агенса действия, что выражено глагольным показателем: *jive=nin* ‘тащить=3sgA+3P’. Далее в этой же предикации использовано анафорическое местоимение *энно* ‘он’ в падежной форме Латива

ən=ka=jtəŋ ‘он=OBL=LAT’, этому референту соответствует синтаксическая роль конечной точки перемещения. Парадокс заключается в том, что местоимение *ən=ka=jtəŋ* ‘он=OBL=LAT’ также актуализирует референта¹ ‘Куткыннюк’. Это действительно сложный и интересный случай. В русском языке если Агенс выражен местоимением *он* и в качестве косвенного дополнения используется личное местоимение 3-го лица *к нему*, то референты этих двух местоимений не совпадают [Кибрик 1988: 6].

В данном случае использование личного местоимения в роли Директива-финиша функционально соответствует возвратному местоимению русского языка: *Он привел меня к себе*. Однако, как известно, в русском языке контроль возвратных местоимений характерен только для подлежащих, а здесь наблюдается кореферентность между Агенсом (косвенное дополнение) и Директивом-финишем (обстоятельство), свидетельствующая о наличии некоторых свойств подлежащего у Агенса в чукотско-корякских языках

В ситуации противоборства двух протагонистов происходит перемещение фокуса референции, в этом случае смена семантических гиперролей взаимодействующих референтов неизбежна. Для того чтобы избежать референциального конфликта, в подобных ситуациях используется надежное средство референции – лексические актуализаторы. Текст, из которого приведен данный ниже фрагмент (166) невозможно квалифицировать в соответствии с жанровой классификацией. Никаких явных жанровых признаков у него нет. Но этот текст нельзя назвать и бытовым рассказом: в выстраивании референциального плана бытового рассказа существенное место занимают редуцированные актуализаторы. Избыточное использование однозначных лексических актуализаторов позволяет думать, что этот текст искусственный, выстроенный рассказчиком сознательно по заказу собирателя. В примечании к этому тексту есть пометка: «перевод с русского» [Кибрик 2000: 176]. Тем не менее, приведем этот текст целиком, чтобы продемонстрировать, каким реальный текст не может быть никогда (референт¹ ‘Камав’, референт² ‘Яттиген’).

(166) ал. выведен; жанр не определен

а. **qamav-nti** to **jattiyə-nti** ʧa-tkəŋav.sil-lina-t qura-kjita. [Кибрик 2000: т. 41, п. 1–9]
‘Камав и Яттиген поссорились из-за оленей.’

б. **qamav-ənak** akmi.n-**ni**-n miɬyə.ʧəɾ, nuta.l(ɟ)qə-k rəltiɬ-ləʔə-n.
‘Камав взял ружье, которое лежало на земле.’

в. ən.ki mal-evəklə-**ni**-n lotə-k **jattiyə-n**.
‘Потом сильно ударил по голове Яттигена.’

г. **jattiyə-ənak** uvik akmi.n-**ni**-n lɟotə-jit.
‘Яттиген схватился за голову.’

д. lɟəʃu.lɟəɬ-yəp təɬyɛ-yiŋ-yəp mullə=tʃə-lqi to jitə-lqi nuta.lɟə-ŋ.
‘По лицу из-под пальцев кровь полилась и капала на землю.’

е. **jattiyə-n** sem.av-i **qamav-ənaŋ** to ʧətka-ta kenan-**ni**-n nanqə-k.
‘Яттиген приблизился к Камаву и пнул его ногой в живот.’

ж. **qamav-ənak** uvik akmi.n-**ni**-n nanqə-kjit məŋy-a.
‘Камав взялся за живот рукой.’

з. ən.ki **qəməv-ənak** akmi.n-**ni**-n **jattiyə-n** tiɬrə-jit to t.iŋlə-ni-n qəŋjavyiŋ-kəŋ.
‘Потом Камав схватил Яттигена за плечо и сбросил в овраг.’

и. **jattiyə-n** janut in-akmi.t-i uttə-k, ajevaq pəkav-ni-n uttə-ʔut t-akmi.n-ŋə-k.
‘Яттиген сначала схватился за куст, но не смог куст удержать.’

В этом тексте хорошо видно, как рассказчик стремится выстроить референциальные соответствия. Смещение фокуса внимания в этом тексте каждый раз сопровождается употреблением лексического актуализатора. Но такая частота использования имен собственных на протяжении небольшого фрагмента текста не характерна для естественных устных рассказов.

Интересно, что в фольклорных текстах и в автобиографических рассказах подобных эпизодов, когда в равной степени активны два референта, практически не встречается. Если даже в тексте описана драка двух референтов, все равно один из дерущихся занимает активную позицию, другой – пассивную, благодаря этому референциальный конфликт предотвращается.

Приведем фрагмент, описывающий противоборство двух персонажей мифологической сказки. В центре внимания приведенного ниже эпизода два референта: референт¹ ‘Ое’ (главный герой повествования), референт² ‘силач’.

(167) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Гапэннилэн найэн Кагэнканин энживэлг’эн, куг’этән иктальжак.* [Жукова 1988: т. 12, п. 83 – 87, 90 – 94]

ya=penni=len ηajen kaγənkan=in enqiv=ə=lh=ə=n
 PP=напасть=3sgP тот Pers=POSS.sg сильный=E=ATR=E=ABS.sg
 k=uhet=ə=η ikt=ə=l’q=ə=k
 PRES=ждать=E=PFV лед=E=SUPER=E=LOC
 ‘Бросился на того Кагынканова силача, ждущего на льду.’

б. *Йақам Ойэнак кив’үәнин – ньче гэммо цэняпэнниткогэ.*

jaqam oje=na=k k=iw=η=ə=ηin p’če γəmmo
 сразу Pers=SG=LOC PRES=говорить=PFV=E=3sgA+3P пусть! я
 q=en’a=penni=tko=ye
 2A.IMP=1sgP=напасть=ITER=3sgA

Сразу Ое говорит ему - сначала на меня ты нападай.

в. *Г’энживэлг’э гаңволэн пэнниткок Ойэчгән, эвәнг’ат комчечг’атән.*

enqiv=ə=lh=e γa=ηvo=len penni=tko=k
сильный=E=ATR=INSTR PP=начать=3sgP напасть=ITER=CV.loc
 oje=çy=ə=n evənhat ko=mçe=çhat=ə=η
Pers=PEJOR=E=ABS.sg уже PRES=устать=INTENS=E=PFV
 ‘Силач начал нападать на Ойку, на самом деле из сил выбивается (силач).’

г. *Вг’айок г’энживэлг’эн гэв’үволэн:*

vhajok enqiv=ə=lh=ə=n γew=ηvo=len
 наконец сильный=E=ATR=E=ABS.sg PP=сказать=INC=3sg.S
 ‘Потом силач заговорил.’

д. *«То гәччи тыконтәнмав’ги тыкопкав’ги йәглавәк».*

to үәççi tə=ko=n=tenm=aw=γi
 и ты 1sg.A=PRES=CAUS=мерка=VBLZ=2sg.P
 tə=ko=rkaw=γi j=ə=γl=av=ə=k
 1sg.A=E=PRES=не мочь=2sg.P CAUS=одолевающий? =VBLZ=E=CV.loc
 ‘А тебя я испытал, я не могу тебя одолеть’.

...

е. *То һанко Ойэ эвәү:* [Жукова 1988: т. 12, п. 90 – 94]

to ηan=ko oje ev=ə=η
 и там=LOC Pers говорить=E=CV.dat
 ‘А потом Ое сказал.’

ж. *«Тоҕ, цамалулвәги, гәмняҕ мәүвогэ пәнһитыккок».*

tok q=ə=mal=ulv=ə=γi үэм=п'аг
 ну 2.A.IMP=E=полностью=держаться=E=2sgP я=AUG
 m=ə=ηvo=ye pen'ni=t'ko=k
 1sgA.IMP=E=начать=2sgP нападать=ITER=CV.loc
 '«Ну держись хорошенько, теперь я начну на тебя нападать».'

з. То г'энживэлг'эн гатгинав'лэн Ойэнак гамаллэкпэннилэн.

to henqiv=ə=lh=ə=n ya=tyip=aw=lin
 и сильный=E=ATR=E=ABS.sg PP=внимательный=VBLZ=3sgP
 oje=na=k ya=mal=lək=penni=lin
 Pers=SG=INSTR PP=полностью=быстро=напасть=3sgP
 'И на силача опытного Ое напал.'

и. Чг'эчэн гамалэнкамлилв'ийив'лин то йақам г'энживэлг'эн,
 гамалэмтэйпэлэн то гэмэлэнпэткэв'лин иктальқак эмлэв'тэ.

čheceŋ ya=mal=ə=n=kamlil=wiji=w=lin
 несколько раз PP=полностью=E=CAUS=круг=VBLZ.intens=VBLZ=3sgP
 to jaqam henqiv=ə=lh=ə=n ya=mal=emtejp=ə=lin to
 и сразу сильный=E=ATR=E=ABS.sg PP=полностью=взвалить=E=3sgP и
 ye=mel=ə=n=pətk=ew=lin ikt=ə=l'q=ə=k
 PP=полностью=E=CAUS=ударять=VBLZ=3sgP лед=E=SUPER=E=LOC
 em=lewt=e
 только=голова=INSTR
 'Несколько раз перевернул его и сразу силача поднял и ударил его об лед
 прямо головой.'

к. Лган гав'йаңтольг'аллэн.

lyan ya=wja=ηto=l'hal=lin
 даже PP=воздух=выходить=HABIT=3sgS
 'Даже дух испустил.'

Рассказчик стремится избежать референциальной неоднозначности, возникающей в том случае, если в фокусе внимания два в равной степени активных протагониста. Изображая процесс противоборства, рассказчик закрепляет за одним референтом гиперроль Агенса действия, а за другим – Пациенса действия. Происходит смена активности двух референтов. Сначала активную позицию занимает силач, за этим референтом сохраняются семантическая гиперроль Агенса действия (167в – 167д), затем, активность переходит к Ое (167е – 167к). Силач уже кодируется через роль Пациенса действия, чему соответствует функция подлежащего.

2.2.2. Обращение как средство компенсации

диалогического референциального конфликта

В ситуации диалогического референциального конфликта использование обращения в рамках актуальной речи персонажа служит свидетельством того, что эту реплику он точно произнести не мог. Риторическое обращение к самому себе в корякских фольклорных текстах не встречается.

Использование имени собственного в функции обращения помогает выстроить референциальный план моделируемых диалогов. В приведенном ниже фрагменте текста в центре внимания – два референта: референт¹ ‘Мыткусылын’ и референт² ‘Куткыннюку’. При моделировании диалога этих героев рассказчик не использует авторских ремарок для пояснения, кто какую реплику произносит. Выстраиванию референциальных соответствий способствуют: 1) вопросно-ответная структура диалога, 2) строгая очередность реплик персонажей, 3) использование обращений в составе реплики; 4) распределение функций фольклорных персонажей (герой – помощник).

(168) ал., вывен.; мифол. сказка

а. “үәттә қәсән **məku**, taqə-lqi(v-i).”^{Реф2} [Кибрик 2000: т. 9, п. 20–22]
«Оказывается, (это) ты, Мыку, что с тобой (случилось)?»

б. “qəq, keŋ-a t-ina-n.u-ŋ-i, t-ina-toli-ŋ-i, waj toil=pujyə-n tə-prə-tkə-n, t-ina-toli-ŋ-i to t-ina-n.u-ŋ-i.”
«Медведь меня собирается съесть, пожарит меня, вот палочку для жарки выдерну, (тогда) он меня пожарит и съест.»

в. “ya-r.et-ō, **məku**, kətvə a-tirŋ.at-ka, tə-ta-wintat-үәт.”^{Реф2}
«Иди домой, Мыку, не плачь, я тебе помогу.»

Обращение является косвенным средством актуализации референта, произносящего реплику. То есть: реплику произносит не тот референт, имя которого используется в качестве обращения. А так как в устных текстах, как правило, моделируется диалог двух (а не трех и более) референтов, то ис-

пользование обращения позволяет методом исключения точно установить, кому принадлежит данная реплика.

2.3. Текстуальные факторы

Текстуальные факторы разрешения референциального конфликта обусловлены исходным модусом текста. Если письменный текст предполагает авторскую правку, исправления, зачеркивания, о которых после уничтожения исходного варианта судить невозможно, то в устном тексте все оговорки и их исправления остаются в тексте. Благодаря этому можно проследить, как рассказчик моделирует свое повествование и, в частности, как компенсирует возникший референциальный конфликт.

2.3.1. Вставной эпизод (рамочная структура текста)

Говорящий, ориентируясь на слушателей, стремится устранить или компенсировать референциальный конфликт. В этом отношении очень показателен фрагмент (169) мифологической сказки, в котором зафиксировано, как рассказчик исправляет свое повествование. Устный рассказ соответствует 'внутреннему зрению' говорящего. Рассказчик переходит от одного эпизода к другому. Если говорящий вдруг, забежав вперед, допускает лакуну в последовательной передаче событий и сам понимает это, то он может посредством рамочной структуры представить новых, необходимых для развития сюжета референтов и восстановить логику повествования. Таким образом, референциальный конфликт разрешается при помощи вставного эпизода (референт¹ 'Куткыннюку', референт² 'девушка, старшая из двух сестер', референтная группа³ – 'братья', референтная группа⁴⁽²⁾ – 'сестры', в состав этой группы входит референт²; **наложение способов актуализации референтных групп**; границы рамочной структуры обозначены скобками [...]).

(169) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Буйкэнеку инеч гачанэталлэн, лаган в'элу гэнг'элли то гэишэлин.* [Жукова 1988: т. 11, п. 58 – 64]

qutkənequ ineč γa=čaŋetal=len ləγan welv=u
Pers довольно PP=испугаться=3sgS даже ворон=EQU
γe=nhel=lin to γe=jine=lin
PP=становиться=3sgS и PP=лететь=3sgS
‘Куйкынеку так испугался, даже в ворона обратился и взлетел.’

б. *Йэналг'анма кулэг'уунин: кувыччетан мэлгэян то милцэмил гэмэл-личг'элли тэв'г'элэ.*

jeŋa=lh=an=ma ku=lehu=ŋ=nin
лететь=ATR=VBLZ=CV.sim PRES=смотреть=PFV=3sgA+3P
ku=vəččət=ə=ŋ məly=ə=ja=n to milq=ə=mil
PRES=виднеться=E=PFV дерн=E=дом=ABS.sg и вешала=E=Abs.sg.red
γe=mel=ličhel=lin tewhel=e
PP=полностью=наполнять=3sgP юкола=INSTR
‘Когда взлетел, увидел: виднеется землянка и вешала, заполненные юколой.’

в. *Вагалэ милцэлякэк, нэвонэн тэв'г'элу уийуткук.*

vaγal=e mil'q=ə=l'q=ə=k ŋəvo=nen
сесть=3sg.PFV вешала=E=UPER=E=LOC начать=3sgA+3P
tewhel=u urju=tku=k
юкола=ABS.pl укусить=ITER=CV.loc
‘Сел на юкольник, стал юколу клевать.’

г. *Вэг'айок нэтой мэлгэянжу...*

vəhajok ŋəto=j^{PK} məly=ə=ja=ŋqo
потом выйти=3sg.PFV дерн=E=дом=ABL
‘Потом вышел / вышла из землянки...’

д. *Нанэнмэлгэяк гайонаньнэволэнав' нэччез зайтакальнэйэчг'эт то нэччез чакэтэйэчг'эт.*

[ŋanən məly=ə=ja=k γa=jonan'=ŋəvo=lena=w ŋəččeq
этот дерн=E=дом=LOC PP=жить=INCH=3nsgS=PL два
qajtakal'ŋ=ə=jəčh=ə=t to ŋəččeq čaket=ə=jəčh=ə=t
брат=E=NMLZ.collect=E=ABS.du и два сестра=E=NMLZ.collect=E=ABS.du
‘В той землянке жили два брата и две сестры.’

е. *Байтакално гатагэиниэлкив'линав'.*

qajtakalŋ=o γa=ta=γəjni=ŋ=ə=lkiw=lina=w]
брат=ABS.pl PP=VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=E=INCH=3nsgS=PL
‘Братья на охоту ушли.’

ж. *Нэтой энпэчг'эн чакэгэт то нэвонэн в'эллэ в'эв'в'а цэйнэвэк.*

ŋəto=j ənp=ə=čh=ə=n čakəγet to
выйти=3sgS.PFV старый=E=ATR=E=ABS.sg сестра и
ŋəvo=nen wellə wəww=a qejnev=ə=k
начать=3sgA+3P ворона камень=INSTR стрелять=E=CV.loc

‘Вышла старшая сестра и стала бросать в ворона камнями.’

Стремление рассказчика предотвратить референциальный конфликт побуждает его последовательно представить новых референтов, употребив при этом однозначную номинацию. Интродуктивная референция оказывается исчерпывающей по своей полноте. Референциальный конфликт предотвращен. Возникает рамочная структура: основная сюжетная линия [вставной эпизод] основная сюжетная линия:

*vəhajok ηato=**j^{PK}**məlyəja=ηqo* ‘потом вышел / вышла из землянки’

[вставной эпизод]

*ηato=**j ənp=ə=čh=ə=n čakəyet* ‘вышла старшая сестра’

Приведем еще один пример введения референтов в рамках вставного эпизода (референт¹ ‘охотник, сын’, референт² ‘старик, отец’, референт³ ‘старуха, мать’; референтная группа⁴ ‘старик и старуха’).

(170) кор., мифол. рассказ

а. *Кəтав’ут гапкийлин, ənpəqlavol ηайηэн кувитькун.* [Жукова 1988: т. 9, п. 77 – 79, 95 – 97]

kətauwut *γa=pkij=lin* [*ənp=ə=qlavol*] *ηajηən*
вдруг PP=приходить=3sgS [старый=E=мужчина] снаружи .
k=u=čvi=t’ku=η^{Реф2}

PRES=дерево=резать=ITER=PFV

‘Тут пришёл (охотник), старик снаружи дрова рубит.’

б. *Кəтав’ут гальяплин мэки купкийəн, габайгиталин.*

kətauwut *γa=l’l’ap=lin* *meki* *ku=pkij=ə=η*
вдруг PP=смотреть=3sgP кто PRES=приходить=E=PFV
γa=qaj=γita=lin
PP=DIM=смотреть=3sgP

‘Тут увидел его, кто-то подходит, присмотрелся.’

в. *Вэтга гэйэлэив’лин ənpəjavəн гив’лин:*

vetγa *γe=jelqiw=lin* *ənp=ə=ηav=ə=η* *γ=iw=lin*
сразу PP=входить=3sgS старый=E=женщина=E=DAT PP=говорить=3sgP

‘Сразу вошел в дом, старухе сказал.’

...

г. *Гаутолэнат.* [Жукова 1988: т. 9, п. 95 – 97]

γa=ηto=ləna=t^{Реф2Реф3}
PP=выходить=3nsgS=DU

‘Вышли (вдвоем).’

д. *Йэмальгу ?анно купкийәү.*

jetəl'yu әнно ku=pkij=ə=η
оказалось он PRES=приходить=E=PFV
‘Действительно, он подходит.’

е. *Әнпәүэв' бәмәк йалкойтәү кугәнтәвәү, куйимгамгәтәү.*

әп=ə=ηew qəmek ja=lko=jtəη ku=yəntev=ə=η
старый=E=женщина почти дом=IN=LAT PRES=бежать=E=PFV
ku=jimyəmü=et=ə=η]
PRES=напуганный=VBLZ=E=PFV]
‘Старуха чуть в дом не убежала, испугалась.’

ж. *Йэмальгу гәчеймәв'лин, гакумңалин:*

jetəl'yu ye=čejm=ew=lin ya=kumŋa(l)=lin
оказалось PP=близкий=VBLZ=3sgS PP=крик=3sgS
‘Действительно, приблизился, закричал.’

В предшествующем предложению (170а) тексте речь шла об охотнике, который возвращается домой к родителям. В начале предложения (170а) рассказчик использует форму причастия прошедшего времени $ya=pkij=lin$ ‘подошёл’, эта форма указывает на завершенность действия. Но, употребив эту форму, рассказчик нарушает логику повествования. Он должен был еще рассказать о том, что родители не узнали подходящего к дому сына. Для того, чтобы это объяснить, рассказчику необходимо возобновить актуализацию других референтов. Таким образом, вводятся референт² ‘старик’ и референт³ ‘старуха’. Актуализация этих референтов происходит путем прерывания цепочки последовательных действий главного протагониста:

kətauwit ya=pkij=lin ‘вдруг (охотник) подошёл’

[вставной эпизод]

jetəl'yu ye=čejm=ew=lin ya=kumŋa=lin ‘действительно (охотник) приблизился, закричал’

Если в письменном тексте есть возможность исправить недосказанность, зачеркнуть начатый преждевременно эпизод, то устный текст такой возможности не предоставляет. Допустив лауну, рассказчик может компен-

сировать ее, прибегнув к вставному эпизоду, в рамках которого вводятся необходимые для развития дальнейшего сюжета референты. При этом интродукция (первичное представление) или восстановление актуализации референтов требует использования однозначных номинаций. Использование таких рамочных структур характерно для устной речи. Референциальный конфликт снимается возвратом к прерванному эпизоду.

2.3.2. Степень протагонизма референта

Центральный протагонист может вводиться в любом месте текста, в любое время, так как в контексте фольклорного сюжета он занимает приоритетную позицию. Это подтверждает положение дискурс-анализа, сформулированное А. А. Кибриком: референт, являющийся главным протагонистом, то есть находящийся в главном фокусе, легко возвращается в локальный фокус [Кибрик 1988].

В роли субъектов действия могут выступать не только главные герои повествования (люди, животные, мифологические персонажи), но также и предметы. При этом второстепенные субъекты действия не вступают в конкуренцию с главным героем повествования даже в том случае, если формально возникают условия для референциального конфликта.

Второстепенные эпизодические персонажи могут быть определены с меньшей степенью конкретности. Эта неравномерность распределения степени конкретизации героев повествования вполне закономерна. В ситуации референциального конфликта приоритетную позицию также занимает более определенный референт, как правило, это соотносится и с его более высокой степенью протагонизма.

В приведенном ниже фрагменте (171) в фокусе внимания находятся два референта: референт¹ ‘Амамкут’ и референт² ‘плохой человек’. Эти референты неравноправны, в тексте они определены с разной степенью конкретности, слабая определенность референта² связана с тем, что ‘плохой человек’ –

персонаж, играющий второстепенную, эпизодическую роль, в то время как Амамкут входит в число главных персонажей не только этого текста, но и всего повествовательного фольклора коряков. В ситуации референциального конфликта приоритетную позицию занимает более устойчивый для данной повествовательной традиции персонаж. Постоянные персонажи (Куткынняяку, Эмэмкут, Мити) всегда находятся в сфере внимания слушателей, поэтому референциальный конфликт решается в пользу этих персонажей.

(171) кор., кам.; мифол. сказка

а. *Амамзут гаңотав'лэн, гаңволэн вэаталг'атэк.* [Жукова 1988: т. 29, п. 6–18]
'Амамкут рассердился, стал работать.'

б. *Йэжэ аму галалэн г'ачин г'уйэмтэв'илг'эн накаллалзэн.*
'Что ж, какой-то шел плохой человек, озорной.'

в. *Гаңволэн пэньнятэлыг'атэк Амамзутэнайтэу.*
'Стал нападать на Амамкута.'

г. *Вэг'айок гаңотав'лэн Амамзут уанэннайтэу.*
'Наконец рассердился Амамкут на того.'

д. *Куньнныг'элитькууннин найэн г'атькэн г'уйэмтэв'илг'эн, гэньзуймэвийшлин то г'элг'эла зуйам гэичг'элин.*
'Толкнул того плохого человека, штаны ему спустил и снегом набил.'

е. *Найэн г'уйэмтэв'илг'эн гаңволэн тэйңатэк.* Реф2
'Тот человек стал плакать.'

ж. *Гаңволэн гэйивук, эвэу.* Реф2
'Стал ругаться, говорит.'

з. – *Йиңататэмтильг'эн навакэк гэнан зэйум наг'акмитэн, кутакат-гульг'энуң гэмкайтэу.* Реф2
'– Северного сияния дочь ты ни за что не возьмешь, силача корчишь передо мной.'

и. *Йэзэ гэйэлэив'лин, гайэлтэлин^{PKPef1}, актэка энъиситэ нэнэмгэмгав'нэн.*
'Что же, вошел в ярангу, лег, не может отец наладить разговор.'

к. *Нанко ганволэн энъиситэ кэтг'айуак:*
'Потом стал отец ругать его.'

л. – *Йэзи г'ам малуотавэ гэмкайтэу?*
'– Что же ты внезапно рассердился на меня?'

м. *Наен гамгэмгалэн, гив'лин:*
'Тот откликнулся сказал.'

н. – *Г'ачен г'уйэмтэв'илг'эн гэмкэу копэньнильг'атэу.* '– Плохой человек на меня нападает.'

Казалось бы, после того, как за референтом² 'плохим человеком' в пределах миниконтекста утвердилась роль Субъекта действия (171е,ж), произнесенная им реплика (171и) должна закрепить его приоритетность, однако главный герой Амамкут возвращается в фокус актуального внимания без использования лексического актуализатора (предложение 171и), так как главный герой занимает доминирующую позицию на протяжении всего повествования. Но, кроме этого, неконкурентоспособность референта 'плохой человек' связана и с низкой степенью его определенности по сравнению с референтом Амамкутом.

В эпизоде развития действия один референт может быть подан как бы через восприятие другого референта. Приоритетная роль в процессе актуализации сохраняется за тем референтом, через восприятие которого изображается ситуация. В приведенном эпизоде два неравноправных референта: референт¹ 'охотник, главный герой мифологического рассказа', референт² 'некто, к кому упал заблудившийся охотник':

(172) кор., чавч.; мифол. рассказ

а. *Дэлв'эгилилг'эн гэлв'улин? айавак нэйльзэк.* [Жукова 1988: т. 9, п. 6, 17 – 20]

а. əlwe=yili=lh=ə=n

γ=əlw=u=lin

дикий.олень=искать=ATR=E=ABS.sg

PP=дикий.олень=VBLZ.добыть=3sgP

əjava=k ɲej=l'q=ə=k
далеко=LOC гора=SUPER=E=LOC

‘Промышляющий диких оленей добыл диких оленей далеко на вершине горы.’

...

б. *Кэтав’ут гайаллин зоҗйолгэк нючельҗэчэку.* [Жукова 1988: т. 9, п. 17 – 20]

kətaʋut ɣ=ajal=l̩in
вдруг PP=упасть=3sgS
qoq=joɮɣ=ə=k nuʃe=l'q=ə=ʃəku
дыра=NMLZ.вместилище=E=LOC тундра=SUPER=E=IN
‘Вдруг упал в яму в земле.’

в. *Йақам җанькачэко омка тэҗэн йәннә ков’йәнтоң вуткэчэку.* [Жукова 1988: т. 9, п. 18]

jaqam ɲan=ka=ʃəko om=ka teqən jənnə
сразу там=OBL=IN теплый=PRED словно что
ko=wje=ɲto=ɲ vutq=ə=ʃəku
PRES=дыхание=выходить=PFV темнота=E=IN
‘Сразу там (внутри) тепло, как будто кто-то дышит в темноте.’

г. *Җиньват энно гигумав’лин, гаңволэн четкэйуңкә:* [Жукова 1988: т. 9, п. 19]

qin'vat ənnə^{PK} ɣ=iɣum=aw=l̩in ɣa=ɲvo=l̩en ʃet'kejuɲ=kə
сразу он PP=спокойный=VBLZ=3sgS PP=начать=3sgS думать=CV.loc
‘Что ж, он успокоился, стал размышлять.’

д. – *Минҗэйэ-җа тг’итэк?* [Жукова 1988: т. 9, п. 20]

miŋqəje-qa t̩=h=it=ə=k
как-же 1sgS=CON=быть=E=1sgS.PFV
‘– Как же мне быть?’

В тексте мифологического рассказа главным героем повествования является охотник. В предложении б он актуализирован при помощи атрибутива *əlwe=ɣili=lh=ə=n* ‘диких оленей ищущий’. Далее на протяжении всего фрагмента [Жукова 1988: т. 9, п. 6–17] этот референт¹ актуализуется только при помощи грамматических показателей. В предложении (172в) в фокус внимания попадает референт². Интрига сюжетного повествования требует использования неопределенного лексического актуализатора: *jənnə* ‘что-то, не человек’. В соответствии с линейным расстоянием, анафорическое местоимение ближе к антецеденту *jənnə* ‘что-то, не человек’. Но приоритетную позицию занимает референт¹ ‘охотник’, так как референт² в данном фрагменте актуа-

лизирован через восприятие референта¹. Поэтому анафорическое местоимение использовано, скорее, для актуализации референта¹.

В этом фрагменте разрешению референциального конфликта также способствует понимание динамики повествования: референт¹ ‘охотник’ упал в яму, значит, именно он и ‘успокоился’. Действие и локализатор $\gamma=ajal=\underline{lin}$ $qoq=joly=\partial=k$ ‘упал в яму’ (в фокусе внимания референт¹) семантически уравнивается действием $\gamma=i\dot{u}im=aw=\underline{lin}$ ‘успокоился’. Логично, что в фокусе внимания снова референт¹.

Главный герой повествования, обладающий высокой степенью протагонизма, – вне конкуренции, он занимает доминирующее положение в референциальном плане текста. Благодаря этому, рассказчик может в течение длительного периода повествования не пользоваться лексическими актуализаторами для актуализации главного героя. В то же самое время, актуализация второстепенных персонажей требует использования лексических актуализаторов. Приведем характерный пример. На протяжении длительного фрагмента текста главный герой не назван, назван тот референт, по отношению к которому совершает действия главный герой повествования (референт¹ ‘муж, главный герой рассказа’, референт² ‘жена’).

(172) ал, пал.; миф. рассказ

а. *Мэтэвын лыгыммэн ганволэн у?атык **нэв’?ан**.* [Жукова 1980: т. 16, п. 133 – 141]
‘На другой день (муж) начал ждать жену.’

б. *В’энын гэниңлылин в’ала.*
‘На дорогу (муж) бросил нож.’

в. ***Нэв’?ан** ?им эл тэңын эвикликэ.*
‘Жена же никак не откликнулась.’

г. *Тыңлынин в’ала.*
‘Отбросила нож.’

д. *Вэт витьку-?ын нывоййа ?айнэк ?орачикмачиң.*
‘Вот тут впервые (муж) заплакал по-мужски.’

е. *Тыттэль гаҥволэн кырурэвык.*

‘Очень стал (муж) тосковать.’

ж. *Гатайавачҥылин.*

‘Решился (муж) на последнее.’

з. *Гэниҥлылин уппи.*

‘Бросил (муж) деревянный гребень.’

и. *Нэв’?ан гагалалэн,?им эл эллекэ гиллин.*

‘Жена прошла, даже не посмотрела.’

В приведенном фрагменте в фокусе внимания два референта: референт¹ ‘муж’ и референт² ‘жена’, учитывая, что в аляutorском языке местоимение 3-го лица не дифференцируется по половому признаку референта, есть основания говорить о гипотетических условиях для возникновения референциального конфликта. Но высокая степень протагонизма главного героя повествования ‘муж’ позволяет все референциально конфликтные ситуации разрешать в его пользу. То есть возвращение главного героя в актуальный фокус внимания не требует никаких лексических средств, в то время как возвращение в актуальный фокус внимания второстепенного персонажа (жена, нож, гребень) обязательно требует использования лексических актуализаторов.

Приведем еще один подобный пример (173) из мифолгической сказки. В рамках эпизода главный протагонист – парень Ака (референт¹). Интродуктивная референция этого персонажа осуществляется в самом начале текста при помощи имени собственного. Далее при помощи лексических номинаций последовательно вводятся референт² ‘старик нинвит (злой дух)’ и референт³ ‘старуха, жена нинвита’ (173в). Все три референта взаимодействуют между собой. Референтная группа ‘собаки’ не участвует в референциальном конфликте, так как грамматические показатели числа предотвращают появление референциального конфликта между единичным референтом и референтной группой.

Мы не приводим весь эпизод целиком. Но важно отметить, что на протяжении всего фрагмента [Жукова 1988: т.16, п. 3–30] лексический актуализатор для представления референта¹ ‘Ака’ используется только один раз – в предложении 3 (173а).

(173) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Гэг’эжэв’лин Ажачган.* [Жукова 1988: т. 16, п. 3,4, 21 – 23]

γ=ə=heqew=lin ага=цү=ə=n
 PP=E=отправаться=3sgS Pers=PEJOR=E=ABS.sg
 ‘Пошел Ака (презрит.).’

б. *Вэг’айок уинвитнэмйэчг’эн гайог’элэн.*

vəhajok ŋinvit=nəm=jəch=ə=n γa=joh=ə=len
 потом нинвит=поселок=NMLZ.собрать=E=ABS.sg PP=достигнуть=E=3sgP
 ‘И вот поселка нинвитов достиг.’

...

в. *Гив’лин уинвитәнпәклаволә әнин әнпәнүв:* [Жукова 1988: т. 16, п. 21 – 23]

γ=iw=lin ŋinvit=ənp=ə=qlavol=a ə=nin ənp=ə=ŋev.
 PP=говорить=3sgP черт=старый=E=мужчина=INSTR он=POSS.sg старый=E=женщина
 ‘Сказал нинвит-старик его старухе.’

г. – *Бәчилгәнәт г’әтг’әт*

q=ə=čcil=γ=ə=ne=t həth=ə=t
 2A.IMP=E=отпустить=2sgA=E=3nsg=DU собака=E=ABS.du
 ‘- Отвяжи собак.’

д. *Гэләлинәт г’әтг’әт бәйцәмиткинәт.*

γe=le=line=t həth=ə=t qajŋ=ə=mət=kine=t
 PP=съесть=3nsgP=DU собака=E=ABS.du медведь=E=SIM=REL.nsg=DU
 ‘Пришли две собаки размером с медведя.’

Әнан әнән йәлюйәчг’ән әмйәнүнә, әйәйвәк амг’әтг’ә гәнүлинәв’.

ə=nan^{PK} ənnen jel’u=jəch=ə=n
он=ERG один жевать=NMLZ.наполнение=E=ABS.sg
 em=jə=nu=ŋ=e ejejeveq am=həth=a
 только=DES=съесть=DES=CV.instr однако только=собака=INSTR
 γe=nu=line=w
 PP=съесть=3nsgP=PL

‘Он только хотел один кусок съесть, но только собаки (быстрее) их (все куски) съели.’

Рассмотрим условия появления и разрешения референциального конфликта. В предложении (173в) использован лексический актуализатор – инкорпоративный комплекс *ŋinvit=ənp=ə=qlavol=a* ‘нинвит=старый=E=

=мужчина=INSTR', благодаря которому референт² 'старик-нинвит' оказывается в актуальном фокусе внимания. Далее в рамках этой же пропозиции происходит лексическая актуализация референта³ *ə=nin ənr=ə=nev* 'его жена'. Таким образом, в актуальном фокусе внимания два референта: референт² и референт³. Причем референт³ 'жена нинвита' занимает приоритетную грамматическую позицию Абсолютива. Далее, после актуализации референтной группы 'собаки', при помощи анафорического местоимения *ə=nan* 'он=ERG' происходит актуализация единичного референта. Логично предполагать, что анафорическое местоимение актуализирует референта³ 'жена нинвита'. Аргументы в пользу референта³: во-первых, именно референт³ был в центре фокуса внимания в предшествующем контексте, во-вторых, именно референт³ занимал приоритетную синтаксическую позицию Абсолютива (а не референт²). Однако анафорическое местоимение актуализирует референта¹, хотя грамматически для этого имеется меньше всего оснований. В данном случае определяющую роль в разрешении референциального конфликта играет степень протагонизма участвующих в конфликте референтов.

По степени протагонизма распределение референтов этого эпизода будет следующим:

Aka

нинвит

старуха-жена нинвита

собаки.

Таким образом, в данном фрагменте говорящий, выбирая в качестве референциального средства прономинализацию, ориентируется в первую очередь на центральность персонажа.

2.4. Факторы, обусловленные жанровыми особенностями текста

Система средств актуализации референтов во многом обусловлена жанровой спецификой текста. В референциальном плане традиционный фольклорный текст отличается от автобиографического рассказа.

В фольклорном тексте по сравнению с автобиографическими рассказами уровень референциальной конкретности значительно ниже. Но это только одно из отличий в создании референциального плана этих текстов. И в фольклорных текстах, и в автобиографических рассказах в процессе повествования активно используются моделируемые диалоги. При этом в автобиографических рассказах абсолютным центром, всегда находящемся в глобальном фокусе, является *я-нарратор*, введение всех остальных ролевых масок требует авторского обоснования, как правило, в предшествующем, но, возможно, и в последующем контексте. При этом *я-ролевая маска* может появляться только в пределах моделируемой реплики. В традиционных фольклорных текстах *я-нарратор* отсутствует, но *я-ролевые маски* активно используются, однако это не вызывает сложностей в восприятии референциального плана фольклорного текста. Рассказчик использует сигналы переключения локального фокуса референции.

Письменные записи фольклорных текстов, с которыми мы имеем дело при анализе, все-таки являются сильно редуцированными, даже если текстовая запись абсолютно достоверна. Мы не слышим интонации и не видим жестов рассказчика. Однако даже в ситуации утраты звуковой, жестовой и ролевой составляющей дискурса, только на основании текста, можно выявить факторы разрешения референциального конфликта, обусловленные жанром. Последовательно рассмотрим их.

2.4.1. Приоритетная роль рассказчика в автобиографических повествованиях

Независимо от того, о ком идет речь в автобиографическом рассказе, сколько референтов актуализировано в нем, тем не менее в глобальном фоку-

се автобиографического рассказа всегда находится субъект-нарратор (рассказчик). В том случае, если в таком тексте используется термин родства, без уточняющих актуализаторов, то подразумевается наличие родственной связи именно с рассказчиком, а не с другими референтами, также находящимися в поле актуального внимания. Приведем пример:

(174) алют., пал.; автобиогр. рассказ

а. *Гиллин врач Столяров.* [Жукова 1980: т. 7, п. 81 – 83]

γ=il=lin врач столяров

PP=быть=3sg.S

‘Был врач – Столяров.’

б. *Ынинэ гиллин нэв’?ан.*

эп=ine γ=il=lin ηew=han

он=POSS.nsg PP=быть=3sg.S женщина=NMLZ

‘У него была жена.’

в. *Эуралу тытэль нэлүлүгүгым, мыйэв’ тата эылэки.*

eηhal=u təttel’ ne=lηə=lqi=γəm məjew tata

забота=EQU очень Low.A=считать=INCH=1sg.P потому что папа

e=ləle=ki

NEG=глаз=NEG

‘Очень жалели меня, потому что папа слепой.’

В данном случае возникают формальные условия для референциального конфликта, так как термин родства ‘папа’ употреблен без уточнения родственной связи (Возможные варианты: отец рассказчицы, отец врача Столярова, отец жены врача Столярова). Референциальный конфликт разрешается посредством двух факторов: во-первых, приоритетной позиции рассказчицы, во-вторых, рассказчица использует термин родства, предназначенный для узкого домашнего общения. Если бы рассказчица говорила об отце Столярова, она, скорее всего, использовала бы слово *эньтич*, но говоря о своем отце, она использует «домашнее» слова *тата*.

В автобиографических рассказах, как и в фольклорных текстах, нередко присутствуют диалоги. Эти диалоги моделируются самим рассказчиком. При этом активно используются *ролевые маски*.

ладно 1sg.IMP=E=рассказывать=E=ASP=E=3sgP
 ‘«Ну, ладно, расскажу ее».’

...

е. *Бһьуыг’ан валг’ын лымһуыль гат(вылэн) энатвэ, мыев’уанко.*
 эн’һәһан va=lh=ә=n lәmһәл’ үә=tv=ә=len
 так быть=ATR=E=ABS.sg сказка PP=рассказывать=E=3sgP
 ена=tv=e mәjew һан=ко
1sg.P=рассказывать=3sgA.PFV потому что там=LOC
 ‘Так сказка рассказана, потому что мне (она) рассказала тогда.’

Нет необходимости вторично использовать номинацию или использовать анафорические местоимения, если глагольные аффиксы служат надежным средством установления референции. Референты *я* (нарратор) и *он* в принципе не могут вступать в конфликт, даже если *он* начинает проявлять себя как *я*.

Субъект-нарратор может без всяких помех появляться в любом локальном фокусе, без всяких предварительных вводных подготовительных фаз фокусирования, тем более что в корякском языке личные глагольные аффиксы всегда четко устанавливают отсылку к референту *я*.

В примере (176) в представлено 4 референта: референт¹ – *я*-нарратор (рассказчица Лилия Аймик), референт² – Аймык (отец рассказчицы), референт³ – Ытһынынкей (муж рассказчицы), референт⁴ – Аймык (сын рассказчицы); наложение референтов. Рассказчица использует ролевую маску: *я* – ‘отец рассказчицы’, по отношению к которому *ты* – ‘муж рассказчицы’. *Я*-ролевая маска и *я*-нарратор не смешиваются.

(176) кор., чавч.; автобиогр. рассказ [АЛА 2010: т. 9, п. 33 – 35]

а. *Еппы ыннин Аймыҕ айтока, Г’ытг’ыҕинкэйнэк етыҕ гымнин эһьпич гэлэг’улин.*

jeppә әnnin ajmәq a=jto=ka hәthәһinkej=ne=k
 еще этот Pers CV.neg=вынуть=CV.neg Pers=SG=LOC
 jet=ә=һ үәm=nin en’pič үe=lehu=lin
 сновидение=E=DAT я=POSS.sg отец PP=смотреть=3sgP
 ‘Еще этот Аймык не родился, Ытһынынкей во сне моего отца увидел.’

б. *Эньпичитэ кив'унын: “В'ото в'ала, бэкмитын, титэ, мэль... мэльтитэ пыче... гым... гыммо тэетың”.*

en'pici=te k=iw=η=ə=nin woto wala q=ekmit=ə=n
отец=INSTR PRES=говорить=PFV=E=3sgA+3P вот нож 2A.IMP=взять=E=3sgP
 tite mel=tite рәсе үәм үәммо tə=je=jet=ə=η
 когда полностью=когда пока я я 1sgS=POT=прийти=E=PFV
 ‘Отец сказал ему: «Вот нож возьми, когда, вскоре... я приду».’

в. *Җанко тэв'уывок...*

җан=ко t=ew=ηəvo=k
 там=LOC 1sgS=говорить=INCH=1sgS.PFV
 ‘Тогда я подумала...’

На этом примере хорошо видно, что переход к я-ролевой маске требует обоснования, употребления номинации: ‘отец’ (176б), а возврат к я-нарратору происходит естественным образом (176в) без полнзначной номинации, хотя, вероятно, определенную роль в этом переходе играет местоименное наречие *җан=ко* ‘тогда’, так как проекция времени и пространства выстраивается относительно дейктического центра субъекта-нарратора.

Если вводится я-ролевая маска, то это требует предварительного обоснования. Если вводится я-нарратор, то никакого обоснования не требуется. Это обусловлено тем, что я-ролевая маска актуальна только в пределах локального фокуса, а я-нарратор находится в глобальном фокусе, поэтому без предупреждения может проявляться в любом локальном.

Автобиографическим рассказам очень близки по своей стилистике семейные предания. Иногда семейные предания входят в автобиографический рассказ на правах вставного эпизода. В семейных преданиях рассказчик передает те семейные истории, свидетелем которых сам не являлся, но передает как абсолютно достоверные. Сами семейные предания нередко формируются на базе автобиографических рассказов. И это влияние хорошо заметно. В приведенном (177) фрагменте: референт¹ ‘отец рассказчицы Аймык’, референт² ‘старуха Качерна’.

(177) кор., чавч.; автобиогр. рассказ

а. Энътич гымнин Аймыз нив'зин, льгэрак ... в'учбымчыку и ятан мильгын то экэмт. [АЛА.2010: т. 8, п. 11 – 19]

en'pič үәм=nin ajməq n=iw=qin I'ye=ra=k
отец я=POSS.sg Pers IPF=говорить=3sgS действительно=дом=LOC
wučqəm=čəku и jatan mil'γ=ə=n to ejeke=t
темный=IN только огонь=E=ABS.sg ис свеча=ABS.du
'Мой отец Аймык говорил: «В яранге в темноте только огонь и две свечки.»'

б. Нив'зин: ыннин чэючгын тынчичг'этын, нив'игым: сахар уанко нывацэн.

n=iw=qin ənnin čəjučγ=ə=n
IPF=сказать=3sgS этот мешок=E=ABS.sg
t̪=ə=nčičet=ə=n n=iw=iγəm сахар
1sgA=E=проверять=E=3sgP IPF=сказать=E=1sgS
ŋan=ko n=ə=tva=qen
там=LOC IPF=E=быть=3sgS
'Сказал: "Этот мешок я проверил, я подумал: сахар там находится.''

в. Тыпырын ыннэн сахар то...

t̪=ə=pər=ə=n ənnen сахар to
1sgA=E=снимать=E=3sgP один и
'Я снял один (кусочек) сахар(а) и...'

г. Ъэльбуз уйнэ микынэк эльг'укэ, койңычыкойтын тынпыльқавын сахар.

qel'huq ujnə mik=ə=ne=k e=lhu=ke
ведь не кто=E=SG=LOC CV.neg=видеть=CV.neg
kojŋ=ə=čəko=jtəŋ t̪=ə=n=pəl'q=av=ə=n сахар
чашка=E=IN=LAT 1sgA=E=CAUS=тонуть=VBLZ=E=3sgP
'Ведь никто не видел, (что) в кружку я утопил сахар.''

д. Чачамэ лиги нив'ын уанкэн Ъачерна.

čačame liγi n=iw=ə=n ŋan=ken qačerna
старуха действительно 3sgS=сказать=E=3sgS тот=REL.sg Pers
'Старуха даже не узнала, та Качерна.''

е. Нычайгым, нычайгым.

n=ə=čaj=o=jγəm n=ə=čaj=o=jγəm
IPF=E=чай=VBLZ.употребить=1sgS IPF=E=чай=VBLZ.употребить=1sgS
'Пью чай, пью чай.''

ж. Нив'зин: «Этг'у минэтг'ын?» .

n=iw=qin ethu m=ine=th=ə=n
IPF=сказать=3sgS еще 1sgA.IMP=AP=лить=E=3sgP
Говорит: "Еще налью ее (кружку)?"'

з. Нив'гым: «Э».

n=iw=iγəm e
IPF=говорить=1sgS да
'Я говорю: «Да.»'

и. *Нэмэ инэтг'ынин жойнын.*

neme	ine=th=ə=ɲin	qojŋ=ə=n
вот же	AP=лить=E=3sgA+3P	кружка=E=ABS.sg

‘Снова налила кружку.’

В начале эпизода референт ‘отец’ представлен при помощи трехкомпонентной именной дескрипции: *en'rič ɣət=nin ajməq* ‘отец мой Аймык’, соответственно используются глагольные показатели 3-го лица: *n=iw=qin* ‘IPFV=говорить=3sgS’. Далее после авторской ремарки *n=iw=qin* ‘сказал’ происходит смена проекции: теперь в качестве *я* выступает не *я*-нарратор (рассказчица Лиля Аймык), а ее отец Аймык, повествование уже строится от его *я*. Интересно, что *я*-ролевая маска может использовать еще одну ролевую маску. В приведенном фрагменте (177) видно, как это происходит (177е, ж, з). *Я*-ролевая маска референта ‘отец’ как бы надевает на себя другую ролевую маску *я* – ‘старуха Качерна’, при этом эпизод совершенно понятен адресату, двусмысленности не возникает. Сигналами ‘надевания’ ролевой маски служит, во-первых, глагол *iv-ə-k* ‘сказать’, а, во-вторых, интонация рассказчицы. Если прослушать аудиозапись этого фрагмента повествования, можно совершенно явно услышать, как в устной речи при помощи интонации, изменения тембра голоса снимается референциальный конфликт.

В ходе моделирования диалога в рамках автобиографического рассказа *я*-нарратор может выступать и в роли *ты* (тот, к кому обращается *я*-ролевая маска), и в роли *он* (тот, о ком говорит *я*-ролевая маска). В таких эпизодах проекция выстраивается от лица того, кого рассказчик представляет как приоритетного протагониста (сигнал приоритетности – использование местоимения *я*). Проекция выстраивается как бы с точки зрения маски. И эта проекция воспринимаются слушателями совершенно естественно, без ощущения референциальной двусмысленности. Однако введение такой приоритетной ролевой маски обязательно должно сопровождаться «авторской» ремаркой. В приведенном ниже фрагменте (178) отражено, как Александра Алексеевна Симонова моделирует диалог отца со своими детьми, в том числе и с ней

(референт¹ ‘я-нарратор’; референт² ‘отец рассказчицы А. А. Симоновой, Яко Кергыльжот’; референтная группа³ ‘дети Яко, в том числе и рассказчица’
 Переход от *я-нарратор* к *я-ролевая маска* ‘отец’ происходит при помощи глагола речи: na=k=ew=la=mək ‘он=сказал=нам’ (178в). При этом референт² ‘отец’ кодируется при помощи гиперроли Агенса, а референт¹ *я-нарратор* при помощи гиперроли Пациенса. Такое распределение ролей в структуре глагола речи (он=сказал=нам) уже является предупреждающим сигналом смены *я-нарратор* на *я-ролевая маска*. И далее на протяжении довольно длительного эпизода в качестве *я* фигурирует отец рассказчицы. Появление референта *я-ролевая маска* вообще возможно только в ходе моделируемого диалога или в ходе моделируемого монолога от лица *ролевой маски*. Вне диалога или вне реплики появление *я-ролевой маски* невозможно.

(178) кор., чавч.; автобиогр. рассказ

а. *Еппы аппа вама, мучгин энъич цонпын... мую ныёчгаёмое навакыкамоё.*
 [САА.2010: т. 2,3, п. 1 – 16]

jeppə appa va=ma mučy=in en'rič qonpəŋ muj=u
 еще папа быть=CV.sim мы=POSS.sg отец всегда мы=ABS.pl
 ɲəjo=čyajo=mojo ɲav=akəka=mojo
 три=ADVcollect=1plS женщина=сын=1plS
 ‘Еще папа при жизни, наш папа всегда... трое мы, три дочери мы.’

б. *Гыммо Мамак, в 'уччин Маммучг'ын то йичг'амйитумгын мучгин Лёвык.*

yəmmo mamak wučcin mammučh=ə=n to
 я Pers этот Pers=E=ABS.sg и
 jičhamji=tumy=ə=n mučy=in l'ovək
 двоюродный брат=товарищ=E=ABS.sg мы=POSS.sg Pers
 ‘Я Мамак, это Маммучъын и брат наш Лёвык.’
 (Мамак – так звали в семье А.А. Симонову).

в. *На...на...нанытвагалламык то накэв'ламык:*

na=n=ə=tvayal=la=mək to na=k=ew=la=mək
 Low.A=CAUS=E=сестъ=PL=1nsg.P и Low.A=PRES=говорить=PL=1nsg.P
 ‘Поставил нас и говорит нам.’

г. *«Титэ тыевиг'ын, кытол Маммучг'ынак энайтока.*

tite t=ə=je=vih=ə=ŋ kətol mammučh=ə=na=k
 когда 1sg.S=E=POT=умереть=E=PFV не Pers=E=SG=LOC
 ena=jto=ka
 1sg.P=вынуть=CV.neg

‘«Когда я умру, не рожай меня, Маммучын.»

д. *Тыттэль ныйылқыңин ынның лолог’а еникэ... йинэннив’чевың.*

təttel’ n=ə=jəlq=ə=qin ənn’aq
очень QUAL=E=сон=E=3.QUAL тотчас
loloḥ=a je=nike j=ine=n=riwč=ev=ə=ŋ
женская грудь=INSTR POT=как же POT=1sg.P=CAUS=духота=VBLZ=E=PFV
‘Очень спать любит, так грудью меня задавит.’

е. *То Лёвыкынак кытол энайтока.*

to ɽovək=ə=na=k kətol ena=jto=ka
и Pers=E=SG=LOC не 1sg.P=вынуть=CV.neg
‘И Левык, не рожай меня.’

ж. *Яувоң ив’в’ичелг’этык, тыяувоң гытг’этык.*

ja=ŋvo=ŋ iwwiče=lhet=ə=k
POT=начать(ся)=PFV пить=НАВИТ=E=CV.loc
tə=ja=ŋvo=ŋ yəthet=ə=k
1sg.S=POT=начать(ся)=PFV голодать=E=CV.loc
‘Начнет пить (водку), я начну голодать.’

з. *Ятан гыммо Мамакынак нэнайтон.*

jatan yəmmo maḥak=ə=na=k n=ena=jto=n
толькоя Pers=E=SG=LOC 3A.IMP=1sg.P=вынуть=3sg.A
‘Только Мамак пусть меня родит.’

и. *Мыев’ ынно инг’э ныкьев’ңин то нывэтңэн.*

məjew ənno inhe n=ə=kjew=qin to
потому что он быстрый QUAL=E=просыпаться=3sg.QUAL и
n=ə=vət=qen
QUAL=E=работа=3sg.QUAL
‘Потому что она рано встает и работающая.’

к. *Быём нинэлтилгэв’(гым).*

qəjom n=ine=n=pily=ew
не 3.IMP.A=1sg.P=CAUS=горло=VBLZ
‘Не будет меня голодом морить.’

л. *Мэтг’аң тыемэйңэтың.*

methaŋ tə=je=mejŋ=et=ə=ŋ
хорошо 1sg.S=POT=большой=VBLZ=E=PFV
‘Хорошо вырасту.’

м. *То тыеетың қойың мэлгыңэву гыммо то тыенг’элың*

мэйңыг’уемтэв’илг’ынэңу.

to tə=je=jet=ə=ŋ qojəŋ melɣ=ə=ŋev=u yəmmo
и 1sg.S=POT=прийти=E=PFV сюда огонь=E=женщина=EQU я
to tə=je=nhel=ə=ŋ mejŋ=ə=hujemtewilh=ə=nequ

и 1sg.S=POT=становиться=E=PFV большой=E=человек=E=AUG
 ‘И приду сюда русской девочкой и стану большим человеком.’

н. *Все.*

о. *To титэ еппо эвиг’ыкэ энъич, еппо уекэ вэг’ыгыйһын, эвың:*
 to tite jeppo e=vih=ə=ke en’rič jeppo ujeke
 и когда еще CV.neg=умереть=E=CV.neg отец еще далеко
 veh=ə=γəjη=ə=n ev=ə=η
 умереть=E=NMLZ=E=ABS.sg говорить=E=CV.dat
 ‘И когда папа еще не умер, еще далеко смерть (была), сказал.’

п. «Мамак, титэ тыевиг’ың, гынан енайтоң».

mamak tite tə=je=vih=ə=η үə=nan
Pers когда 1sg.S=POT=умереть=E=PFV ты=ERG
 j=ena=jto=η
 POT=1sg.P=вынуть=PFV
 «Мамак, когда умру, ты родишь меня».

р. *И титэ гыммо уже тыңынңэвык, Лариса нанңычыко тыкунтыңын, ын-пычг’ын һавакык, етың тыкулэг’уңын: анпа тынопыңҗо кутэкъетың то кукумҗатың: «Мамок!».*

и tite үəmmo уже тə=ηənq=ev=ə=k larisa
 когда я 1sg.S=живот=VBLZ=E=1sg.PFV Pers
 nanq=ə=čəko tə=ku=nt=ə=η=ə=n
 живот=E=IN 1sg.A=PRES=сделать=E=PFV=E=3sg.P
 ənp=ə=čh=ə=n ηav=akək jet=ə=η
 старый=E=ATR=E=ABS.sg женщина=сын сон=E=DAT
 tə=ku=lehu=η=ə=η appa tənop=ə=ηqo
1sg.A=PRES=смотреть=PFV=E=3sg.P папа сопка=E=ABL
 ku=tekjet=ə=η to ku=kumη=at=ə=η mamok
 PRES=спускаться=E=PFV и PRES=крик=VBLZ=E=PFV Pers
 ‘И когда я уже беременная была, Ларису в животе носила, старшую дочь, во сне увидела: папа с сопки спускается и кричит: «Мамок!».’

Рассмотрим подробно способы актуализации референтов в данном моделируемом диалоге.

В пределах данного эпизода приоритетной остается позиция *я-ролевая маска* ‘отец рассказчицы’, что выражается в кодировании нарратора как референта 3-го лица.

В данном эпизоде *она* – это сама рассказчица (А. А. Симонова), представленная через проекцию ролевой маски ‘отец’. Мы видим, что введение ролевой маски обязательно требует авторской ремарки, сигнализирующей о

смене позиции *я*, но выход 'из роли' совершенно не требует никаких сигналов. Завершение текста не требует возврата к *я-нарратору*.

Приведенный фрагмент (178) из рассказа А. А. Симоновой представляет собой границу между завершением одного эпизода и началом другого эпизода. Четкой границей этого перехода служит предложение на русском языке «Все» (178н). Интересно, что новый эпизод требует нового обоснования введения *я-ролевой маски* (той же! ролевой маски, которая была приоритетной в предыдущем эпизоде).

Рассказчица использует глагольную форму деепричастия *эвыу* 'сказать=E=CV.dat'. В отличие от финитной, эта форма не может отразить распределение ролей между *я-нарратором* и *я-ролевой маской*, и в этом случае, распределение ролей устанавливается при помощи обращения к рассказчице, включенного в структуру цитаты (178о, п).

Как происходит переход от *я-ролевой маски* к *я-нарратору*, можно проследить по предложениям (178п, р). В предложении (178п) референциальная проекция выстраивается с точки зрения *я-ролевой маски*, а уже в следующем предложении (178р) приоритетный протагонист *я-нарратор*. Адресат понимает, что произошла смена *я*. Это понимание базируется на анализе контекста. Возврат к естественному дейктическому центру автобиографического рассказа происходит мгновенно. В данном случае сигналом переключения референции, возвратом к *я-нарратору* служит использование местоименного наречия *tite* 'когда', которое относится уже к другой системе пространственно-временных координат (с другим центром), нежели местоименное наречие *tite* 'когда', употребленное в рамках реплики отца рассказчицы.

В подавляющем большинстве случаев в автобиографическом рассказе введение ролевой маски предваряется авторской ремаркой. Редко встречаются случаи, когда авторская ремарка появляется в последующем контексте В приведенном (179) референт¹ 'я-нарратор', референт² 'бабушка рассказчика'.

(179) кор., чавч.; автоб. рассказ

а. *Бэммэк тэкуйэльзэтыу.* [Жукова 1988: т. 3, п. 43 – 54]

qəmek tə=ku=jəl'q=et=ə=ŋ
почти 1sg.S=PRES=сон=VBLZ=E=PFV
'Я почти сплю.'

б. – *Аня, г'ам гэмнан тэлэг'ун элев'тэки г'этг'элг'эн.*

an'a ham yəm=nan tə=lehu=n e=lewt=ə=ki
бабушка а я=ERG 1sgA=смотреть=3sgP NEG=голова=E=NEG
həth=ə=lh=ə=n
собака=E=ATR=E=ABS.sg
' – Бабушка, а я видел безголового ездока на собаках.'

в. *Муйэк чеймэк галай,* –

muj=ə=k čejm=ə=k yala=j
мы=E=LOC близкий=E=LOC проходить=3sgS.PFV
'С нами рядом проехал.'

г. *йайэльзанма гэмнан малета ?энно тивэн.*

ja=jəl'q=an=ma yəm=nan mal'eta əнно
DES=сон=VBLZ=CV.sim я=ERG потихоньку он
t=iv=ə=ŋ
1sgA=сказать=E=3sgP
' – засыпая, я потихоньку ей сказал.'

д. *Бэйгут тинмэлг'игэм.*

qejuut tinm=ə=lh=yəm
в самом деле лживый=E=ATR=1sgS
Конечно, врун я.

е. – Пэ! Пэ!

pe pe
pe pe
'- Пе! Пе!'

ж. *Йэнгэкминин каминчэкукин йэньньэн.*

jəny=ekmin=nin kamin=čəku=kin jən'n'=ə=n
внезапно=взять=3sgA+3P печка=IN=REL.sg уголек*=E=ABS.sg
'Выхватила из печки горячий уголек.'

з. *Инг'э нэвонэн эмэу елькучэкун малэк.*

inhe ŋəvo=nən эмэу je=l'ku=čəku=n male=k
быстрый начать(ся)=3sgA+3P весь дом=IN=IN=ABS.sg гладить=CV.loc
'Быстро стала все помещение мазать.'

и. – *Гэммо тэкивэу* –

yəmmo^{PK} tə=k=iv=ə=ŋ
я 1sgS=PRES=сказать=E=PFV

‘Я думаю.’

к. *Эна гэйэжлин уйэтикийдэг’эн вг’айок иччэтвий.*

эна үе=jeq=lin ujetik=jəčh=ə=n vhajok
же PP=что=3sg.S нарта=NMLZ.наполнение=E=ABS.sg наконец
ičč=ə=tvī=j
тяжелый=E=VBLZ.inch=3sgS.PFV

‘Что это такое груз на нарте тяжелей стал.’

л. *Бинэн нано нэнвэтгэйүнэн йайтэтэн тэкуг’аг’аүн. –*

qinən nāno nenvet=yəjŋ=ə=n ja=jt=etəŋ
пожалуй это нинвита=NMLZ=E=ABS.sg дом=VBLZ=LAT
tə=ku=haha=ŋ=ə=n

1sgA=PRES=волочить=PFV=E=3sgP

‘Оказывается, это нинвита домой я тащу. – ‘

м. *иви аня гэмкэн.*

iv=i an’a үэм=kəŋ
сказать=3sgS.PFV бабушка я=DAT

‘сказала бабушка мне.’

К сожалению, мы не имеем возможности прослушать аудиозапись этого автобиографического повествование и не можем услышать, как меняется тембр голоса и интонация рассказчика. Читая текст, мы реагируем на знак *тире* ‘ – ‘, который и сообщает нам о смене я. Предположим, что в этом тексте нет никаких знаков препинания, тогда в письменной фиксации этого устного текста факт перехода от *я-нарратора* к *я-ролевой маске* (179з, и) можно установить только на основании последующего контекста. Совершенно очевидно, что предваряющие авторские ремарки, сигнализирующие о грядущей смене я, являются более надежным средством установления референциальной определенности, именно по этой причине они более востребованы в речи. В автобиографическом рассказе-воспоминании *я-нарратор* тоже отчасти является ролевой маской. В данном эпизоде (179) *я-маленький* не совсем тождественен *я-нарратору*. *Я-нарратор* уже с позиции своего жизненного опыта оценивает *я-маленького*, в связи с этим появляются такие оценочные характеристики я, которые требуют объективного отстранения.

В мифологической сказке, в отличие от автобиографического рассказа, нет истинного *я*. *Я-нарратор* отсутствует. Все *я*, появляющиеся в ходе разворачивания сюжета мифологической сказки, являются ролевыми масками.

1sgS.IMP=E=уйти=E=1sgS.PFV 1sgA.IMP=искать=E=3sgP он
 ‘Пойду, поищу его.’

д. То *зэти*.

⁶to qət=i

и уйти=3sgS.PFV

‘И ушла.’

Перед нами пример моделируемого диалога (диалога вторичного дейксиса), он строится по другим законам, нежели диалог первичного дейксиса. Одно из главных отличий – функции местоимений *я* и *ты*. В реальном диалоге (первичном дейксисе) местоимения *я* и *ты* являются дейктическими, т. е. **непосредственно** указывают на участников диалога. В моделируемом диалоге местоимения *я* и *ты* являются ролевыми масками. Для того чтобы понять, кто из участников сюжетного повествования говорит *я*, слушатель должен соотнести местоимение *я* с той номинацией, при помощи которой в предшествующем тексте был актуализирован референт, произносящий реплику. Если в пределах первичного дейксиса местоимения *я* и *ты* являются дейктическими, то в моделируемом диалоге лексемы *я* и *ты* функционируют в качестве анафорических местоимений.

В таблице (14) представлена система актуализации референта¹ – *Мити* и референта² – *Куткынняяку*. Фазы формирования фокуса внимания отмечены по отношению к референту¹ *Мити*.

Таблица 14

№ пред.	Средства актуализации референтов Реф ¹ – <i>Мити</i> , реф ² – <i>Куткынняяку</i>				Фаза движения фокуса
	Номинация	Анафорич. лексема	Анафорич. аффиксы	Автор цитаты	
1	<u>Pers</u>		<u>3sgS</u>		формирование фокуса
2		<u>1sg ERG</u>	<u>1sgA</u>	реф ¹	сохранение фокуса
3	<u>Nom</u>			реф ¹	добавление в фокус еще одного реф.
4			<u>1sgS</u>	реф ¹	
5		<u>3sg ABS</u>	<u>1sgA+3sgP</u>	реф ¹	
6			<u>3sgS</u>		сохранение фокуса

На протяжении всей цепочки в качестве анафорического средства поддержания референции используются личные показатели глаголов и реплика референта. Этот фрагмент нельзя в чистом виде назвать диалогическим, так как, по существу, говорит здесь лишь один персонаж. Отсутствие ответных реплик тоже можно считать средством сохранения референциального фокуса, так как ответная реплика неизбежно ставила бы в центр внимания другого референта.

В пределах реплики *Мити* актуализирован другой референт *Куткыннюку*. Однако его позиция является периферийной. Центральная фокус-позиция сохраняется за тем референтом, который произносит реплику. Именно по этой причине после периферийной актуализации референта² возможна прономинализация референта¹.

После реплики естественна прономинализация того референта, который произносил реплику. При этом нет оснований для возникновения референциального конфликта. В примере (181) референт¹ ‘Куткыннюку’, референт² ‘Мити, жена Куткыннюку’, референтная группа³ ‘дети Куткыннюку и Мити’.

(181) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Нэвонэн Куйкэньякунак йэчоччамавак в’эмэк, пойган.* [Жукова 1988: т. 5, п. 47 – 52]

нэво=nen kujkən’n’aqu=na=k
 начать=3sgA+3P Pers=SG=LOC
 j=ə=čəčəm=av=ə=k wemek poju=ə=n
 CAUS=E=снаряжение=VBLZ=E=CV.loc гарпун копье=E=ABS.sg
 ‘Начал Куйкыннюку собирать гарпун, копье.’

б. *Ничвэг’ав’ пнэнин.*

n=ičv=ə=haw рэне=nin
 QUAL=острый=E=ADV точить=3sgA+3P
 ‘Остро наточил он его.’

в. *Митив’ гэмлэ йэлэйвэнин каминэт, миңкэ г’алла гэтгэк куйунэтән.*

mitiw үәмле j=ə=lejv=ə=nin kəmiŋ=ət
 утром опять CAUS=E=идти=E=3sgA+3P сын=E=ABS.du
 miŋkə həlla үөтү=ə=k ku=junet=ə=ŋ

где мать озеро=E=LOC PRES=жить=E=PFV
'Утром снова повел он детей, где мама в озере жила.'

г. *Кив 'уан:*
k=iw=η=ə=η
PRES=сказать=PFV=E=3sgP.
'Сказал.'

д. – *Гэмлэ үэволатэк айкатэк унмэк кальг 'айамйатэк, үэг 'айңав 'латэк г'элла.*

үөmlе q=ə=ηvo=la=tək ajkat=ə=k unmэк
опять 2.IMP=E=начать(ся)=PL=2nsg.S берег=E=LOC много
kal'haja=mjat=ək q=ə=hajη=aw=la=tək holla
?=INTENS=CV.loc 2.IMP=E=звук=VBLZ=PL=2nsg.A мать
'– Снова начинайте вы на берегу сильно рыдать, зовите маму.'

е. *То чинин гэмлэ пиқи г'эйалв 'энэк.*

to činin үөmlе piq=i həja=lwəp=ə=k
и сам опять прятаться=3sgS.PFV тальник=INTER=E=LOC
'И сам опять спрятался в зарослях тальника.'

В главном фокусе внимания референт – 'Куткыннюку'. Когда вводится другой референт 'Мити', то переключения референции не происходит. Референциальный конфликт именно потому и не возникает, что в фокусе остается один и тот же референт. По терминологии А. А. Кибрика, 'Мити' в данном случае – это «проходящий референт», введение на равных позициях происходит в том случае, если в позиции подлежащего вводится новый референт.

В корякских и алюторских фольклорных текстах диалогические фрагменты встречаются очень часто, при этом рассказчик может не использовать ни лексические, ни грамматические маркеры переключения референции. И тем не менее путаницы в сознании адресатов, по-видимому, не возникает, иначе эти тексты просто не смогли бы сохраняться в этнической традиции.

Референциальный конфликт, возникающий в ходе моделирования диалога персонажей, может быть снят тембром, особенностями речи и мимикой говорящего, «играющего» роли нескольких героев повествования. Интонация и мимика рассказчика для адресата играют первостепенную роль. Интонационно-жестовый способ имеет проспективный характер, он предотвращает возникновение референциального конфликта.

В традиционном бытовании фольклорный текст предполагает непосредственный контакт говорящего и адресата. Здесь важна эмоциональная сфера воздействия. Диалоги дают возможность не только рассказывать, но и «проигрывать» сказку.

Помимо авторских ремарок, имеющих целью соотнести реплику и референта, произносящего эту реплику, есть и другие способы переключения референции (если не рассматривать изменение голоса и мимику рассказчика).

Как правило, в фольклорных текстах используется прямое цитирование, тогда как косвенное цитирование – явление настолько редкое, что в тех текстах, которыми мы располагаем, нам не удалось найти ни одного такого примера.

2.4.2.2. Устойчивость системы персонажей традиционного фольклора

Для структуры фольклорного произведения обмен репликами может играть сюжетобразующую функцию. Однако в некоторых случаях фольклорный текст сразу начинается с реплики персонажа, при этом ни в предыдущем, ни в последующем контексте рассказчик не использует авторских ремарок, устанавливающих, кому принадлежит эта реплика. Но так может происходить только в тех случаях, когда рассказывается очень известный сюжет, реплики персонажей такого текста постоянно на слуху, референциальная определенность установлена уже самой традицией. Приведем пример начального фрагмента корякской фольклорной сказки:

(182) кор., чавч.; мифол. сказка

а. – *Мити, йаво, пипицэльунэмйэчг'эн малцэтэк.* [Жукова 1988: т. 17, п. 1–3]

miti javo piriqəl'η=ə=nəm=jəçh=ə=η

Pers постой! мышь=E=поселок=NMLZ.наполнение=E=DAT

m=ə=lqət=ə=k

1sgS.IMP=E=уйти=E=1sg.PFV

‘- Мити, погоди-ка, к жителям мышиноного селения пойду-ка я.’

б. *Гэлцэлин.*

ye=lqə(1)=lin

PP=уйти=3sgS

‘Пошел.’

в. Кулэҥ.
ku=le=ŋ
PRES=идти=PFV
'Идет.'

Начальное предложение этого текста – реплика персонажа, но персонаж не был введен в предшествующем контексте и не будет представлен в ближайшем последующем контексте. Однако для носителей традиции совершенно очевидно, кто произносит реплику (182a), конечно, это может быть только Куткыннюку, других вариантов нет. Это один из самых распространенных фольклорных сюжетов о мышах и Куткыннюку. Для носителей традиции установить референциальные связи в фольклорном тексте не составляет труда. Надо отметить, что такое начало фольклорного текста все же нетипично. Это, скорее всего, редуцированная запись. Референт не актуализирован, налицо нарушение нормы, этот текст выхвачен из контекста беседы. Возможно, эту реплику (182a) предваряло предложение на русском языке или этой реплике предшествовал разговор о других приключениях Куткыннюку. Так как мы не имеем аудиозаписи этого текста, мы не можем восстановить, каким образом на самом деле рассказчик ввел персонажа Куткыннюку. Но сложно представить, что без всякого предварительного упоминания в речи рассказчика интродуктивная референция устанавливалась бы только при помощи реплики протагониста, без всяких сопутствующих авторских ремарок. В нашей экспедиционной практике был похожий случай. Этот случай необходимо привести здесь, чтобы предостеречь исследователей, работающих только с письменными расшифровками аудиозаписей, от неверных референциальных трактовок, которые могут появиться, если не иметь в виду весь контекст разговора с респондентом. Во время экспедиции в июне 2010 года состоялась наша встреча с талантливой корякской рассказчицей А. А. Симоновой. Мы с А. А. Мальцевой вели с ней беседу на русском языке. В ходе этой встречи мы записали от А. А. Симоновой несколько сказок. Если прочитать расшифровку аудиозаписи одного из текстов (183), то можно

том случае, если человек не знаком с данной этнической повествовательной традицией):

(185) ал., вывен.; мифол. сказка

а. *Tinʻa q̄i, əlla ʻa-viʻə-lin.* [Кибрик 2000: т. 5, п. 1 – 8]

tinʻa q̄i əlla ʻa=vih=ə=lin
что ж то мать PP=умереть=E=3sgS
'Что ж, мать умерла.'

б. *ʻu-ulyəvə-sqiv-laŋ.*

ʻu=ulyəv=ə=sqiv=laŋ
PP=хоронить= E=идти=3plS
'Пошли они хоронить.'

в. «*əjatuk, miti, nə-ʔ-etu-n ʻav.akka.pilj.*»

əjatuk miti nəh=etu=n ʻavakka=pil'
хоть бы Pers CON=вынуть=3sgP дочь=DIM
'Хоть бы ты, Мити, родила дочку».

г. *akin qun miti kəmiŋ.at-i, ʻav.akka.pilj jətu-ni-n.*

akin-qun miti kəmiŋ=at=i ʻavakka=pil' jətu=nin
тут же Pers сын=VBLZ=3sgS.PFV дочь=DIM вынуть=3sgA+3P
'Тут же Мити разродилась, дочку родила.'

д. «*miti, miyʻa-qa əlla, ətata ʻətm.nin?*»

'«Мити, кто такая мать, мама моя?»'

е. «*a.tyiv.ka ana miyʻa.*»

a=tyiv=ka ana miyʻa
CV.neg=забывать=CV.neg наверное кто
'«Не знаю, кто она такая».'

ж. «*pəsa ʻʔasa ulyəv mə-tyə-sqi.*»

pəsa-ʻʔasa ulyəv m=ə=ty=ə=sqi
погоды могила 1sgA.IMP=E=копать=E=PER
'«Погоди, пойду могилу раскопаю».'

з. *təla-jjə ulyəvə-ŋ ʻəvu-ni-n təy-ə-kki.*

təla=jjə ulyəv=ə=ŋ ʻəvu=nin təy=ə=kki
идти=3sgS.PFV могила=E=DAT начать(ся)=3sgA+3P копать=E=CV.loc
'Пришел к могиле, начал копать.'

На протяжении всего этого фрагмента не используются лексические актуализаторы, способствующие установлению референции главного героя

повествования. Вне контекста беседы определить, кто пошел хоронить мать, невозможно. Авторы монографии, публикуя этот текст [Кибрик 2000: т. 5], осознавали референциальную ущербность фрагментарной публикации и по этой причине снабдили текст предваряющими ремарками, в которых обозначен главный герой повествования: «{Куткиннюку посадил семью на камень в море и заставил грести. На четвертый день умерла его мать}» [Там же]. Носителям традиции, тем не менее, даже без контекста ясно, что главный герой – Куткиннюку. Косвенным средством установления референции служит актуализация другого персонажа (жены Куткиннюку – Мити), этот персонаж ‘Мити’ всегда действует в паре с Куткиннюку. На протяжении всего повествования главный протагонист Куткиннюку ни разу не актуализирован с помощью лексических средств, связано это с тем, что в контексте беседы этот референт занимал приоритетную позицию. Но так как при публикации из целостной беседы вычлняются более или менее законченные фрагменты беседы, то может происходить разрыв референциальных связей.

2.4.2.3. Функции традиционных фольклорных персонажей

Важную роль в процессе выстраивания референциального плана фольклорного текста в некоторых случаях играет распределение функций фольклорных персонажей. Постоянным персонажам фольклорных сказок соответствуют постоянные функции. В частности, и в корякском, и в алуторском традиционном фольклоре персонажу *нинвит* всегда соответствует функция ‘вредитель’.

Обратимся к фрагменту мифологической сказки (186). В фокусе внимания два референта: референт¹ ‘Ака’ (роль – герой), референт² ‘нинвит’ (роль – вредитель). Распределение этих функций требует жесткой связи между референтом и его действием: ‘вредитель’ – дает задание, ‘герой’ – выполняет это задание.

(186) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Ганэпкийалин*. [Жукова 1988: т. 16, п. 12 – 19]

ya=n=ə=pkij=a(1)=lin

PP=CAUS=E=приходить=VBLZ=3sgP

‘Доставил.’

б. *Гив’лин*:

y=iw=lin

PP=сказать=3sgP

‘Сказал (ему, парню Аке):’

в. – *Нэйаң, гэнв’энңэ*.

^{Реф2}jejaŋ ye=nwenŋ=e

ладно CV.com=свежевать=CV.com

‘– Ладно, освежуй.’

г. *Йэ́нв’э́нү́дү́н, йэ́жэ́ чинин цэ́кукэ́йвэ́ги*.

^{Реф2}je=nwenŋ=ə=ŋ=ə=n

jeqqe

činin

ROT=свежевать=E=PFV=E=3sgP

впрочем

сам

q=ə=kuke=jv=ə=yi

2S.IMP=E=котел=VBLZ.intens=E=2sgS

‘Освежуешь, что же, сам свари.’

д. *Гэ́кукэ́йвэ́лин*.

ye=kuke=jv=ə=lin

PP=котел=VBLZ.intens=E=3sgS
'Сварил.'

е. Гив'лин:

γ=iw=lin

PP=говорить=3sgP

'Сказал (ему, парню Аке):'

ж. – Гэйпэтэ, гэв'йтэ.

Реф² γe=jpe=te

γ=ewji=te

CV.com=вынуть=CV.com CV.com =кушать=CV.com

'Вытаскивай, ешь.'

Переключение референции происходит на границе предложений (186б, в), (186е, ж). Получается, что во всех авторских ремарках в фокусе внимания один референт¹ 'парень Ака', но все реплики произносит другой референт² 'нинвит' (186в, г, д), таким образом этот референт попадает в фокус актуального внимания, то есть происходит смещение фокуса референции. Лексические маркеры не используются. Есть все основания для появления референциального конфликта. Референциальный конфликт предотвращается 1) при помощи внутрипропозициональных факторов: учитывая, **что** сказал персонаж, адресату становится ясно, **кто** говорил; 2) посредством дифференциации функций фольклорных персонажей: 'вредитель' // 'помощник' дает задание, 'герой' выполняет задание.

На первый взгляд может показаться, что данный фрагмент представляет собой диалог. В фокусе внимания два референта, но все реплики произносит 'нинвит' (роль 'вредитель'). В данном случае каждая реплика – это задание. Второй референт на протяжении всего этого фрагмента только действует. В связи с этим фольклорная схема: сказал > сделал, сказал > сделал, уже сама по себе предполагает переключение референции: сказал^{вредитель // помощник} > сделал^{герой}.

Кроме того, надо учитывать, что в реальных условиях произнесения фольклорного текста говорящий, имея возможность непосредственно общаться с адресатом, меняет тембр голоса, использует мимику и жесты. Все эти факторы в комплексе разрешают референциальный конфликт.

Установление референции может опираться на цепочку высказываний. Прямая речь персонажей в фольклорном тексте предполагает подкрепление действиями персонажей. Действует формула: сказано – сделано. На основании этой закономерности установить референцию для слушателей не составляет труда, хотя формально создаются условия для возникновения референциального конфликта. В примере (187) референт¹ ‘старуха’, референт² ‘лиса’.

(187) ал., вывен.; мифол. сказка

а. ʒoro **ənpə.nav** kumŋə-lqi: “qə-jat-**yi**, ənina.lʔ-iyət, yəməkə-ŋ, yəm.nin mətqə-mət aviska, **q**-in-akmi.t-**yi** mətq-a”. [Кибрик 2000: т. 11, п. 3 – 4]

‘Тогда старуха крикнула: «Иди ко мне, сестричка, у меня сала много, возьми сала»’.

б. to jatt-**i** vitya

‘И пришла тут же.’

Происходит переключение референции: ‘сразу пришла’ не старуха, произносящая реплику, а лиса ‘старшая сестричка’, при этом сигналом переключения референции служит использование глагола *jatt-i* ‘пришла’, того глагола, который был использован в реплике старухи, обращенной к лисе: *qə-jat-yi* ‘приходи’. Здесь референция устанавливается следующим образом: пришла та, которой сказали ‘приходи’. В этом случае лексический актуализатор занимает периферийную позицию. Он необязателен, так как для слушателей сказки референциальной неопределенности не возникает. Отсутствие лексически полных актуализаторов компенсируется семантикой глаголов и логикой сюжетного повествования.

Интересно, что традиционная схема распределения ролей: референт^x ‘говорит, т.е. дает указания’, референт^y ‘выполняет указания’ наблюдается и в автобиографических рассказах. При этом референциальный конфликт не возникает именно благодаря тому, что в рамках отдельного эпизода роль ‘дающего указания’ закреплена за одним референтом. Даже протяженные авторские отступления не нарушают последовательности этой референциальной цепочки.

2.4.2.4. Дифференциация речевых особенностей персонажей

Фольклорный текст нередко предполагает моделирование диалогов ‘в лицах’, с соответствующими изменениями голоса, тембра, манеры речи, которые (по представлению рассказчика и слушателей) соответствуют определенному персонажу традиционного фольклора. Традиционный сюжет фольклорной сказки может предполагать эпизод столкновения ‘своего’ и ‘чужого’. При этом ‘свой’ герой говорит на родном для рассказчика языке, а речь ‘чужого’ может искажаться, ‘чужой’ герой как будто говорит ‘с акцентом’. Фонетическая дифференциация речи ‘своего’ и ‘чужого’ персонажей встречается далеко не в каждом тексте, по всей видимости, это зависит от индивидуальной манеры рассказчика, от его повествовательного мастерства. В следующем фрагменте фонетически маркирована речь враждебной собаки-женщины, ко всем словам она присоединяет *iz-* (188e, з).

(188) кор., чавч.; мифол. сказка

а. – Йаво, Мити, куйэцэң? [Жукова 1988: т. 17, п. 74 – 81]

‘– Погоди, Мити, что ты делаешь?’

б. – Тэкаймэң.

‘За водой иду.’

в. Гэлцэлин энкэйэ аймэнвэң.

‘Пошла туда за водой.’

г. Гэлэлин.

‘Дошла.’

д. Г’этг’эңав’ыт кулэң.

‘Собака-женщина идет.’

е. – Мэй, из-эльг’а гэчи из-аймэлыг’эгэ?

‘Здравствуй, из-женщина, ты из-по воду пошла?’

ж. – И.

‘– Да.’

з. – Эмбун, из-эльг’а кэпйэгэн ичг’эн мэ?омтантэнмэгаг’эн.

‘– Ну-ка, из-женщина, сними кухлянку, проверю, теплая ли.’

Фонетическая дифференциация речи ‘своего’ и ‘чужого’ референтов используется не как единственное средство их дифференциации, тут играет роль и вопросно-ответная конструкция, и распределение функций персонажей фольклорной сказки (герой – вредитель). Все это в совокупности помогает установить референциальные соответствия реплик, благодаря этому рассказчик, моделируя диалог, легко обходится без авторских поясняющих ремарок.

Примеры фонетической дифференциации речи персонажей встречаются и в алуторских текстах (189). В примечании к данному тексту дано пояснение: «Замена *k* на *q* в речи лисы» [Кибрик 2000: 66]

(189) ал., вывен.; мифол. сказка

а. «*qun naqam q-iv-yi: qə-yalmə-yi*». [Кибрик 2000: т. 14, п. 21, 22]
{Мышата:} «Ты только скажи: “Нагнись”».

б. «*k(/q)ə-yalmə-yi, k(/q)ə-yalmə-yi*».
{Лиса:} «Нагнись, нагнись».

Интересно, что лису нельзя причислить к враждебным, ‘чужим’ персонажам, но она часто выступает как антагонист по отношению к главному герою.

2.4.2.5. Модель диалога: Вопрос^{Реф1} – Ответ^{Реф2}

Маркером переключения референции в моделируемом диалоге является непосредственная вербально выраженная реакция на вопрос, например: *Что ты видишь? – Я вижу...* Не зная ситуации, не зная, кому принадлежат эти реплики, тем не менее мы имеем полное основание считать, что эти реплики принадлежат разным референтам. Переключение референции происходит естественным образом, распределение ролей очевидно: вопросительная реплика принадлежит одному референту, ответная реплика в традиционном

фольклорном тексте уже всегда принадлежит другому референту. Разговор с самим собой, имеющий место в литературном тексте, есть искусственное преодоление исконной диалогичности человеческой речи. В примере (199) реплика референта¹, референт¹ ‘орел’, реплика референта², референт² ‘охотник’.

(199) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Йиуэй тилмэтил нючельбэж гэгчол, нанко аңбак гэгчол.* [Жукова 1988: т. 7, п. 70 – 73]

jiŋe=ɨ	tilm=ə=til	n'uce=l'q=ə=k	үэçyol
лететь=3sg.PFV	орел=E=ABS.sg	земля=SUPER=E=LOC	наверху
ŋan=qo	aŋqa=k	үэçyol	
там=ABL	море=LOC	наверху	

‘Полетел орел над землей, потом над морем.’

б. *Копуэлоунэн:*

ko=ŋəlo=ŋ=nen
PRES=спрашивать=PFV=3sgA+3P
‘Спрашивает:’

в. – *Бэпанэнатвэ, йэннэ кулэг’уэн?*

q=ə=panenatv=e	jənnə	ku=ləhu=ŋ=ə=n
2.S.IMP=E=рассказывать=2sgS.PFV	что	PRES=видеть=PFV=E=3sgP

- Расскажи, что видишь?

г. – *Тэкулг’уэн (н)эпулюбжин нючельбэж то уйүэ эмэйнакалг’ин гэтгэн.*

tə=ku=ləhu=ŋ=ə=n	n=ə=ppul'u=qin
1sgA=PRES=видеть=PFV=E=3sgP	QUAL=E=маленький=3sg.S
n'uce=l'q=ə=n	to uŋe e=meŋə=kəlh=in
земля=SUPER=E=ABS.sg	и не NEG=большой=E=ATR.neg=REL.sg

үэтү=ə=n
озеро=E=ABS.sg

‘– Я вижу маленькую землю и не очень большое озеро.’

До начала диалога в предшествующем тексте в локальном фокусе было два референта: *орел* и *охотник*. Если реплика ‘что ты видишь?’ принадлежит орлу, то, соответственно, ответ ‘я вижу’ принадлежит охотнику. При этом не требуется никаких авторских пояснений, референциальное переключение очевидно. Отсутствие авторских пояснений в таких фрагментах ускоряет развертывание сюжета. В приведенном (200) фрагменте референт¹ ‘Кут-

кынняяку’ проносит реплики, референт² ‘мама Куткынняяку’ произносит реплики.

(200) ал., вывен.; мифол. сказка

а. «*yəm-nan, əmata, tə-tyə-tkəni-yət.*» [Кибрик 2000: т. 5, п. 11 – 15]

yəm=nan əmata tə=tyə=ə=tkəni=yət
я=ERG мама 1sgA=копать=E=IPFV=2sgP
‘«Мам, я тебя выкапываю.»’

б. «*mik-iyət?*»

mik=iyət
кто=2sgS
«Кто ты?»

в. «*ya-n.təyiv.at-iyət.*»

ya=n=təyiv=at=iyət
PP=CAUS=забыть=VBLZ=2sgP
‘«Забыл тебя.»’

г. «*yəmmə qəyi, qas ina-n.təyiv.at-i?*»

yəmmə qəyi qas ina=n=təyiv=at=i
я ведь разве 1sgP=CAUS=забыть=VBLZ=2sgA.PFV
‘«Я ведь, разве ты забыл меня?»’

д. «*wəʔat, əmata, yəttə?*»

wəʔat əmata yəttə
ах мама ты
‘«Ах, мама, ты?»’

Если вопрос принадлежит одному референту, то ответ другому, даже если при этом не используется номинация референта.

Устойчивым этапом развития сюжетного действия фольклорной сказки является испытание героя. На этом этапе ‘вредитель’ спрашивает и дает задание, ‘главный герой’ отвечает и выполняет. Это распределение функций может служить средством разрешения референциального конфликта. Обратимся к примеру из фольклорного текста (201). Референт¹ ‘Ака, парень, главный герой’, референт² ‘нинвит, злобное мифологическое существо’.

Смена реплик без маркеров переключения референции происходит на границе предложений (201д/е/ж).

(201) кор., чавч.; мифол. сказка

а. *Гэг'эжэв'лин Аҕачгэн.* [Жукова 1988: т. 16, п. 3 – 10]

γ=ə=heqew=lin аҕа=čγ=ə=n
PP=E=отправиться=3sgS Pers=PEJOR=E=ABS.sg
'Пошел Ака (презрит.).'

б. *Вэг'айок ҕинвитнэмйэчг'эн гайог'элэн.*

vəhajok ҕинвит=нэм=јэчh=ə=n γа=јoh=ə=len
потом нинвит=поселок=NMLZ.собир=E=ABS.sg PP=достигнуть=E=3sgP
'И вот дошёл до селения злых духов.'

в. *Коровэн ҕэлвалг'энэжу.* [Жукова 1988: т. 16, п. 5]

korov=en ҕel=vəlh=ə=nequ
корова=REL.sg табун=NMLZ=E=AUG
'Коровье стадо большущее.'

г. *Гив'лин ҕинвитэ:* [Жукова 1988: т. 16, п. 6]

γ=iw=lin ҕинвит=e
PP=говорить=3sgP нинвит=INSTR
'Говорит ему нинвит.'

д. – *Куйэҕэҕ гэчи?* [Жукова 1988: т. 16, п. 7]

ku=jeq=ə=η үэсči
PRES=что=E=PFV ты
'– Ты что делаешь?'

е. – *Тэкупичгэгилин.* [Жукова 1988: т. 16, п. 8]

tə=ku=pičγ=ə=yili=η
1sg.S=PRES=пища=E=искать=PFV
'– Еду ищу.'

ж. *Ңэйан, г'анэко йаҕйолгэк ачг'экоров' в'аҕач гэвиг'элин.*

ηejan hanəko jaη=joly=ə=k ачh=ə=korow
тогда вон.там лишайник=NMLZ.вместилище=E=LOC жирный=E=корова
waηjač үe=vih=ə=lin
важенка-нетель PP=умереть=E=3sgS
'– Ладно, вон на ягельнике жирная корова-нетель издохла.'

з. *Ңэтэгэн.*

q=eto=γ=ə=n
2A.IIP=вынуть=2sgA=E=3sgP
'Достань.'

Перед нами типичный диалогический фрагмент корякского фольклорного текста. Говорящий моделирует диалог двух персонажей. При этом про-

исходит переключение референции. Важным фактором предотвращения диалогического референциального конфликта являются вопросно-ответные стереотипные фольклорные формулы. Если реплика-вопрос принадлежит одному референту (201д), то естественным образом реплика-ответ уже принадлежит другому референту (201е). Смена референции легко улавливается слушателями.

не я ты=E=LOC вместе
m=ə=ta=ʋəjini=ŋ=ə=k
1sgS.IMP=E=VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=E=1sgS.PFV
'Ни за что я с тобой вместе не буду охотиться,'

3. – *нотавэ птыц.*

not=av=e pətiq
сердитый=VBLZ=3sg.PFV птица
'– Рассердилась птица.'

Логично предполагать, что разделение реплик, принадлежащих разным референтам, происходит при помощи изменения тембра голоса, интонации рассказчика. Однако у нас нет звуковой записи, но даже на уровне письменного текста можно говорить, что маркером переключения является отрицание *нет*. Если, образно говоря, один референт говорит *да*, то выражение *нет* является антитезой, *нет* – это маркер переключения референции на основе противопоставления реплик. Если один говорит *да*, то *нет* говорит другой. Далее есть авторская отсылка, кто из двух референтов находящийся в фокусе внимания, произнес эту реплику. Но эта отсылка следует за репликой, а на переключение референции слушающий должен реагировать сразу. Как только появляется реплика другого референта, так сразу этот референт становится в фокусе внимания. При этом интересно, что используется местоимение *я*, которое в данном случае тоже можно трактовать как маркер переключения референции. Слушающему нужно понять, что *я* поменялся. В этом эпизоде маркеры переключения – отрицание *нет*, местоимение *я*, и уже далее как подтверждение состоявшегося референциального переключения – пояснение рассказчика, в рамках которого используется полная номинация.

2.5. Экстралингвистические факторы разрешения референциального конфликта

К экстралингвистическим факторам разрешения референциального конфликта относятся такие, которые, помимо опоры на языковые средства,

предполагают также отсылку к общекультурной сфере человеческой жизни. Текст формируется под влиянием множества экстралингвистических факторов, которые могут воздействовать на процесс моделирования текста. Мы рассмотрим, как влияют на разрешение референциального конфликта религиозные представления рассказчика, система родственных взаимосвязей, дифференциация женских и мужских социальных ролей.

2.5.1. Влияние религиозных представлений о перерождении души

Соединение двух референтов в одном образе может быть обусловлено религиозными мифологическими представлениями коряков. Согласно религиозным представлениям коряков, в образе новорожденного рождается уже умерший человек, часто родственник. В приведенном фрагменте (203) хорошо видно, как в тексте происходит наложение (референт¹ – ‘я-нарратор, рассказчица Лилия Аймик’, референт² – ‘Аймык, отец рассказчицы’, референт³ – ‘Аймык, сын рассказчицы’, наложение референтов^{2,3}).

(203) кор., чавч.; автоб. рассказ

в. *Нанко тэв’уывок: анам, титэ тыяйттоңын кмиңын, энъич гымнин тыяйттоңын.*

ηan=ko	t=ew=ηəvo=k	anam	tite
там=LOC	1sgS=говорить=INCH=1sgS.PFV	вероятно	когда
tə=ja=jto=η=ə=η	kmiŋ=ə=η	en’pič	yəm=nin
1sgA=POT=вынуть=PFV=E=3sgP	сын=E=ABS.sg	отец	я=POSS.sg
tə=ja=jto=η=ə=η			
1sgA=POT=вынуть=PFV=E=3sgP			

‘Тогда я подумала: «Наверное, когда я рожу сына, отца своего рожу».’

г. *А кмиңын тэтогаг’эн, ыннин Аймың, енпы больницак вама, гымнан чинин тыг’эйнуэвын тата, вэлойтың тыг’эйнуэвын Аймың.*

a	kmiŋ=ə=η	t=eto=yah=ə=η	ənnin	ajməq	jeppə
	сын=E=ABS.sg	1sgA=вынуть=PFV=E=3sgP	этот	Pers	еще
bol’nica=k	va=ma	yəm=nan	činin		
больница=LOC	быть=CV.sim	я=ERG	сам		

$\underline{t}=\underline{\partial}=\underline{hej\eta}=\underline{ev}=\underline{\partial}=\underline{n}$ tata velo=jtəŋ $\underline{t}=\underline{\partial}=\underline{hej\eta}=\underline{ev}=\underline{\partial}=\underline{n}$
 $\underline{1sgA}=\underline{E}=\underline{звук}=\underline{VBLZ}=\underline{E}=\underline{3sgP}$ папа уxo=LAT $\underline{1sgA}=\underline{E}=\underline{звук}=\underline{VBLZ}=\underline{E}=\underline{3sgP}$
ajməq
Pers

‘А сына я родила, этого, Аймыка, еще в больнице находясь, я сама позвала папу, в ухо позвала Аймыка.’

По религиозными представлениями коряков в образе новорожденного рождается уже умерший человек, часто родственник. В сознании рассказчицы ‘отец’ и ‘сын’ – два разных человека, но они объединяются в образе одного новорожденного. В форме $\underline{t}=\underline{\partial}=\underline{hej\eta}=\underline{ev}=\underline{\partial}=\underline{n}$ ‘я позвала его’ (во втором употреблении) в роли Пациенса фигурируют одновременно два референта ‘отец’ и ‘сын’ рассказчицы, имя собственное ‘Аймык’ не является дифференцирующим, так как одновременно относится к ним обоим.

2.5.2. Дифференциация женских и мужских социальных ролей

В любой традиционной культуре, как правило, есть сугубо женские и сугубо мужские хозяйственные обязанности, поэтому, если в некотором фрагменте текста в актуальном поле зрения находятся два референта, различающихся по полу, устранение референциального конфликта может происходить за счет соотнесения действий, выполняемых референтами, с женским или мужским стереотипом поведения.

(204) ал., пал.; семейное предание

а. *Гымнин ?ылла гэлэлин ?ыньнивынаң:* [Жукова 1980: т. 7, п. 16 – 19]

‘Моя мать пришла к дяде.’

б. «*Гыт?ат?ыт?ын таҕың гарайтылэн?*»

‘«Зачем голодная собака домой пришла?»’

в. «*Самовар ҕынтыватгын*»

‘«Самовар поставь.»’

г. *Ганьсайов’лэн.*

‘Напоил(а) его чаем’.

В данном случае в предложении (204г) происходит актуализация референта² ‘дядя’, этот референт выполняет роль Пациенса. Согласно традиционным взглядам аляutorцев, трактовка ‘напоил (её) чаем’ невозможна. Такая неоднозначность (кто кого поит чаем) могла бы легко возникнуть в современной русской культуре, но не в традиционной корякской. Интересно, что *мать рассказчицы* приходит в дом к *дяде рассказчицы*, т. е. дядя является хозяином дома, где происходят дальнейшие события. Однако не он поит чаем на правах хозяина, а его поит чаем пришедшая родственница. В этом фрагменте разрешение референциального конфликта базируется на правилах жесткой дифференциации женских и мужских обязанностей в традиционной культуре.

Выводы

Если в письменных текстах (в литературных повестях, рассказах, в газетных статьях) референциальный конфликт как лингвистический феномен встречается редко, то для устных фольклорных текстов и автобиографических рассказов референциальный конфликт – явление типичное. Требование адекватного перевода корякских и аляutorских фольклорных текстов диктует необходимость учитывать объективно существующий референциальный план повествования. Как показал анализ текстов, разрешение референциального конфликта в пользу одного из двух конкурирующих референтов обусловлено целым рядом факторов, важнейшие из которых непосредственно коррелируют с жанровой спецификой текста.

В фольклорных текстах важным фактором разрешения референциального конфликта является степень протагонизма референтов, которая может определяться устойчивостью данного референта (фольклорного персонажа) в рамках этнической культурной традиции, в рамках конкретного сюжета, который может ассоциироваться в сознании носителей традиции с определенными референтами. Таким образом, само основание референциального кон-

фликта отчасти и обусловлено этой традиционностью, устойчивостью некоторых сюжетов и действующих лиц. В этих случаях лексические номинации, не только вторичные, но даже и первичные (!), если верить записям текстов, могут казаться носителям традиции излишними. Референциальный план текста прозрачен для носителей данной этнической традиции. С другой стороны, этот же самый текст носителями другой этнической культуры воспринимается как референциально запутанный. Четкость референциального плана повествования зависит не только от наличия в нем лексических и грамматических актуализаторов, но и от воспринимающего сознания. В процессе выстраивания рассказчиком референциального плана текста в полной мере реализуется принцип языковой экономии. Устойчивый круг сюжетов и соответствующая ему традиционная система персонажей диктуют особенности референциальной стратегии. Для носителей традиции отсутствие лексических маркеров переключения, не затемняя референциальный план повествования, значительно ускоряют динамику развития сюжета. Повествовательная традиция выработала ряд устойчивых приемов переключения референции в фольклорных текстах: очередность в процессе перемежения реплик персонажей, распределение функций персонажей, вопросно-ответная структура диалога, дифференциация речевых особенностей персонажей, логика сюжета. Все эти факторы в комплексе обуславливают возможность мгновенного перемещения фокуса актуального внимания.

В исторических преданиях, в отличие от мифологических сказок, референциальный план выстраивается каждый раз заново, т. е. не является единым для всех текстов этого жанра. Сюжеты исторических преданий обладают несопоставимо меньшей устойчивостью, нежели сюжеты мифологических сказок. Рассказчик, моделируя референциальный план исторического предания, стремится к высокой референциальной конкретности, по этой причине референциальные конфликты в исторических преданиях явление редкое, обусловленное не особенностями генезиса и бытования текстов этого жанра, а редукцией повествовательной традиции.

Референциальный план автобиографических повествований, в подавляющем большинстве случаев, предполагает константную точку отсчета выстраивания референциального плана повествования. Возможные референциальные конфликты в автобиографических рассказах разрешаются несколько иначе, чем в фольклорных текстах. Эти тексты не располагают устойчивой системой референтов, каждый раз она выстраивается заново, относительно темы беседы и интересов слушателя. Однако сама стратегия выстраивания референциального плана автобиографического рассказа неизменна. Доминирующую позицию занимает *я-нарратор*, все остальные референты актуализируются относительно этого центра. В процессе моделирования диалогов в ходе автобиографического повествования рассказчик нередко обращается к *я-ролевым маскам*. Каждый раз введение ролевой маски требует обоснования, т. е. использования лексических актуализаторов. В то же время возвращение к *я-нарратору* не требует специальных маркеров переключения, так как *я-нарратор* всегда находится в глобальном фокусе внимания автобиографического рассказа. Таким образом, жанровая специфика текста во многом обуславливает способы разрешения референциального конфликта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет утверждать, что существует корреляция между жанровой спецификой текстов и способами выражения референции в них. На поверхностном уровне это проявляется в выборе лексических актуализаторов, соответствующих той образной системе, которая характерна для текстов определенного жанра. В частности, в исторических преданиях преоритет отдается статусным и этническим идентификаторам, а в автобиографических рассказах – именам собственным и терминам родства.

Способы интродуктивной актуализации референтов в автобиографических рассказах и мифологических сказках Вороньего цикла тождественны и опираются на процесс актуализации родственной связи между рассказчиком «Я» и другими референтами, а применительно к Вороньему циклу – между вороном Куткыннюку и другими персонажами цикла мифологических сказок. Этот факт может служить свидетельством того, что система референциальных связей мифологических сказок Вороньего цикла сформировалась под влиянием референциальной системы автобиографических рассказов.

Автобиографические рассказы не являются фольклорными текстами, однако, вопреки ожиданиям, отнюдь не предполагают полной свободы рассказчика в выборе интродуктивных номинаций. Оказалось, что именно автобиографические рассказы, в сопоставлении с мифологическими сказками, историческими преданиями и литературными текстами, располагают наименьшим спектром референциальных моделей. С одной стороны, это парадоксально, но с другой – абсолютно закономерно. Мифологические сказки по сравнению с автобиографическими рассказами предполагают качественное усложнение текста, что проявляется в расширении интродуктивных номинаций, предназначенных для целей референции.

Жанровая специфика текста не только обуславливает выбор соответствующих лексических актуализаторов, но и предопределяет степень вариативности референциальных дескрипций. Это непосредственно связано с уровнем сложности моделируемого референциального плана повествования. Тексты разных жанров отличаются по степени регламентированности интродуктивных номинаций. Наблюдается следующая тенденция: чем устойчивее тексты в рамках данной этнической традиции, тем менее разнообразные модели референциальных дескрипций используются в них. Есть все основания предполагать, что ограниченность, заданность средств референции, обеспечивающая референциальную прозрачность текста или всего цикла текстов, в частности мифологических сказок Вороньего цикла, способствует достаточно устойчивому бытованию и трансляции архаических фольклорных текстов, а в более широком смысле представляет собой механизм самосохранения культуры.

Референциальная прозрачность текстов Вороньего цикла относительна: она несколько сложнее, чем в автобиографических рассказах, но проще, чем в мифологических сказках, не входящих в состав Вороньего цикла, и исторических преданиях. Развитие предполагает усложнение. Анализ референциальных дескрипций по степени их сложности, вариативности моделей, их предсказуемости позволяет утверждать, что Вороний цикл первичен по отношению к другим образцам корякского и алыторского фольклора. Именно мифологические сказки Вороньего цикла строятся в соответствии с принципом референциальной заданности, однородности, круг референциальных моделей ограничен, референциальный план прозрачен и предопределен.

Архаическая мифологическая сказка представляет собой лингвистический феномен. Это выражается в ряде факторов, важнейший из которых – способы поддержания и переключения референции. В соответствии с принципом языковой экономии традиция выработала устойчивые приемы мгновенного переключения референции, не требующие лексических актуализато-

ров. Поиск изобразительно-выразительных средств не является приоритетом для текстов этого типа. Все внимание в них сосредоточено на трех составляющих: герой, действие, реплика. Моделирование диалогов в мифологических сказках обеспечивает эмоциональность восприятия. В свою очередь отсутствие лексических маркеров переключения референции в них усиливает динамичность развития сюжета.

Анализ текстов показал, что для выбора способов интродуктивной референции глобальные факторы более актуальны, чем дискурсивные. Для отсылочной референции в равной мере важны и дискурсивные, и глобальные факторы. Но если дискурсивные и глобальные факторы конкурируют между собой, то результат разрешения конфликта зависит от жанра текста. В частности, для архаических фольклорных текстов Вороньего цикла глобальные факторы играют более важное значение, чем дискурсивные. Именно этим и объясняется наличие референциальных конфликтов в текстах этого типа. То, что при применении только дискурсивных факторов трактуется как референциальный конфликт, с учетом глобальных факторов конфликтом не является. Если же говорить о текстах более поздних (исторических преданиях, охотничьих рассказах, мифологических рассказах), то в них дискурсивные факторы, действительно, играют первостепенную роль.

О выразительном потенциале корякского и алюторского языков можно судить именно по текстам исторических преданий. Отсутствие доминирующих моделей референциальных дескрипций в текстах исторических преданий является свидетельством развития, стилистического усложнения повествовательной традиции. Закономерно, что быстрее всего исчезают сложные, выразительные тексты. Моделирование референциального плана текстов исторических преданий требует от рассказчика глубокой укорененности в традиции. Редукция референциального плана повествования неизбежно влечет за собой забывание традиционных сюжетов и мотивов. На материале редуци-

рованных фольклорных текстов можно увидеть, что сначала забываются действующие лица, это выражается в упрощении референциальных номинаций.

Возникающая у некоторых исследователей иллюзия неразвитости повествовательной традиции береговых и оленных коряков вызвана тем, что в ситуации утраты самобытной этнической культуры в сознании людей удерживаются те сюжеты, референциальный план которых наиболее прост.

С одной стороны, в условиях ассимиляции этносов утрата устной повествовательной традиции неизбежна, с другой стороны, культурные и языковые контакты открывают новые возможности для бесписьменных языков, в частности, способствуют появлению и развитию литературного творчества.

Литературный текст есть результат сознательного моделирования, экспериментирования в сфере языка. При формировании литературной традиции происходит качественное усложнение текста, что непосредственно выражается, помимо всего прочего, и в способах актуализации референтов. Применительно к культуре оленных и береговых коряков проблема заключается в том, что литературная традиция как явление не состоялась. Литература исчезла, едва успев появиться. Но уже в первых литературных опытах на корякском и алюторском языках видны попытки усложнить, сделать более выразительными способы выражения референции. Усложнение интродуктивных номинаций в литературном тексте, в первую очередь, происходит за счет включения в состав описаний разного рода определений, что не характерно для устных текстов.

Качественное усложнение способов выражения референции, присущее литературному тексту, не проявляет себя в письменных текстах газетных статей. Прагматические задачи публицистики ограничивают поиски выразительных средств референции.

Анализ референциальных описаний в текстах разных жанров позволяет увидеть, как происходит усложнение повествовательной традиции и, напротив, как происходит ее редукция. Исследования в этом направлении по-

зволяют проследить, выявить свидетельства развития, бытования или распада традиционной повествовательной культуры. Главный вопрос состоит в том, насколько универсальный характер имеет связь между способами выражения референции и жанром текста, между референциальным планом повествования и степенью сохранности этнической повествовательной традиции. Дальнейшие исследования на материале других языков и жанров, возможно, позволят ответить на этот вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адоньева 2003: Адоньева С. Б. Своя чужая речь: фольклор в свете прагматики // Путилов. Б.Н. Фольклор и народная культура. In *memoiam*. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 239–252.

Апресян 1995: Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 472 с.

Апресян 1997: Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Opera selecta. Сборник научных статей. Вып. 35. – Языки русской культуры. Русские словари. Москва 1997. – С. 272 – 298.

Арутюнова 1977: Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева (ред.). – М.: Наука, 1977. – С. 304–357.

Арутюнова 1982: Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 5–40.

Арутюнова 1988: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). – М.: Наука, 1988. – 338 с.

Базылев 2007: Базылев В. Н. Общее языкознание. – М.: Гадарика, 2007. – 288 с.

Барт 1982: Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1982. – С. 442–449.

Барулин 1985: Барулин А. Н. Морфосинтаксические этюды // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Кутаиси – 85». Тезисы докладов и сообщений / А. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1985. – С. 278–282.

Бекзентеева 1999: Бекзентеева В. В. Ассоциативная анафора в тексте (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МПГУ, 1999. – 17 с.

Беллерт 1978: Беллерт М. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 172–208.

Богораз 1937а: Богораз В. Г. Краткий очерк грамматики луораветланского языка // Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотский) словарь. – М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. – С. 9–39.

Богораз 1937б: Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотский) словарь. – М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. – 165 с.

Богуславская 1983: Богуславская О. Ю. Семантика анафорических операторов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Телави – 83». Тезисы докладов и сообщений / А. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1983. – С. 174–176.

Богуславская 1985: Богуславская О. Ю. Проблемы толкования анафорических лексем // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Кутаиси – 85». Тезисы докладов и сообщений / И. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1985. – С. 282–284.

Богуславская 1988: Богуславская О. Ю. Анафорические лексемы. Проблемы описания // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной дея-

тельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми – 88». Тезисы докладов и сообщений / Р. С. Гиляревский (ред). – М.: ВИНТИ, 1988. – С. 284–287.

Богуславская, Муравьева 1987: Богуславская О. Ю., Муравьева И. А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.). – М.: Наука, 1987. – Гл. 5. – С. 78 – 128.

Болотов 2001: Болотов В. И. Имя собственное, имя нарицательное. Эмоциональность текста. Лингвистические и методические заметки. – Ташкент: Изд. «Фан» АН Республики Узбекистан, 2001. – 364 с.

Бразговская 2006: Бразговская Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). – Пермь: Перм. гос. пед ун-т, 2006. – 192 с.

Бурыкин 2004: Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб: Петербургское востоковедение, 2004. – 384 с.

Вахтин, Головко 2010: Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. Сборник материалов международного научно-методического семинара / В. С. Волков (ред.). – Петропавловск-Камчатский: Издательство КамчатГТУ, 2010. – С. 42–50.

Вежбицка 1978: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.

Вежбицка 1982: Вежбицка А. Описание или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 237–262.

Вендлер 1982: Вендлер З. Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 203–236.

Вендина 2005: Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 391 с.

Гаузенблаз 1978: Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 57–78.

Головачева 1979: Головачева А. В. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Наука, 1979. – С. 175–204.

Головачева 2000: Головачева А. В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. – М.: РАН Институт славяноведения, 2000. – 158 с.

Гулянкowa 1996: Гулянкowa Т. И. Средства и способы контактной и дистантной связности фольклорного текста (на материале русской народной волшебной): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел: Изд. Орловского ГПУ, 1996.–19с.

Доброва 2003: Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). – СПб.: РГПИ им. А. И. Герцена, 2003. – 492с.

Доннелан 1982: Доннелан К. С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 134–160.

Дресслер 1978: Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 111–137.

Дымарский 2000: Дымарский М. Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 258–280.

Дюкро 1982: Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывания / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 263–291.

Ефимова 2005: Ефимова З. В. Факторы, влияющие на выбор референциальных средств в японском нарративе // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля / В. М. Алпатов, З. М. Шалапина (ред.); А. С. Панина (сост.). – М.: Вост. лит., 2005. – С. 177–209.

Жукова 1983: Жукова А. Н. Словарь корякско-русский и русско-корякский. Пособие для учащихся начальной школы. – Л.: Просвещение, 1983. – 282 с.

Жукова 1984: Жукова А. Н. Структура предложения в корякском языке // Структура предложения в языках различных типов. Палеоазиатские языки / В. З. Панфилов, П. Я. Скорик (ред.). – Л.: Наука, 1984. – С. 211–239.

Забалухина 2010: Забалухина Э. Ю. Референция аксиологической сферы адресата в диалогическом дискурсе (на материале английского и русского языков). Дис. ... канд. филол. наук. – М.: Военный университет, 2010. – 163 с.

Земская 1979: Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

Изворска 2002: Изворска Р. Формальная семантика // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 207–230.

Изенберг 1978: Изенберг Х. О предмете лингвистической теории текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 43–56.

Йокояма 2004: Йокояма О. Б. Сокровенный субъект: прагмасемантика японского текста // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Ю. Д. Апресян (ред.). – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 426–436.

Казакевич, Кибрик 2010: Казакевич О. А., Кибрик А. Е. Малые языки на постсоветском пространстве // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. Сборник материалов международного научно-методического семинара / В. С. Волков (ред.). – Петропавловск-Камчатский: Издательство КамчатГТУ, 2010. – С. 25–42.

Кацнельсон 2001: Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.

Каюров 2005: Каюров П. А. Статус «фиктивной онтологии»: референция и вымышленная реальность: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург: Изд. Уральского гос. ун-та. – 2005, 24 с.

Кибрик 1983: Кибрик А.А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессов. Сборник научных трудов / А. С. Нариньяни (ред.). – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983. – С. 106–129.

Кибрик 1988: Кибрик А.А. Типология средств оформления анафорических связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 21 с.

Кибрик 2003: Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 91 с.

Кибрик 2009: Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009.– № 2. – С. 3–21.

Кибрик, Подлеская, Коротаяев 2009: Кибрик А. А., Подлеская В. И., Коротаяев Н. А. Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления // Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). – М.: Языки славянской культуры, 2009. С.

Кибрик А. Е. 2000: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.

Кибрик А. Е. 2003: Кибрик А. Е. Константы в переменные языка. – СПб.: Алтея, 2003. – 720 с.

Кибрик А. Е. 2010: Кибрик А. Е. Методы коллективной полевой работы (школа филфака МГУ) // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. Сборник материалов международного научно-

методического семинара / В. С. Волков (ред.). – Петропавловск-Камчатский: Издательство КамчатГТУ, 2010. – С. 13–25.

Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 468 с.

Кифер 1978: Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 337–369.

Ковган 2002: Ковган Е. В. Способы выражения кореферентности в хантыйском языке // Языки коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Вып. 12 / Н. Б. Кошкарёва, И. В. Октябрьская (ред.). – Новосибирск: НГУ, 2002. – С. 3–28.

Коровкин 1991: Коровкин М. М. Внутретекустовые связи как средство компрессии текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд. МГЛУ, 1991. – 25 с.

Коул 1982: Коул П. Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 391–405.

Крипке 1982: Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 340–376.

Кронгауз 1987: Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. – М.: Наука, 1987. – С.118–135.

Кронгауз 1989: Кронгауз М. А. Использование механизмов референции при анализе текста: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М.: Изд. МГУ, 1989. – 23 с.

Кронгауз 1983: Кронгауз М. А. Тип референции именных групп с кванторными местоимениями *все*, *всякий* и *каждый* // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Телави – 83». Те-

зисы докладов и сообщений / А. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1983. – С. 208–210.

Кронгауз 2005: Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

Кручинкина 1998: Кручинкина Н. Д. Семантика и парадигматика пропозитивного номинанта. – Саранск: Изд. Мордов. ун-та, 1998. – 104 с.

Крылов 2005: Крылов С. А. Об употреблении термина «субъект» в современной лингвистике // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля / В.М. Алпатов, З.М. Шаляпина (ред.); А.С. Панина (ред.). – М.: Вост. лит., 2005. – С. 177–209.

Куайн 1982: Куайн У. О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 87–108.

Кузьмина 2004: Кузьмина Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб.: Изд. РГПИ им. А. И. Герцена, 2004. – 20 с.

Куно 1982: Куно С. Некоторые свойства неререферентных именных групп // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 292–339.

Лаптева 2003: Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Едиториал УРРС, 2003. – 400 с.

Лебедев, Черняк 2001: Лебедев М. В., Черняк А. З. Онтологические проблемы референции. – М.: Праксис, 2001. – 344 с.

Лебедева 1991: Лебедева Л. Б. Референция и структурно-семантические аспекты высказывания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991. – 48 с.

Левицкий 2005: Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. – М: Едиториал УРСС, 2005. – 368 с.

Лекомцева 1979: Лекомцева М. И. Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Наука, 1979. – С. 204–231.

Линский 1982: Линский Л. Референция и референты / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 161–178.

Лотман 2004: Лотман Ю. М. К проблеме типологии текстов // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. – С. 442–447.

Лотман, Пятигорский 2004: Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. Текст и функция // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. – С. 434–442.

Лукин 2005: Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.

Лютикова 2002: Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 253 с.

Мальцева 1998а: Мальцева А. А. Морфология глагола в алюторском языке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 252 с.

Мальцева 1998б: Мальцева А. А. Синтаксические функции инструментального падежа в чукотско-корякских языках // Языки коренных народов Сибири. Сборник научных трудов / М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник (ред.). Вып. 4. – Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1998. – С. 71–95.

Мальцева 2010: Мальцева А. А. «Мы не такие, как вы»: влияние национальной языковой политики на современное состояние диалектов алюторского языка // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. Сборник материалов международного научно-методического семинара / В. С. Волков (ред.). – Петропавловск-Камчатский: Изд. КамчатГТУ, 2010. – С. 13–25.

Матвеев 2006: Матвеев А. К. Ономатология. – М.: Наука, 2006. – 292с.

Моделирование 1987: Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.). – М.: Наука, 1987. – 280 с.

Молл 1960а: Молл Т. А. Корякско-русский словарь. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1960. – 238 с.

Молл 1960б: Молл Т. А. Краткий очерк грамматики корякского языка // Молл Т. А. Корякско-русский словарь. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1960. – С. 117–232.

Москальская 1981: Москальская О. И. Грамматика текста. (Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков). – М.: Высш. шк., 1981. – 163 с.

Муравьева 1988: Муравьева И. А. Анафорическое местоимение ЭТОТ и проблема тождества обозначаемых сущностей // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми – 88». Тезисы докладов и сообщений / Р. С. Гиляревский (ред.). – М.: ВИНТИ, 1988. – С.353–356.

Муравьева 1994: Муравьева И. А. О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Жирмунского / В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, Н. В. Перцов (ред.). – М.: Русский учебный центр МС, 1994. – С. 191–204.

Муравьева 2004: Муравьева И. А. Типология инкорпорации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Изд. РГГУ, 2004. – 62 с.

Мудрак 2000: Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.

Нагаяма 2003: Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. – Kyoto, 2003. – 314 с.

Нариньяни 1983: Нариньяни А. С. Упрощенная модель анафоры в рамках системы понимания текста // Разработка и применение лингвистических процессов. Сборник научных трудов / А. С. Нариньяни (ред.). – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР. – 1983. – С. 88–105.

Николаева 1979: Николаева Т. М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Наука, 1979. – С. 119–174.

Николаева 1978: Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 5–39.

Николаева 2000: Николаева Т. М. О «единстве ономастики» и / или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 3–18.

Новое 1982: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – 433 с.

Нутаюлгин 2010: Нутаюлгин В. М. О статусе алыторского языка // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. Сборник материалов международного научно-методического семинара / В. С. Волков (ред.). – Петропавловск-Камчатский: Изд. КамчатГТУ, 2010. – С. 102–105.

Откупщикова 1987: Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л.: Изд. ЛГУ, 1987. – 34 с.

Падучева 1983: Падучева Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Телави – 83». Тезисы докладов и сообщений / А. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1983. – С. 229–232.

Падучева 1985: Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Падучева 1988: Падучева Е. В. Референциальная семантика перед лицом непредметных сущностей // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржомы – 88». Тезисы докладов и сообщений / Р.С. Гиляревский (ред.). – М.: ВИНТИ, 1988. – С. 358–364.

Падучева 2011: Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 3–18.

Палек 1978: Палек Б. Кросс-референция; к вопросу о гиперсинтаксисе // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 243–258.

Патнэм 1982: Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 377–390.

Петров 1982: Петров В. В. Философские аспекты теории референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 406–415.

Потапова 2003: Потапова С. Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. – Ярославль: МУБиНТ, 2003. – 276 с.

Пронина 2003: Пронина Е. П. Картинный словарь корякского языка. Пособие для учащихся начальной школы. – СПб.: Просвещение, 2003. – 135 с.

Пфютце 1978: Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 218–242.

Раемгужина 2006: Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования). – Уфа: Изд. Уфимского филиала ГОУ ВПО «МГОПУ», 2006. – 256 с.

Рассел 1982: Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 41–54.

Ревзин 1977: Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1977. – 264 с.

Ревзин 1978: Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. – М.: Наука, 1978. – 287 с.

Рябцева 2004: Рябцева Н. К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Ю. Д. Апресян (ред.). – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 451–458.

Рубашкин 1983: Рубашкин В. Ш. Об одной закономерности выражения денотативного тождества имен в связном тексте // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Телави – 83». Тезисы докладов и сообщений / А. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1983. – С. 233–235.

Свешникова 1979: Свешникова Т. Н. Категория определенности-неопределенности при одном виде трансформации в румынском языке (конструкции с отглагольным именем) // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Наука, 1979. – С. 231–330.

Сгалл 1978: Сгалл П. К программе лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 79–88.

Селезнев 1983: Селезнев М. Г. Принципы разрешения референции определенно-референтных нарицательно-именных групп // Разработка и применение лингвистических процессов. Сборник научных трудов / А.С. Нариньяни (ред.). – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР. – 1983. – С. 130–147.

Селезнев 1985: Селезнев М.Г. Функционирование механизмов определенной референции в процессе синтеза текста (прикладные аспекты теории референции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд. МГУ, 1985. – 23 с.

Селиверстова 2004: Селиверстова О. Н Местоимения в языке и речи // Селиверстова О. Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 375–557.

Семиотические 1985: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Кутаиси – 85». Тезисы докладов и сообщений / А. И. Михайлов (ред.). – М.: ВИНТИ, 1985. – 432 с.

Семиотические 1988: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми – 88». Тезисы

докладов и сообщений / Р.С. Гиляревский (ред.). – М.: ВИНТИ, 1988. – 220 с.

Серл 1982: Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 179–202.

Скорик 1948: Скорик П. Я. Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1948. – 176 с.

Скорик 1961: Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Часть первая. Фонетика и морфология именных частей речи. – М.; Л.: Издательство 1961. – 448 с.

Скорик 1984: Скорик П. Я. Структура предложения в чукотском языке // Структура предложения в языках различных типов. Палеоазиатские языки / В. З. Панфилов, П. Я. Скорик (ред.). – Л.: Наука, 1984. – С. 128–210.

Словарь 1998: Словарь иностранных слов и выражений / Е. С. Зенович (авт.-сост.). – М.: Олимп, 1998. – 608 с.

Смирнова 1986: Смирнова Г. В. Наименование лиц и их ономаσιологические характеристики (опыт исследования словообразовательных механизмов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд. Московского ордена Дружбы народов государственного института иностранных языков имени Мориса Тореза, 1986. – 20 с.

Современная 2002: Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / А. А. Кибрик, И. М. Кобзоева, И. А. Секерина (ред.). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 480 с.

Солганик 2007: Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 232 с.

Стебницкий 1934: Стебницкий С. Н. Нымыланский (коряцкий) язык / Языки и письменность народов Севера. Часть III. – М.; Л, 1934. – С. 47–85.

Степанов 2007: Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 360 с.

Стросон 1982а: Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 55–86.

Стросон 1982б: Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика текста. (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). – М.: Радуга, 1982. – С. 109–133.

Суперанская 1969: Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. – М.: Наука, 1969. – 208 с.

Суперанская 1973: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

Тодоров 1978: Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 450–463.

Толпегин 2006: Толпегин П. В. Новые методы и алгоритмы автоматического разрешения референции местоимений третьего лица русскоязычных текстов. – М.: КомКнига, 2006. – 88 с.

Топоров 2004: Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Том I. Теория и некоторые частные ее приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 362–371.

Успенский 2007: Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство пространство. – М.: Изд. РГГУ, 2007. – 320 с.

Успенский 2011: Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 3–29.

Уфимцева 1977: Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). – Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Т. М. Николаевой – М.: Наука, 1977. – С. – 57.

Уфимцева 2004: Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М.: Едиториал УРРС, 2004. – 208 с. (1-е издание)

Филомонова 1999: Филомонова Е. Ю. Универсальные аномалии личных местоимений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд. МГУ, 1999. – 29 с.

Фролова 2007: Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. – М.: ЛКИ, 2007. – 320 с.

Харвег 1978: Харвег Р. Редуцированная речь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 388–401.

Хэллiday 1978: Хэллiday М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Прогресс, 1978. – С. 138–148.

Цивьян 1979: Цивьян Т. В. Категория определенности-неопределенности в структуре волшебной сказки // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Т. М. Николаева (ред.). – М.: Наука, 1979. – С. 330–362.

Черемисина 2004: Черемисина М. И. О лексико-грамматическом статусе местоимений // Черемисина М.И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. – Новосибирск: Наука, 2004. – 896 с.

Чехов 1980: Чехов А. С. Проблемы описания кореферентных и анафорических отношений в языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд. МГУ, 1980. – 19 с.

Чирко 1979: Чирко Т. М. Функциональная сущность определения в свете теории актуализации: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж: Изд. Воронежского гос. универ-та., 1979. – 24 с.

Чистов 2005а: Чистов К. В. Текст письменный – текст устный // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. – М.: ОГИ, 2005. – С. 68–72 с.

Чистов 2005б: Чистов К. В. Устная речь и проблемы фольклора // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традици. – М.: ОГИ, 2005. – С. 53 – 67.

Шатуновский 1993: Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – 42 с.

Шарина 2001: Шарина С. И. Персональность и possessивность в эвенском языке. – Новосибирск: Наука, 2001. – 94 с.

Шведова 1998: Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М: Азбуковик, 1998. – 176 с.

Шенкнехт 2007: Шенкнехт Т. В. Прагматический потенциал антропонимических номинаций. – Барнаул: Азбука, 2007. – 116 с.

Широбокова, Кошкарева, Мальцева 2009: Широбокова Н. Н., Кошкарева Н. Б., Мальцева А. А. Роль лингвистики в сохранении и развитии языков коренных народов Сибири // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия. Сборник трудов Международной научной конференции / Г. А. Дырхеева (ред.). – Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2009. – С.52–59.

Шмелев 1984: Шмелев А. Д. Определенность – неопределенность в названиях лиц в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд. МГПИ, 1984. – 19 с.

Шмелев 1995: Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МПГУ, 1995. – 49 с.

Шмелев 2002: Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

ТЕКСТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Публикации устных текстов в сборниках

Жукова 1980: Жукова А. Н. Язык паланских коряков. – Л., 1980. – 288 с.

Жукова 1988: Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. – Л., 1988. – 198 с.

Кибрик 2000: Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 468 с.

Стебницкий 1936: Савсьвенав то пьмыльнев Ытпълу. Чавчувенские и нымыланские (корякские) сказки. Собраны С. Н. Стебницким – М.; Л., 1936. – 32 с.

Литературные тексты

КК-Э.1936: Кеккетын К. Еwнъто val'an. Эвныто-батрак (рассказ на корякском языке). Ленинград, 1936.

КК-ПБ.1936: Кеккетын К. Vatqyl'an kәjәwçit. Последняя битва (рассказ на корякском языке). Ленинград, 1936.

ККил-А.1993: Килпалин К. В. Аня. Сказки Севера. – Петропавловск-Камчатский, 1993.

Газетные публикации

А.1994.6: «Эчгыпо муйыкнутэкин» 'Будни нашей земли' // Айгытқылг'у 'Северяне'. – 1994. – № 6. – С. 1 (автор не указан).

А.1994.8: – «Десятилетиян қайваятэн» 'Десятилетие малых народов' // Айгытқылг'у 'Северяне'. – 1994. – № 8. – С. 1 (автор не указан).

А.1995.13: «Умекэт бжояв'ьепылг'эн» 'Собрание оленеводов' // Айгытқылг'у 'Северяне'. – 1995. – № 13. – С. 1 (автор не указан).

А.1995.17: «Галай майныомакатгыйны» ‘Прошло собрание’ // Айгыткыылг’у ‘Северяне’ / Приложение к газете «Народовластие». – 1995. – № 17. – С. 1. (В качестве автора указан К. Рыбаков, не владеющий корякским языком).

А.1996.21: «Кулэң гыелгаатгыйны» ‘Идет отел’ // Айгыткыылг’у ‘Северяне’ / Приложение к газете «Народовластие». – 1996. – № 21. – С. 1 (автор не указан).

Личный архив

САА: тексты, записанные в июне 2010 г. от Симоновой (Кергыльхот) Александры Алексеевны, 1951 г. р., уроженки с. Ветвей.

ДЕИ: тексты, записанные в июне 2006 г. от Дедык (Наривлич) Екатерины Ивановны, 1932 г. р., уроженки с. Воямполка.

АКН: тексты, записанные в июне 2006 г. от Авилова Константина Николаевича, 1947 г. рождения, проживающего в п. Палана.

АЛА: тексты, записанные в июне 2010 г. от Карпеченковой (Аймик) Лилии Александровны, 1970 г. р., уроженки с. Ачайваям.

ООК: тексты, записанные в июне 2006 г. от Омая Олега Котавовича, 1941 г. рожд., проживающего в п. Палана.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Языки и диалекты: **ал.** – алюторский язык; **кор.** – корякский язык; **ал.** – собственно алюторский диалект (ал. яз.); **ветв.** – ветвейский диалект (ал. язык); **кам.** – каменский диалект (кор.яз.); **кар.** – карагинский диалект (ал.яз.); **пал.** – паланский диалект (ал.яз.); **чавч.** – чавчувенский диалект (кор.яз.).

Жанровая специфика текста: **автоб.** – автобиографический рассказ;
истор. – исторический, **лит.** – литературный, **мифол.** – мифологический,
охот. – охотничий, **полит.** – политический.

Приложение 1

Дифференциация изученных текстов по жанрам, языкам и диалектам

Жанр	Общее колич. текстов	Колич. текстов по яз. и диал.	Язык, диалект	Источник
Исторические предания	16	4	кор.яз. - ?	Стебницкий 1936, ???
		9	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: тт. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23
		1	кор., чавч.	Жукова 1988: т. 6
		2		ЛА Симонова ЛА Аймик
Автобиогр. рассказы	36	5	ал., пал.	Жукова 1980: тт. 1, 4, 5, 6 Жукова 1988: т. 33
		1	ал., караг.	Жукова 1988: т. 42
		5	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: т. 31,32, 33, 37, 39

		7	кор., чавч.	Жукова 1988: тт. 2, 3, 10, 23, 26, 27, 28	
		5		ЛА 2006, 2010	Аймик Л. А.
		3			Дедык Е.И.
		1			Омай О.К.
		1			Симонова А. А.
Автобиограф. рассказ + семейное предание + мифол. рассказ (сешанский жанр)		1	ал., пал	Жукова 1980: т. 7	
		3	кор., чавч.	ЛА 2010	Аймик Л. А.
		4			Симонова А.А.
Мифол. сказки Вороньего цикла	22	5	ал., пал	Жукова 1980: т. 11, 12, 14, 15 Жукова 1988: т. 35	
		6	ал., караг.	Жукова 1988: т. 37, 38, 39, 47, 48, 50	
		1	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13	
		5	кор., чавч.	Жукова 1988: т. 5, 11, 14, 17, 21	
		2		ЛА 2010	Симонова А. А.
Сказки, не входящие в состав Вороньего цикла	23	3	кор., кам.	Жукова 1988: т. 29, 30, 32	
		5	ал., пал	Жукова 1980: т. 10, 14, 16, 17, 19	
		1	ал., караг.	Жукова 1988: т. 40	
		2	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: т. 11, 14	
		9	кор., чавч.	Жукова 1988: т. 7, 8, 12, 13, 15, 16, 22, 24, 25	
		2	кор., чавч.	ЛА 2006, 2010	Авилов К. Н.
		1			Дедык Е. И.
3			Симонова А. А.		
Мифол. рассказ	12	2	ал., пал	Жукова 1980: т. 9, 21	
		5	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасова, Муравьева 2000: т. 12, 15, 24, 29, 30	
		2	кор., чавч.	Жукова 1988: т. 9, 18	
		2		ЛА 2010	Аймик Л. А.
		1			Симонова А. А.
Охотничий рассказ	3	1	ал., пал	Жукова 1980: т. 2	
		1	ал., караг.	Жукова 1988: т. 43	
		1	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: т. 36	
Бытовая сказка / анекдот	3	2	ал., пал.	Жукова 1980: т. 3, 17	
		1	кор., чавч.	ЛА 2010: Симонова А. А.	
Заговор	1	1	ал., караг.	Жукова 1988: т. 46	
Жанр не определен	1	1	ал., вывен.	Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: т. 41.	
Литературные повести	3	1	ал., ветв.	Килпалин 1993	
		2	кор., чавч.	Кеккетын 1936	
Политические статьи	5	5	кор., чавч.	Приложение к газете «Корякский коммунист» «Айгыттылгы» - 1994, 1995, 1996 гг.	